

ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ФЕОДОРА КИСТЯКОВСКАГО.

(1807—185... г.)

Вдовой, братьями и дѣтьми покойнаго Александра Федоровича Кистяковскаго намъ предоставлено было право рассмотреть воспоминанія отца его, писанныя по личной просьбѣ Александра Федоровича и имѣвшія первоначальное назначеніе только фамильное. Рассмотрѣвъ эти воспоминанія, мы пришли къ выводу, что они, кромѣ личнаго, имѣютъ и общественное значеніе, не только потому, что всякія замѣтки о картинкахъ жизни прошедшей есть достояніе исторіи, но и потому, что въ нихъ затрогиваются нѣкоторыя стороны жизни окружающаго общества, иногда очень рельефно выступающія въ разсказахъ старика священника. Рѣшивъ въ виду этого ихъ напечатать, мы обратились за разрѣшеніемъ къ родственникамъ автора, которые и дали намъ на это свое согласіе, за что позволяемъ себѣ привести имъ нашу глубокую благодарность.

Удобнѣе всего, конечно, начать печатаніе этихъ воспоминаній въ той книжкѣ нашего журнала, которая посвящается памяти сына автора ихъ, при чемъ самыя воспоминанія эти, какъ было сказано, появились на свѣтъ, благодаря просьбѣ этого сына, думавшаго о возможности сдѣлать ихъ гласными, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ собственноручная надпись Александра Федоровича на поляхъ рукописи. Вотъ эта надпись: „Воспоминанія отца моего, написанныя имъ по моей просьбѣ въ 1876—79 гг. Записки эти, къ сожалѣнію, не кончены. Воспоминанія доведены до посѣщенія отцемъ города Кіева въ то время, когда братъ Федоръ по-

ступилъ въ университетъ. Отецъ еще живъ, но онъ такъ дряхлѣ, что съ трудомъ въ состояніи написать письмо. Записки эти для меня лично представляютъ большой интересъ. Онѣ не лишены также и общаго интереса. Современемъ онѣ составляютъ нѣкоторый матеріалъ для исторической характеристики жизни того сословія, къ которому принадлежалъ мой отецъ и среди котораго онъ жилъ. Жаль, что онѣ слишкомъ кратки. Кіевъ. 1879 г. 12 октября. А. Ф. Кистяковскій“.

Такъ какъ записки эти въ большинствѣ представляютъ картинки бытового характера и, слѣдовательно, говорятъ сами за себя, то мы не считаемъ нужнымъ говорить что-нибудь еще и отъ себя въ разъясненіе ихъ въ видѣ предисловія. Единственно, что намъ кажется необходимымъ—это дать читателю справку о личности графа Ильи Андреевича Безбородка, о которомъ въ этихъ запискахъ (въ первой части ихъ) говорится довольно много.

Графъ И. А. Безбородко (1756—1816)—младшій братъ знаменитаго князя А. А. Безбородка, благодаря значенію послѣдняго, быстро подвигался по служебной лѣстницѣ и въ сорокалѣтнемъ возрастѣ имѣлъ уже высшій гражданскій чинъ и титулъ графа римской имперіи. Смерть бездѣтнаго князя Безбородка доставила этому его единственному брату огромныя богатства. Найденная въ бумагахъ умершаго А. А. Б.—ка записка послѣдняго съ выраженнымъ въ ней желаніемъ, чтобы наслѣдникъ вносилъ въ первые пять лѣтъ послѣ смерти наслѣдателя, по 10 тысячъ рублей въ годъ въ пользу богоугодныхъ заведеній, а затѣмъ въ теченіе слѣдующихъ восьми лѣтъ—по 20 тысячъ рублей, подала мысль И. А. Безбородку учредить въ Нѣжинѣ училище высшихъ наукъ (впослѣдствіи—лицей, а еще позже—институтъ), при чемъ благородный наслѣдникъ прибавилъ еще отъ себя на содержаніе этого училища, кромѣ завѣщанныхъ братомъ, 210 тысячъ рублей ас., по 15 тысячъ руб. ас. ежегодно, на вѣчныя времена. Такимъ образомъ Нѣжинское училище своимъ учрежденіемъ обязано главнымъ образомъ гр. И. А. Безбородку, за что память о немъ въ Малороссіи должна быть сохранена на долгія времена..... Современники этого богача отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ очень добромъ и

доступномъ. По смерти гр. И. А. Б—ка богатства его унаслѣдовали двѣ дочери ¹⁾, бывшія замужемъ: одна—за адмираломъ Г. Т. Кушелевымъ, а другая—за кн. А. Я. Лобановымъ-Ростовскимъ. Старшій сынъ Кушелева получилъ позволеніе присоединить къ своей фамиліи и фамилію дѣда—Безбородка.

Родился я въ 1807 году 20 дня апрѣля мѣсяца Черниговской губерніи Сосницкаго уѣзда въ мѣстечкѣ Стольномъ. Отецъ мой былъ крестьянинъ графа Ильи Андреевича Безбородка, Емеліанъ Васильевъ Кистяковский. Мать моя Марѳа Софронова дочь. Отецъ былъ средняго роста, довольно грамотный, отчего и занималъ мѣсто управляющаго. Мать, высокая, полная и красивая женщина, завѣдывала всѣми кладовыми, вмѣщавшими въ себѣ продовольственныя вещи для графской кухни, десерта и всѣхъ лакомства. Помню, что, когда я уже подростъ, постоянно являлись къ моей матери за сливками, масломъ, сахаромъ, вареньемъ, изюмомъ, миндалемъ и прочими принадлежностями для закусокъ. Мы, дѣти, нерѣдко бѣгали въ кладовую за подачкою. Насъ было трое: я и еще двѣ сестры: Анастасія и Мавра; съ послѣднею я былъ въ большой дружбѣ и нерѣдко дрался. Рожденіе мое было ознаменовано: бабкою была у меня попадья Дарья Василіева дочь Воронкевичева, славившаяся въ то время богатствомъ и почестями. Графъ подарилъ ей 50 руб., а матери на угощеніе гостей два ведра ренскаго вина съ дозволеніемъ брать все нужное изъ его кладовой. По сказанію матери, изъ вина варили вареную съ изюмомъ и другими ягодами и пряностями, бывшую тогда въ большомъ употребленіи. Нѣсколько дней гуляли, и бабка съ гостями являлась къ графу и получала подарки и изъ графскаго погреба вино бутылками, наливки и медъ.

Воспитаніе мое въ младенчествѣ было самое счастливое на рукахъ няньки, но мать кормила меня сама, хотя по желанію графа и была мамка. Въ полгода я сильно заболѣлъ; мать дала обѣтъ ѣхать въ Рыхлы поклониться Святителю Христову Ни-

¹⁾ Былъ у гр. И. А. Б—ва и сынъ, но умеръ молодымъ.

колаю и испросила крытый экипажъ у графа. Въ дорогѣ не бралъ я уже груди матери и мамки. По прибытіи въ обитель Рыхловскую мать заказала заздравную литургію. Она сама говѣла, и меня приобщили Св. Таинъ. Я видимо сталъ поправляться. Мать сдѣлала вкладъ денежный въ обитель. Строитель игумень Амвросій благословилъ меня образомъ Святителя Христова, спискомъ съ чудотворнаго образа, и предсказалъ моей матери, что она въ позднихъ лѣтахъ будетъ утѣшена моимъ благосостояніемъ ¹⁾. Когда я сталъ подростать, меня нянька носила часто въ графскія комнаты, гдѣ я получалъ разныя дѣтскія игрушки. Отецъ мой Емельянъ рѣдко проживалъ въ Стольномъ: ему дѣлались наряды по Малороссійскимъ графскимъ экономіямъ Черниговской и Полтавской губерній. По отзывамъ старожиловъ, отецъ мой былъ очень добрый и мягкій человѣкъ, строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы пригонщики не обижали женщинъ и дѣтей; онъ самъ нерѣдко привозилъ мѣшками бублики изъ Березного и раздавалъ для кормленія дѣтей, приказывая устривать имъ шалашики въ лѣтнее время и приставляя нѣсколько женщинъ для присмотра дѣтей. Сюда пригонялись люди изъ другихъ близкихъ экономій, Дримайловки, Куликовки и др. На огородахъ и въ садахъ работало болѣе ста душъ. Здѣсь, въ Стольномъ, кромѣ садовъ были огромныя оранжереи и теплицы близъ самаго пруда, занимавшія болѣе четверти версты. Здѣсь, въ теплицахъ, росло множество аванасовъ и разнаго рода цвѣтовъ, не встрѣчающихся уже теперь, лимоновъ, апельсинавъ, цитроновъ, винныхъ ягодъ, миндаля, персиковъ, абрикосовъ и испанскихъ вишенъ рѣдкой величины и вкуса. А сколько было плодовъ лимона около оранжерей, росшихъ на воздухѣ и искусственно сохраняемыхъ! Они были необыкновенной величины, и я такихъ больше нигдѣ не видѣлъ, даже въ Кіевѣ въ продажѣ. Употреблялись они на варенье и для стола. Нынѣ уже только нѣкоторые роды уцѣлѣли, и отъ оранжерей осталась едва десятая часть. Есть еще до полсотни лимонныхъ деревьевъ, нѣсколько апельсинъ, цитроновъ; абрикосовыхъ и персиковыхъ бо-

¹⁾ Она умерла въ 50-хъ годахъ въ нашемъ домѣ и погребена въ селѣ Городищѣ около храма Святителя Христова Николая.

лѣе, но не въ томъ уже видѣ и порядкѣ. Всѣ нѣжные цвѣты и лучшіе сорта исчезли, а теплицъ вовсе нѣтъ. Вездѣ намъ дѣтямъ, т. е. мнѣ и сестрамъ, можно было ходить и пользоваться плодами, хотя тогда сторожей было безъ числа и строго воспрещалось входить кому-либо изъ постороннихъ, кромѣ гостей, коихъ сторожа на каждомъ шагу просили не ломать цвѣтовъ; сорванные же плоды садовникъ или ихъ помощники предлагали во время прохода.

Въ 1808-мъ году графъ далъ вольную отцу моему и матери со всѣмъ семействомъ, купилъ мѣсто въ Стольномъ на Зубрѣвской улицѣ и приказалъ экономіи построить домъ въ четыре комнаты, амбары, хлѣвы и клуню, развести садъ. У матери моей довольно было собственнаго скота. По устроеніи она наняла надежнаго человѣка, козака Трофима Присѣвка, сдѣлала его полнымъ хозяиномъ; между тѣмъ онъ торговалъ рыбою, солью, чабаками. Въ *Дъвицѣ* покупалось нѣсколько мажъ чабаковъ, соли. Барышъ дѣлился пополамъ, скотъ лишній и овцы на весну продавались въ пользу одной матери. Лошадь онъ имѣлъ отъ себя для своихъ поѣздокъ и потребъ. Насъ лѣтомъ водили въ свой домъ, хотя очень рѣдко, а зимою по праздникамъ возили. Когда я началъ уже подростать и ходить, меня и сестру мою Мавру, бывшую на годъ старше меня, часто водили въ графскіе покои, вмѣщавшіе въ себѣ большое количество комнатъ, украшенныхъ дорогими въ золотыхъ рамахъ картинами и дорогою мебелью, обитою штофомъ, водили насъ и въ его кабинетъ, гдѣ были золотые обои¹⁾; здѣсь находился портретъ Императора Павла во весь ростъ. Графъ давалъ намъ дѣтскія игрушки, послѣ чего насъ посылали въ дѣтскія комнаты, гдѣ насъ кормили и давали конфеты и разныя сласти. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ насъ одѣвали прилично и водили въ домовую придворную церковь во имя св. Маріи Магдалины, находящуюся при комнатахъ. Служителемъ сей церкви сначала былъ протопопъ Лаврентій. Онъ былъ искусный рѣзчикъ по дереву. Кресты кипарисные на престольные его ра-

¹⁾ Кушелевъ вывезъ оные обои изъ Петербурга. Сказываютъ, что это подарокъ Имп. Екатерины Свѣтлѣйшему Александру Андреевичу.

боты находятся въ Стольнинскихъ приходскихъ церквяхъ, опра-
вленные въ серебряные позолоченные окладцы, какъ рѣдкость.
По сказанію матери, онъ былъ умный и весьма отличный слу-
житель, но заболѣлъ и выѣхалъ на родину, въ Стародубскій
уѣздъ. Я его чуть помню. Послѣ него переведенъ придворнымъ
священникомъ изъ Андреевской церкви свящ. Даніилъ Игнато-
вичъ, тоже глубокой старикъ, бѣлый, какъ лунь. Сего я очень
помню: онъ былъ большой крикунъ, въ церкви постоянно кри-
чалъ на дьячковъ и пѣвчихъ и до того наказивалъ въ церкви,
что она была какъ будто вся въ облакахъ. Для графа и его семей-
ства входъ въ церковь былъ сдѣланъ изъ комнатъ, для дворо-
выхъ же и прочихъ—снаружи, гдѣ при входѣ находилась плат-
форма, на которой висѣли четыре колокола; самый большой изъ
нихъ былъ пудовъ въ десять. Въ самой церкви было неболь-
шое помѣщеніе, но при входѣ было сдѣлано что-то въ родѣ
придѣла, гдѣ помѣщались дворовые, а ихъ тамъ было болѣе ста
душъ мужскаго пола; въ самой же церкви стояли благородные
или близкіе къ графскому семейству его люди. И со стороны
графскаго входа находилась также комната съ большими сте-
кляными дверями. Въ церкви былъ только одинъ вѣлорось; надъ
нимъ висѣла большая икона въ золотой рамѣ, академической
работы, изображавшая Благовѣщеніе. Здѣсь же въ углу при-
бита была благословенная икона Святителя Христова Николая
Рытловскаго, предъ которою всегда теплилась лампада и горѣ-
ла восковая свѣча во время каждаго богослуженія; это доста-
влялось моею матерью, строго исполнявшей сей обѣтъ. На дру-
гой сторонѣ, на стѣнѣ, висѣла икона Рождества Христова—
поклоненіе царей рождшемуся Спасителю, тоже академической
работы. Здѣсь всегда стоялъ графъ во время богослуженія. По-
мню, онъ пріобщался Св. Таинъ на первый день св. Христова
Воскресенія, послѣ коего всѣ дворовые во входной предъ цер-
ковью комнатѣ подходили къ нему христосоваться по чину, и
камердинеръ и нарочитые ближніе получали изъ рукъ его пару
красныхъ яицъ, а послѣ прочимъ самъ камердинеръ раздавалъ
яйца и христосовался. Наша же семья входила въ столовую и
разговлялась съ графомъ и его ближними. Тогда же послѣ за-

куски получали мы денежную награду изъ рукъ графа, цѣля его въ руку: намъ, дѣтямъ, онъ давалъ по пятирублевой ассигнаціи, отцу и матери—по 25 рублей. Графъ жилъ въ сіе время оттого самъ, что устраивалъ своимъ коштомъ Домницкій монастырь. Графское семейство жило въ Петербургѣ.

Въ началѣ 1809 года графъ выѣхалъ въ Петербургъ, сдѣлавъ всѣ распоряженія къ весеннему его пріѣзду со всѣмъ семействомъ. Мать рассказывала, что еще до его пріѣзда наѣхало изъ Петербурга и разныхъ экономій много людей, искусныхъ въ разныхъ приготовленіяхъ закусокъ, и цѣлыя облавы охотниковъ. Все время шло копченье, приливанье, соленье; работали медовары, пивовары и составители разныхъ ликеровъ и наливокъ. Постомъ прибыли цѣлые караваны съ винами и прочими принадлежностями къ столу. Распространилась молва, что скоро пріѣдетъ графъ со всѣмъ семействомъ. Много всѣмъ было дѣла. Наконецъ, въ началѣ мая прибыла часть его обоза. Вскорѣ засуетилась вся дворня: начали вывозить кареты, разные экипажи; изъ другихъ экономій выслали много лошадей, экипажныхъ и верховыхъ. Наконецъ, высланы лошади на нѣсколько станцій, поскакали гайдуки изъ Стольнаго, вся дворня всполошилась. Съ полудня появились впереди кареты, штукъ до шести, послѣ разные экипажи. Когда кареты вѣзжали на парадный дворъ, то послѣдніе экипажи были только въ началѣ вѣзда. Для насъ, дѣтей, памятно, какъ гайдуки скакали предъ каретами, кучера и фореиторы хлопали бичами, колокольчики звенѣли; все это съ послѣдней станціи одѣто въ ливреи, въ золотыхъ позументахъ и шляпахъ съ позументами. Изъ Петербурга и другой какой-то экономіи пріѣхало два оркестра музыки: одинъ духовой, а другой—инструментальный. Въ обѣдъ играла инструментальная музыка, а по вечерамъ—духовая. Помню, что огромныя трубы лежали на подмосткахъ въ саду около большого крыльца.

На другой день рано являлись съ визитомъ: первый—генералъ Бобиръ съ семействомъ, Давиловичи-Городинскіе, священникъ Василій Воронкевичъ съ матерью, моей бабкою, затѣмъ исправникъ и засѣдатель. Они всегда были оставляемы отобѣдать. Матери моей и отцу ни днемъ, ни ночью не было покоя:

всѣ прїѣзжіе являлись на поклонѣ. Затѣмъ непрерывныя требованія для кухни за провизіей, а тутъ постоянно прибѣгали за сливками, сливочнымъ масломъ, за вареньемъ и разными пряностями. Все питье находилось на рукахъ дворецкаго. Вина и ликеры печатные помѣщались въ погребѣ подѣ комнатами, а пиво, медъ, кислоти и наливки—въ отдѣльномъ каменномъ погребѣ. У дворецкаго былъ помощникъ, выдававшій изъ другого погреба, и все выданное ими записывалось. Въ конторѣ было пять писарей съ главнымъ конторщикомъ. Можно судить, сколько расходилось. Всего было 25 коровъ, да къ прїѣзду графа пригнано было изъ степныхъ экономій столько же дойныхъ. 12 душъ коровницъ утромъ и вечеромъ надаивали шесть носатокъ, каждая ведеръ въ 7. Каждая пара коровницъ несла такую носатку на жерди, лежащей на плечахъ, самая же носатка висѣла на срединѣ. Приходили къ ледовнѣ и здѣсь разливали въ гладыжки, коихъ было несмѣтное количество; здѣсь снимали сливки, молоко раздавали дворнѣ, потомъ снимали сметану и здѣсь же вливали въ колотушки для битья масла. Большое количество отсылалось на кухню.

Нерѣдко мы ходили съ коровницами на большую леваду находящуюся надъ озеромъ, а это не близко. Тамъ былъ птичій дворъ; больше тысячи было тамъ домашней птицы—индюковъ, гусей, утокъ, куръ. Тутъ же былъ винокуренный заводъ, хлѣбные сараи и клуны, стояло большое количество скирдъ ржаного хлѣба и сѣна. Тамъ была построена цѣлая колонія хатъ для рабочаго народа.

Вскорѣ по прїѣздѣ графа съ семействомъ ¹⁾ начали съѣзжаться гости изъ Чернигова. Шли приготовленія къ освященію Домницкой обители. Прибыли изъ Чернигова губернаторъ Григорій Петровичъ Милорадовичъ, а затѣмъ за день или болѣе преосвященный Михаилъ, архіепископъ Черниговскій.

Здѣсь исполнилось неожиданное назначеніе всей моей будущей судьбы. Мать потребовали со мною въ графскія комнаты. Преосвященный благословилъ мать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и меня,

¹⁾ Ибо двѣ дочери уже были въ замужествѣ: первая, Клеопатра, за княземъ Лобавовымъ-Ростовскимъ, а другая за Кушелевымъ, дѣдомъ нынѣшней Пушкиной.

стоявшаго съ матерью; затѣмъ онъ объявилъ свое архипастырское благоволеніе, что я принимаюсь въ духовное званіе, водилъ меня по парадной комнатѣ и говорилъ: „ты будешь получать содержаніе въ духовномъ училищѣ отъ меня“. Слѣдовательно, я долженъ былъ носить другую еще фамилію Михайловъ, которую усваивали въ Черниговской семинаріи получающіе таковое пособие. Но объ этомъ сказано будетъ въ другомъ мѣстѣ.

За день большимъ обозомъ отправилась кухня въ Домницкій монастырь. Данъ былъ приказъ ловить рыбу во всѣхъ возможныхъ озерахъ. Рано съ разсвѣтомъ тронулся весь кортежъ каретъ и прочихъ экипажей съ гостями и со всей ливрейной прислугой. Много каретъ и экипажей возвратилось вечеромъ, а другая часть—на слѣдующій день. Готовились опять къ балу, заготавливали плошки, разные фонари, фейерверки; нѣсколько фалконетовъ выставлено или, какъ именovali ихъ, мощирей, на площадкѣ въ саду. Опять прибыло много гостей. Дня три это продолжалось. Отъ насъ позабрали всю, какая была лучшая, постель и отъ прочихъ дворовыхъ, кто имѣлъ таковую лучшую. По окончаніи баловъ стали разъѣзжаться; вскорѣ уѣхали и петербургскіе гости и зятя. Говорятъ, они были на должностяхъ.

Остался графъ и графиня съ сыномъ, да докторъ Мисинадо, французъ; музыка почти вся была отправлена: остались одни турбанисты, танцующіе съ турбаномъ и пѣніемъ. Все вошло въ прежнюю колею. Мать говорила, что она до того была истомлена, что болѣе недѣли проболѣла. Молодой графъ часто приходилъ съ докторомъ Мисинадо къ намъ въ домъ; они удалялись въ угловую комнату еще съ какимъ-то господиномъ и моимъ отцомъ. Здѣсь они играли въ карты и шашки; дворецкій приносилъ имъ цопойку, бутылки вина и наливки. Молодой графъ любилъ погулять; впрочемъ, онъ былъ больной и полудіотъ. Онъ очень уважалъ мою мать и нерѣдко называлъ ее мамашей и боялся, если мать когда-либо останется чѣмъ-либо недовольна.

Въ сіе время я уже начиналъ ходить гулять, хотя и съ нянькой. Товарищемъ моимъ былъ Петръ Дайнека, сынъ булочницы; она же пекла просфоры для домашней дворовой церкви

и для приходской Спасопреображенской. Дружба наша продолжалась и тогда, когда насъ начали учить и посылать въ школу къ пономарю, очень сердитому и любившему выпивку.

Графа-владѣтеля я никогда не видѣлъ въ нашемъ домѣ. Мать постоянно требовали въ комнаты. Иногда по вечерамъ и утрамъ сестру Мавру и меня туда водили, давали намъ пить чай съ разными булками, сухарями и прочими сладостями. Входилъ графъ, и мы подходили цѣловать его руку. Онъ приказывалъ принести намъ разныхъ конфетъ и сладостей, и мы выходили съ наполненными салфетками. По приходѣ мать отъ насъ отбирала принесенное и давала малую только часть, за что мы иногда ссорились до драки.

Сестра Анастасія не участвовала въ нашихъ гуляньяхъ: она уходила учиться къ какой-то графской швейной мастерицѣ.

Особенно намъ нравилось, когда собирались у насъ гости— всѣ приближенные графскіе, мужья съ женами и дѣвушками. Угощеніе шло на славу: вареная малороссійская играла главную роль, наливка и вино лились въ изобиліи, закуски были наилучшія. Здѣсь участвовалъ и главный поваръ Антонъ, пузатый мужчина, одѣвавшійся очень прилично; въ кухнѣ же во время приготовленія обѣда онъ былъ весь въ бѣломъ, какъ снѣгъ.

Эти угощенія бывали больше тогда, когда графы отъѣзжали куда-либо въ гости. Приходившіе намъ всегда приносили много разныхъ гостинцевъ и подарковъ. Главный садовникъ, участвовавшій въ этихъ пирушкахъ, приносилъ разные оранжевые плоды, какихъ нынѣ уже и видѣть не приходится. Призывали турбанистовъ; они одѣвались въ избранное имъ платье и плясали подъ напѣвъ и игру удивительнымъ и искуснымъ образомъ, подобно паяцамъ.

Въ 1810-мъ году въ іюнѣ мѣсяцѣ умеръ нашъ отецъ Емельянъ, оплаканный всѣмъ семействомъ и дворовыми людьми: онъ былъ мягкій человекъ и любимый всѣми. Болѣзнь его была простудная—чахотка. Онъ болѣлъ всю зиму, и докторъ французъ Мисинадо поддерживалъ его, но сказалъ матери, что никакія лѣкарства не помогутъ и что весною или въ началѣ лѣта онъ умретъ.

Мать не жалѣла ничего для погребенія, сдѣлала склепъ просторный, чтобы когда-нибудь по смерти быть погребенной и ей ¹⁾). Похороны были великолѣпныя: были священники съ причтами изъ трехъ церквей.

Его погребли близъ Андреевской церкви въ паперти. Здѣсь въ церкви погребена мать графовъ, Евдокія, на лѣвой сторонѣ, гдѣ въ стѣнѣ находится позлащенная таблица съ означеніемъ времени рожденія, службы и смерти. Она была статсъ-дама, имѣла орденъ св. Екатерины и служила при дворѣ при трехъ монархахъ. Въ послѣднее время она и жила здѣсь при церкви, въ домѣ изъ нѣсколькихъ комнатъ для нея и для ея прислуги.

Она вела жизнь отшельническую, удаливъ отъ себя всякую роскошь и суету міра. Она не ѣздила даже въ графскій дворецъ, а самъ графъ часто пріѣзжалъ къ ней; да она вообще никуда не выѣзжала, кромѣ Домницкаго монастыря къ своему духовнику, архимандриту и настоятелю Іерофею Малицкому. Благодаря ея ходатайству предъ сыномъ, свѣтлѣйшимъ, онъ хиротонисованъ въ архіереи, а послѣ въ митрополиты кіевскіе.

Мать устроила каменный памятникъ надъ могилой отца, который и нынѣ существуетъ. Въ 1849 году, въ бытность священника Аделфинскаго, я его подправилъ и отщекатурилъ. Въ то время я былъ благочиннымъ.

Здѣсь было много памятниковъ деревянныхъ, но они разрушились и не существуютъ, кромѣ одного, каменнаго, надъ могилой генераль-маіора Степана Бобира и другого, поставленнаго бывшимъ управляющимъ Петромъ Тузовымъ на могилѣ единственнаго сына. Послѣдній памятникъ былъ что-то въ родѣ малой церкви и стоилъ болѣе тысячи рублей. Этотъ мальчикъ подавалъ большія надежды. Въ памятникѣ стоятъ его механическія мельницы и прочія модели, сдѣланныя имъ собственнымъ рукодѣліемъ на 13-мъ году жизни.

Въ 1811-мъ году графъ со всѣмъ семействомъ выѣхалъ въ Петербургъ. При отъѣздѣ была призвана мать для проща-

¹⁾ Ей не суждено тамъ быть погребенной, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

вья; графъ предложилъ ей свою ентовую шубу, немного только ношенную; мать отказалась, и онъ тутъ же подарилъ ее дворечному Оомѣ Бойку, сказавъ при этомъ: „Марфа, Марфа! Придетъ тебѣ темная ночь!“ Слова его сбылись въ послѣдующей жизни моей матери.

Послѣ отъѣзда графа произошли большія перемѣны: управляющій Дмитрій Петровъ Рсговичъ переселилъ мать мою въ домъ за дворомъ, гдѣ проживали впослѣдствіи сахаровары нѣмцы, а нынѣ садовникъ Кохъ.

Правда, домъ былъ помѣстительный.

Меня стали учить: сначала пономарь дворовой церкви ходилъ къ намъ на домъ, а послѣ я и сестра Мавра стали ходить къ нему въ школу, дворовъ черезъ шесть, по большой улицѣ. Мы ходили больше съ Петромъ Дайнекою: онъ заходилъ за мною. Конечно, наше хожденіе было не безъ штукъ и шалостей: мы заходили на цвинтарь драть воробьевъ, а въ лѣтнее и осеннее время забирались въ графскій садъ, гдѣ лакомились ягодами, грушами, яблоками, сливами, нерѣдко зелеными. Насъ, какъ привилегированныхъ, не наказывали розгами, а ставили на колѣна и грозили подсыпать гречки. За то, когда нашъ учитель приходилъ жаловаться матерямъ, не обходилось безъ потасовки. Прочихъ онъ дралъ, можетъ быть для внушенія намъ страха, и при отпускѣ въ субботу давалъ такъ называемыя „субботки“. Въ это время онъ всегда бывалъ пьянъ.

Діомедъ Афанасьевичъ Скриба (такъ звали нашего учителя) величался своимъ знаніемъ, силою и разгонялъ всю свою семью. Но лѣтомъ онъ заболѣлъ и умеръ на паперти дворовой церкви, подъ колоколами; онъ тамъ болѣе мѣсяца болѣлъ, не ходилъ въ домъ, хотя около церкви прогуливался съ трудомъ. Его занимали пчелы, которыхъ нѣсколько пней стояло тутъ-же въ саду; онъ за ними смотрѣлъ, потому что съ паперти былъ ходъ въ садъ.

Мы часто ему приносили по распоряженію матери лучшую, какая была, пищу. Мать моя была вообще челоуѣколюбивая женщина и никогда не отказывала бѣднымъ, въ чемъ могла, за что отъ дворовыхъ и знавшихъ ее прочихъ людей заслужила добрую память. Когда онъ умеръ, мать приняла въ

домъ въ качествѣ учителя какого-то странника Демьяна, который болѣе занимался молитвой, чѣмъ нашимъ обученіемъ: заберется на гору и тамъ на колѣняхъ съ плачемъ молится. Сестра Мавра не давала ему покоя, постоянно издѣвалась надъ нимъ, и онъ часто уходилъ въ графскій садъ въ какую-нибудь гущу, глушь, собственно для молитвы. Впрочемъ, онъ былъ строгъ, постоянно держалъ розги, часто наказывалъ по одеждѣ, легко нами одѣтой. За это сестра Мавра ломала часто его розги и ругала его самыми неприличными словами. Едва ли онъ насъ училъ больше года, послѣ чего удалился, не знаю куда.

Въ 1811 году мать моя получила по ея просьбѣ позволеніе поѣхать съ семействомъ въ Кіевъ на поклоненіе св. угодникамъ, а оттуда въ Переяславскій уѣздъ Полтавской губерніи, въ селеніе Богданы для свиданія съ родною сестрою Пелагією, бывшею тамъ въ замужествѣ тоже за управляющимъ. Экономія дала матери новую крытую бричку, тройку конюшенныхъ лошадей и кучера Герасима, прежде ѣздившаго съ графомъ, но по старости лѣтъ замѣненнаго для графскихъ выѣздовъ сыномъ его Емельяномъ. Насъ съ матерью было четверо, да пятой была воспитанница, дѣвка Ирина, выданная впоследствии замужъ за садовника Марка Цыбу, съ приличнымъ вознагражденіемъ. Дорогою насъ ужасно удивляли, особенно подъ Кіевомъ, дремучіе тогда, высокіе сосновые лѣса. Разказы кучера о томъ, что въ этихъ лѣсахъ обитають разбойники, ужасно насъ страшили, но мы ночью, какъ помню, не ѣхали и рано останавливались ночевать.

По пріѣздѣ въ Кіевъ мы остановились въ графскомъ дворцѣ на Печерскѣ.

Здѣшній управляющій, а нынѣ дворецкій, принялъ насъ наилучше, помѣстилъ насъ въ домѣ, занимаемомъ имъ и его семействомъ; домъ былъ довольно обширный. Намъ здѣсь было очень удобно и вполне прилично: столъ мы имѣли совмѣстный съ семействомъ управляющаго, чай и прочее—тоже. При домѣ находился садъ съ ужасными байраками, гдѣ мы съ дѣтьми управляющаго постоянно бѣгали, гуляли и рвали плоды; помню,

виноградъ еще былъ зеленый и кислый, такъ какъ это было, вѣроятно, въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Дѣти управляющаго ходили въ классъ.

Иногда мальчики доводили меня до плача. Послѣ обѣды мы пускались въ запуски гулять, и это оканчивалось миромъ.

Помню, какъ насъ возили въ церкви, особенно Кіево-Печерскую Лавру, гдѣ водили насъ по всѣмъ пещерамъ для поклоненія и пѣлованія святыхъ угодниковъ. Особенно запечатлѣлись въ моей памяти мощи Іоанна многострадальнаго въ землѣ, съ главы коего снимали шапочку и надѣвали мнѣ на голову, а также помазаніе елеемъ или мѣромъ съ мѣроточивыхъ главъ св. угодниковъ. По выходѣ изъ пещеръ давали намъ по большой просвирѣ и водили насъ по всему монастырю.

Сильно запечатлѣлось въ моей памяти и то, какъ показывали намъ, когда водили по пещерамъ, въ желѣзные gratочки, гдѣ лежали 12 братьевъ, замурованныхъ по смерти и строившихъ Лаврскую колокольню. Помню, какъ намъ показывали и маленькія церкви пещерскія, гдѣ мать нанимала обѣдню, послѣ которой намъ давали красное вино и крохи просвиры. Я вынесъ оттуда впечатлѣніе, которое роилось долго у меня въ головѣ, а по приѣздѣ домой я передавалъ мальчикамъ все видѣнное на разные лады, какъ понималъ. Послѣ того возили насъ и по другимъ церквамъ, напр.: въ Михайловскій соборъ, гдѣ почиваютъ мощи св. Великомученицы Варвары.

Тамъ, помню, купили и Акафистникъ св. Варвары, изъ котораго сестра Анастасія рассказывала впослѣдствіи намъ изъ картинокъ, тамъ напечатанныхъ, ея, св. Варвары, великія мученія и страданія отъ отца ея Діоскора. Возили насъ въ Софійскій монастырь, гдѣ покоятся мощи св. Макарія, въ Андреевскій, Десятинную церковь и пр.

Проживъ въ полномъ довольствѣ въ Кіевѣ ¹⁾ около недѣли, мы простились съ семействомъ дворецкаго и поѣхали на Переяс-

¹⁾ Помнится, что когда въ 1856 году, въ январѣ мѣсяцѣ, я былъ въ Кіевѣ при поступленіи въ университетъ сына Феодора, я просилъ старшаго сына Александра повезти меня на Петербургъ, не узнаю ли я мѣста графскаго, гдѣ мы квартировали, и я указалъ. Сынъ Александръ сказалъ, что это мѣсто продавао Компаніи девижапсовъ.

славъ, въ которомъ тоже останавливались у какой-то лѣкарки, вѣроятно акушерки. Сестра Анастасія заболѣла какими-то лишаями на локтяхъ руки и изгибахъ колѣнъ.

Хозяйка наша, немолодая крупная женщина, была хорошо знакома нашей матери. У нея мы и квартировали. Помню, сестра Анастасія больно плакала, когда ее вытирали какими-то мазями, что дѣлалось въ отдѣльной комнатѣ. Мы здѣсь прожили дня три. Насъ тоже водили, не знаю, въ соборъ, или монастырь, гдѣ почиваютъ мощи св. Макарія, но все это помнится мнѣ, какъ въ сновидѣніи. Изъ Переяслава мы отправились уже въ Богданы, экономію графа. Прибыли мы туда днемъ. Насъ встрѣтили радушно. Родные отвели намъ домикъ посреди экономического двора, выстроенный для пріѣзда главноуправляющаго. Онъ былъ невеликъ, но красивъ и довольно помѣстителейъ. Здѣсь прожили мы въ полномъ довольствѣ. Помню, по утрамъ приходилъ кучеръ и говорилъ: „ну, панюшка Марфа Софроновна, здѣсь лошади откормятся, овса никогда не поѣдаютъ, сѣно поспѣвшее, какого онѣ не видали во всю дорогу.“ Оно косится для „шліонскихъ“ овецъ, коихъ тутъ большой заводъ.

Пирушки и попойки были ежедневныя. Насъ водили и по прочимъ дворамъ лучшихъ людей и вездѣ насъ кормили сластями. Во дворѣ было безчисленное множество всякой птицы, а голубей столько, что мы удивлялись ихъ множеству. Кромѣ помѣщеній въ кровляхъ, по срединѣ двора была устроена на четырехъ столбахъ огромная голубятня, гдѣ помѣщались сотни голубей.

Помню, что тамъ было безчисленное количество арбузовъ и дынь и какихъ-то тыквъ, какихъ я теперь не вижу. Садовъ въ селѣ не видно, кромѣ небольшого графскаго. Здѣсь было много рогатаго скота, много воловъ съ большими рогами, какихъ я послѣ мало гдѣ видѣлъ.

Отсюда, проживши съ недѣлю, мы поѣхали уже домой; по дорогѣ заѣзжали еще въ графскую экономію, Оржицу, гдѣ тоже ночевали при всемъ довольствіи экономическомъ. Затѣмъ мы пріѣхали въ Нѣжинъ, гдѣ только отдыхали на Лицейскомъ

дворѣ. Мать ѣздила въ лавки и покупала то, что ей было нужно. На ночь мы отправились въ Беркѣевку, главное управленіе. Здѣсь управлялъ помѣщикъ Богунъ, имѣвшій самъ душъ двѣсти крестьянъ въ Новгородъ-Сѣверскомъ уѣздѣ. Когда ему было доложено о пріѣздѣ матери съ семействомъ, онъ распорядился, чтобы намъ отвели помѣщеніе въ отдѣльномъ флигелѣ, а мать скоро потребовали къ главноуправляющему. Насъ лакеи его угощали чаемъ, а когда пришла мать, то подали ужинъ. Мать была сильно встревожена объявленіемъ Богунъ о большомъ наборѣ рекрутъ и о томъ, что графъ скоро пріѣдетъ изъ Петербурга, при чемъ онъ объявилъ, что молодой графъ отправился въ Польшу съ козачьимъ полкомъ, коего онъ назначенъ полковымъ командиромъ.

Поутру опять мать звали къ Богуну, который далъ ей разныя бумаги въ экономію и распоряженія относительно пріѣзда графа, который долженъ прибыть ненадолго и безъ семейства. Здѣсь намъ перемѣнили третью лошадь, которая оказалась закривѣвшею. Послѣ обѣда мы отправились и ночевали въ какой-то тоже богатой экономіи. Это было сдѣлано уже по желанію кучера Герасима, т. к. у него здѣсь были родичи. Здѣсь громадное винокуреніе, и, кажется, у тамошняго приказчика разгулы продолжались за полночь. На другой день мы рано выѣхали изъ этой экономіи и къ позднему обѣду прибыли въ Стольное.

Занятія матери пошли своимъ порядкомъ, а Демьянъ нашъ возвратился и опять сталъ насъ учить. Я уже выучилъ грамматику и часловецъ, началъ учить псалтырь и писать по деревянной длинной таблицѣ, разведенной крейдою, перомъ. Вскорѣ опять нашъ Демьянъ покинулъ насъ и удалился въ Домницкій монастырь, гдѣ, говорятъ, онъ прожилъ болѣе года и удалился неизвѣстно куда.

Осенью прибылъ графъ безъ всякаго семейства, и безъ всегдашней его петербургской прислуги, а съ однимъ только поваромъ, въ дорогѣ нужнымъ потому, что здѣсь лакеевъ, истопниковъ и прочей прислуги было довольно. Помню, стали сгонять изъ разныхъ экономій молодыхъ и лѣтнихъ молодцовъ

для отвозки въ рекруты. Мать уже не завѣдывала кладовыми. Ими завѣдывалъ кондиторъ и его жена, а на рукахъ матери была только молочная и ледовня, теперь еще существующія въ видѣ башенъ съ флюгерами на верхнихъ куполахъ, на которые мы съ удовольствіемъ смотрѣли, когда они во время вѣтра вертѣлись.

Во время своего пребыванія въ Стольномъ, графъ часто выѣзжалъ въ разныя экономіи, въ Черниговъ и Нѣжинъ.

Сюда прибылъ изъ Чернигова Григорій Петровичъ Милорадовичъ, а также пріѣзжали болѣе извѣстные помѣщики изъ Черниговской и Полтавской губерній.

Музыки не было, кромѣ турбанистовъ и придворной пѣвчей. Въ церкви настоятелемъ по прежнему былъ тотъ же священникъ Даніилъ Игнатовичъ.

Для болѣе скорого полученія писемъ изъ Чернигова была устроена постоянная домашняя почта до Чернигова.

По воскресеньямъ въ Стольномъ установился торгъ, на которомъ фигурировали большею частью березнинскіе торгаши или, какъ ихъ называли тогда, крамари. Большая часть ихъ состояла изъ женщинъ, занимающихся мелкимъ крамомъ—продажей лентъ, мониста, серегъ, личмановъ и проч. мелочи. Были крамари съ платками, ситцами, демикотонами, разною пестрядью, пряниками, орѣхами, изюмомъ, сахаромъ и проч. бакалеею. Все это было неизысканно, но болѣе всего удобно для продажи поселянамъ и дворянамъ, которые, за исключеніемъ графа, Бобыра и Даниловича, жили тоже неизысканно. На базаръ пріѣзжали также крамари съ сапогами и горшечники съ простою и поливною посудой, бывшею тогда въ большомъ употребленіи. Графъ, дабы привлечь крамарей, нерѣдко покупалъ весь товаръ и въ присутствіи своихъ раздавалъ его своимъ дворовымъ людямъ, начиная отъ ситцовъ, платковъ, демикотоновъ и проч., а молодымъ дѣвкамъ, парнямъ и молодыцамъ бросали очипки, мелкіе платки, дѣвкамъ—ленты, мониста, серьги, личмавы и всякую мелочь, мальчикамъ и дѣвочкамъ—пряники, бублики, булки, сайки и прочую бакалейную мелочь. Здѣсь сидѣли графъ и прочіе гости, если таковые были, и съ интере-

сомъ смотрѣли, съ какииъ удовольствіемъ народъ все схватывалъ. Писаря сначала записывали по здѣшней оцѣнкѣ товары, предназначенные для раздѣла, пользуясь при этомъ всеиъ лучшимъ, хотя тутъ же управляющій Роговичъ повѣрялъ. Сапоги и башмаки также раздавались писарями, войтами и прикащиками.

Затѣмъ графъ приказывалъ отпустить нѣсколько ведеръ горѣлки и пива, которымъ присутствовавшіе угощались до поздней ночи, послѣ чего составлялись хороводы и пляски.

Все это дѣлалось для того, чтобы привлечь крамарей къ наибольшему торгу и заинтересовать людей оборотами. Всѣ продававшіе шли въ контору и получали расплатку или забирали въ счетъ изъ экономіи товаръ, толстые холсты, сыръ, ненужное масло, сало свиное, свѣчное, кожи и проч., благодаря чему многіе оставались до другого дня по своимъ выгодамъ, но торгъ уже не производился, и товары почти всѣ разобраны бывали экономіей или сельскими покупателями. По рассказамъ матери, по тогдашней дешевизнѣ, это не восходило выше полутора ста рублей ассигнаціями: еще тогда имѣли цѣну денежки и полушки, а копѣйки мѣдныя—уже былъ счетъ болѣе значительный.

Въ концѣ 1811-го года начали выбирать ратниковъ для ополченія. Графъ все еще жилъ въ Стольномъ. Почти все время у него жилъ Милорадовичъ, а также очень часто изъ Березной пріѣзжалъ лѣкарь Самарскій, весьма извѣстный въ то время. Онъ былъ графскимъ и экономическимъ врачомъ. Въ экономіи было два фельдшера, одинъ изъ которыхъ, наиболѣе славившійся, Шульцъ, снабжалъ еще меня лѣкарствами, когда я уже кончалъ курсъ наукъ и хворалъ въ домѣ.

Въ началѣ 1812-го года мать просила у графа увольненія отъ возложенныхъ на нее обязанностей, съ тѣмъ, чтобы поселиться въ домѣ и заняться по хозяйству. Графъ согласился и сдѣлалъ распоряженіе экономіи выдавать полную провизію ей и дѣтямъ, какую получали дворовые, занимавшіе близкія мѣста къ графу. Кромѣ того, онъ приказалъ выдавать по пятьдесятъ рублей въ годъ. Въ случаѣ выхода замужъ, выдача провизіи

прекращается, а дѣти получаютъ до совершеннолѣтія, и деньги также передаются на дѣтей.

Затѣмъ графъ лично пожелалъ видѣть устройство дома матери. Все было приготовлено для встрѣчи и пріема, все вычищено, выбѣлено. Графъ пріѣхалъ въ крытыхъ дрожкахъ, ходилъ вездѣ и все разсматривалъ. По предложенію матери онъ пилъ кофе. Онъ подарилъ на обзаведеніе сто рублей, а экономіи велѣлъ выдать изъ столярной всю нужную мебель; кромѣ того, онъ велѣлъ дать пару коровъ и всякаго мелкаго скота, овецъ, свиней, даже всякой птицы, чѣмъ завѣдывала мать.

Къ тому же онъ велѣлъ давать ежегодно двѣ прислуги—женщину и дѣвку—для присмотра за дѣтьми. Все, что мать могла получить тогда же, было получено исправно, что же было предоставлено времени, вовсе намъ не досталось.

Графъ получалъ постоянно бумаги изъ Петербурга, и къ нему являлось много чиновниковъ, т. е. онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ милиціи малороссійскихъ губерній. Въ то время онъ уже имѣлъ мундиръ и все убранство милиційское, сдѣланное въ Петербургѣ. Бывши уже священникомъ, я видѣлъ этотъ мундиръ съ бѣлымъ воротникомъ, залитымъ шитьемъ. Тутъ же были орденскія ленты, красная и голубая, и прочія принадлежности. Мундиръ висѣлъ на верху, во второмъ этажѣ, на большомъ вольтеровскомъ креслѣ; здѣсь же находились орденскія ленты, ботфорты и проч. Впослѣдствіи все это было отправлено въ Петербургъ.

Графъ собирался выѣхать въ Петербургъ и вскорѣ выѣхалъ. Это было его послѣднее пребываніе въ Стольномъ.

Въ это время насъ постоянно запугивали французами, увѣряя, что французы придутъ и сюда, будутъ мучить и рѣзать людей, а малыхъ дѣтей давить и прищемлять лавками. Этотъ рассказъ такъ подѣйствовалъ на насъ, что при упоминаніи о приближеніи французовъ мы не знали, гдѣ дѣваться. Каждый почти день весною и лѣтомъ мы видѣли проходящихъ москалей, какъ мы ихъ тогда называли, а также возаковъ на лошадахъ съ пиками. Проходъ ихъ чрезъ Стольное всегда сопровождался пѣніемъ съ барабанами и дудками. Они иногда останавливались

на базарной площади, и солдаты были угощаемы водкой и съѣстными припасами, офицеровъ же управляющій Роговичъ приглашалъ въ одинъ изъ графскихъ флигелей, гдѣ имъ также предлагалось угощеніе. На площадь сгонялись подводы для подъема амуниціи и прочаго офицерскаго и солдатскаго имущества. На веснѣ или въ началѣ лѣта шли Костромцы, народъ довольно крупный. Мы, какъ дѣти, ихъ тоже боялись. Помню, все шли рассказы о томъ, что французы жгутъ села и города и добираются до Москвы. Безпрестанно шли ратники, выгонялись подводы съ сухарями, выдавался хлѣбъ изъ магазиновъ, который сушили, мололи и пекли сухари. По раскладкѣ наряжались изъ дворянъ защитники для сопровожденія и доставки сухарей въ Польшу и близъ лежащія мѣста. Плачъ въ семействахъ, по рассказамъ, былъ великій.

Прошло лѣто, не было уже видно солдатъ, а зимою стали говорить, что французы всѣ померзли и вездѣ ихъ бьютъ, что большая часть ихъ *повтекали* и самъ Бонапартъ утекъ. Послѣ народъ сталъ радоваться, когда въ церквяхъ стали читать манифесты и реляціи о пораженіи враговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ФЕОДОРА КИСТЯКОВСКАГО.

(1807—185... г.¹⁾).

Въ 1813-мъ году мать, утомясь завѣдываніемъ чужимъ хозяйствомъ и благодаря притѣсненіямъ нѣкоторыхъ недоброжелателей, перешла со всѣмъ семействомъ въ свой домъ. Между тѣмъ назначенное матери графомъ за службу въ видѣ пенсіи и на половину не выполнялось. Здѣсь матери по хозяйству помогала дочь ея Настасія. Мать прикупила еще три огорода, сѣнокосъ и поля на всѣ три руки, наняла двухъ батраковъ и начала заниматься хлѣбопашествомъ. Трофимъ, ея прежній распорядитель, вышелъ на свое хозяйство. Черезъ пять лѣтъ у матери уже было обширное хозяйство, особенно много было рогатаго скота: коровъ, воловъ лучшей породы на два плуга, много овецъ, которыхъ она продавала по пятидесяти штукъ одновременно, помню, помѣщику Ивану Товстолѣсу. Когда я уже окончилъ ученіе и сдѣлался священникомъ, то, бывая у дяди по женѣ о. Трофима Эсманскаго, вмѣстѣ съ нимъ бывалъ и у его прихожанина, помѣщика Товстолѣса. Онъ между разговоромъ шутилъ: да я вашу мать очень хорошо помню; она моя овечья сваха: у нея я купилъ для развода пятьдесятъ штукъ; нѣсколько лѣтъ онѣ хорошо велись, а послѣ случилась болѣзнь, и онѣ всѣ повыгибли. Въ нашей мѣстности это періодически бываетъ; вслѣдствіе этого и крестьяне, хотя и имѣютъ боль-

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1895 г., № 1.

шую нужду въ разводѣ, часто подвергаются лишенію ихъ, а это бываетъ оттого, что годами на травѣ бываютъ пагубныя росы.

Учить насъ ходилъ на домъ одинъ изъ экономическихъ писарей, Ильинецъ, парень скромный и обладавшій хорошимъ почеркомъ. Онъ передалъ намъ, что въ экономіи получено извѣстіе, что молодой графъ Андрей Ильичъ Безбородко умеръ за границей въ Польшѣ и что, по завѣщанію, тѣло его привезутъ для погребенія въ Домницкій монастырь. Мать отправилась по дѣламъ къ управляющему, вслѣдствіе неполученія полностью провизіи и денегъ, назначенныхъ по службѣ, и тамъ узнала, что дѣйствительно молодой графъ умеръ въ чинѣ полковника, командуя козачьимъ полкомъ. Вѣроятно, онъ только числился командиромъ: по своему болѣзненному состоянію и идиотизму онъ не могъ самъ управлять, но, конечно, имѣлъ тогда право, по рангу отца. Тѣло его, не помню, какъ скоро, было перевезено, какъ говорятъ, въ оловянномъ гробѣ въ Домницу и здѣсь въ Соборной церкви Рождества Богородицы было погребено на лѣвой сторонѣ. Здѣсь вверху находится икона св. Андрея Первозваннаго, предъ которою горитъ во время богослуженія неугасаемая лампада, а внизу вдѣлана въ стѣну позлащенная таблица съ черными словами, означающими годъ рожденія, службу, чины, годъ, число и мѣсто смерти: онъ умеръ въ мѣстечкѣ Заркахъ въ Польшѣ. По предписанію изъ Петербурга, погребеніе было устроено на иждивеніе Стольнинской экономіи. Оно было великолѣпно: было приказано, чтобы при погребеніи присутствовали всѣ люди стольнинской экономіи, бывшіе близкими къ графу, а также управляющіе экономіями черниговской и полтавской губерній. Говорятъ, болѣе недѣли шло приготовленіе. Въ издержкахъ, нужныхъ на угощеніе, не было остановки. Изъ Стольнаго привозились вина, которыхъ послѣ выѣзда графа тамъ оставалось большое количество, и все, что было нужно, ибо со смертію графа кончилась и угасла фамилія Безбородка. Главными распорядителями здѣсь были Милорадовичъ, Богунъ и стольнинскій управляющій Роговичъ. Окончивши погребальную церемонію и угостивши великолѣпно все духовенство, архимандритовъ, протоіереевъ, іереевъ, монаховъ,

причты, а также дворянство и весь стекшійся по сему случаю людѣ и раздавши духовенству приличные графскому достоинству подарки и награды, распорядители возвратились въ Стольное, а вмѣстѣ съ ними и большая часть высокопоставленныхъ гостей. Здѣсь Милорадовичъ объявилъ, что онъ и князь Викторъ Павловичъ Кочубей назначены графомъ Ильей Андреевичемъ опекунами надъ малороссійскими экономіями, а помощникомъ ихъ—главноуправляющій. При этомъ онъ сказалъ, что едва ли уже графъ пріѣдетъ изъ Стольное, по причинѣ разстройства здоровья, и что теперь по всѣмъ дѣламъ должно обращаться къ главноуправляющему. Когда изъ Стольнаго отбыли всѣ гости, Милорадовичъ и Богунъ стали провѣрять все имущество, и контора дня три дѣлала опись всему наличному имуществу, подъ предсѣдательствомъ Богуна и Роговича. Составлены были новыя росписанія объ оставшихся служителяхъ, объ увольненіи большей половины прежняго штата и о назначеніи имъ пособія. По приказанію Милорадовича, матери моей было назначено пособие, въ родѣ пенсіи, состоявшее изъ достаточнаго количества провизіи для нея съ семействомъ и 50 рублей.

Въ экономіи докторомъ по прежнему остался Гаврило Васильевичъ Самарскій. За нимъ въ назначенные дни или въ экстренныхъ случаяхъ отправлялись изъ экономіи лошади.

При отъѣздѣ Милорадовичъ по секрету объявилъ моей матери, что графъ опасно боленъ и что на выздоровленіе его нѣтъ надежды.

Послѣ сего въ графскомъ домѣ послѣдовали большія перемѣны: парадныя ворота были забиты, служеніе въ дворцовой церкви прекратилось, священникъ Давидъ Игнатовичъ умеръ; входъ въ садъ запрещенъ, всѣ форты и ворота забиты; не стало прежнихъ франтовски одѣтыхъ камердинеровъ, лакеевъ и кучеровъ, которые теперь стали похаживать въ бекешахъ, а другіе и въ свиткахъ, изысканнѣе только пошитыхъ.

Насъ стали готовить въ отправкѣ въ Макошинъ къ какой-то золотошвей, живущей въ прежде бывшемъ монастырѣ. Не знаю, по какимъ соображеніямъ и меня отправили вмѣстѣ съ сестрами Анастасіей и Маврой. По пріѣздѣ туда насъ по-

мѣстили въ занимаемомъ ею маленькомъ домикѣ съ маленькой кухней. Была тутъ же учителька по имени Ирина Ивановна, изъ дворянъ, поступившая сюда изъ упраздненнаго Кербитовскаго монастыря. Это была женщина лѣтъ 30, небольшого роста, довольно приличная изъ себя, сильно нахрамывавшая на одну ногу. Мы приняты были ею съ особеннымъ благоволеніемъ. Вскорѣ еще прибыли изъ Стольнаго двѣ дѣвочки Марченковыхъ, и еще двѣ дѣвочки. Кроме того ходили еще двѣ макошинскія поповны, дочери свящ. Артемія Крестинскаго, дѣвочки очень красивыя, и родственникъ ихъ Троцкій. Ученіе наше было такое: поутру поучивши насъ читать, она заставляла дѣвочекъ шить сначала заполочью утиральникъ по сдѣланнымъ узорамъ, а намъ—мальчикамъ—задавала уроки читать или линейла тетради и заставляла писать, а сама уходила къ священнику Платону Иверскому, недавно посвященному, и молодой его попадѣ, гдѣ часто оставалась обѣдать, отколь присылала прислугу, и намъ давали обѣдать. Послѣ обѣда мы бѣгали по огромному цвинтарю, ибо дворъ поповъ былъ подалѣе отъ цвинтаря, ловили мотылей, драли воробьевъ и прочихъ птицъ, собирали подъ церковью воскъ, бѣлый, зеленый и желтый, дѣлали крестики и усыпали ихъ блестящими крылышками букашекъ. Здѣсь было нѣсколько деревьевъ, на которыхъ не дозрѣвало ни одно яблочко, ни одна грушка. Когда мнѣ лѣтъ черезъ пятьдесятъ пришлось священникомъ наблюдать оный приходъ Макошинскій, я нашелъ церковь почти въ томъ же состояніи; новинку составлялъ только подведенный каменный фундаментъ. Изъ прежнихъ, кажется, 20-ти деревьевъ стоятъ еще три большія груши, такъ что я на память рвалъ съ нихъ удѣлѣвшіе плоды и даже натрусивши принесъ въ квартиру. Груши эти, полежавши дня три, оказались отличны.

Церковь сія знаменовалась чудотворнымъ образомъ Божіей Матери, въ полъ-аршина вышиною и болѣе полторы четверти шириною, въ прекрасной серебряной ризѣ, украшенной вѣнцомъ съ алмазными камнями. По преданію, къ ней изъ дальнихъ губерній пріѣзжали богомольцы, особенно женщины, несчастныя

въ семейной жизни отъ своихъ мужей. Еще въ то время, когда мы учились, приѣзжали изъ курской, полтавской губерній и другихъ въ богатыхъ экипажахъ и останавливались у священника Иверскаго. Въ то время онъ жилъ богато и роскошно. Впослѣдствіи, лишившись жены, онъ распянствовался, но по его богатству и уму онъ былъ членомъ сосницкаго духовнаго правленія. Его двѣ дочки, вышедшія замужъ, сдѣлавшись священницами, унаслѣдовали его страсть. Онѣ были весьма красивыя женщины.

По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, за нами присылали лошадей и брали насъ въ экономическій дворецъ. Зимой здѣсь для насъ отопливали комнаты, въ коихъ постоянно никто не жилъ, но которыя существовали только для приѣзда управляющаго, ревизоровъ, а также для исправника или засѣдателя, если случались судныя дѣла.

Насъ поили чаемъ, готовили обѣдъ. Чего особенно обильно здѣсь было, такъ это свѣжей рыбы, т. к. вблизи Десны, свои озера, невода и крестьяне. Къ тому же и домашней птицы было довольно. Приставленная для пристража за нами женщина водила насъ въ церковь, находившуюся близъ самаго дворца надъ Десной или, правильнѣй сказать, надъ лиманомъ, прорѣзавшимся отъ Десны. Въ этой церкви священствовалъ Артемій Крестинскій, дѣдъ нынѣшнихъ Крестинскихъ. Впослѣдствіи оставлена была одна церковь, и Крестинскій перешелъ въ Величковку, на родовой приходъ отца. Зимой, помню, въ амбарахъ стояли старыя лодки, часто наполненныя большою рыбой, наловленной для продажи. Я мало гдѣ видѣлъ крупную рыбу такой величины: лещовъ, щукъ, судаковъ, окуней и пр.

Въ понедѣльникъ насъ рано отвозили въ школу съ провизією, и мы занимались самымъ ничтожнымъ ученіемъ; только дѣвицы постоянно шили въ пальцахъ.

Церковь здѣшняя, Покровская, богата ризницею, собственно разными шитыми золотомъ ризами и подризниками; богата также и сосудами серебряными, собственно потому, что здѣсь былъ женскій монастырь, славившійся по чудотворному образу. Благодаря прежнему богомольному ихъ служенію и

увеличенію рассказовъ о чудодѣйственной силѣ иконы, сюда стекалась масса богомольцевъ. Видно, здѣсь были пожертвованія отъ высокопоставленныхъ лицъ. Такъ, на одной изъ лжицъ отчеканены слова: „за упокой убіенной княгини Софіи“. Тоже значится на чашѣ и дискосѣ. О какой княгинѣ здѣсь говорится, неизвѣстно. Здѣсь есть крестики около иконы съ мощами. Въ прежніе годы въ монастыряхъ было въ обычаѣ доставать св. мощи для привлеченія народа. Здѣсь невдалекѣ отъ Макошина существовалъ, ближе къ селенію Слободкѣ, верстахъ въ четырехъ отъ Макошина, Макошинскій монастырь съ каменными постройками—церковью и колокольней, въ которомъ жилъ патріархъ Паисій, возвратившійся впослѣдствіи въ Грецію. Здѣсь нынѣ находятся только груды кирпичей и прочаго мусора. Мѣсто это очень живописно. Развалины эти были куплены за безцѣнокъ для строившагося въ Сосницѣ каменнаго тюремнаго замка.

Церковь Макошинская, находящаяся отъ берега Десны на разстояніи четверти версты, по архитектурѣ довольно красива, съ тремя высокими куполами, въ два яруса. Надъ женскимъ предѣломъ хоры, гдѣ во время многолюдія поютъ дьячки; напѣвъ хорошій отъ прилива лицъ, воспитывавшихся въ Мѣнскомъ училищѣ, изъ котораго чаще всего бываютъ головы, писаря и засѣдатели; а также старосты и совѣстные судьи. Другую достопримѣчательность этой Покровской церкви составляетъ картина на холстѣ во всю стѣну въ предѣлѣ женскомъ, изображающая страшный судъ или пришествіе Спасителя судить живыхъ и мертвыхъ. Подобную картину я видѣлъ въ Лаврской большой церкви, въ лѣвомъ предѣлѣ, только писанную просто на стѣнѣ. Приходящіе богомольцы часто останавливаются передъ нею, и дьячокъ или другой какой-нибудь письмакъ рассказываетъ имъ по своему, какъ понимаетъ. Здѣсь была колокольня огромная, хотя тоже деревянная. Во второмъ ярусѣ оной была небольшая церковь во имя Рождества св. Іоанна пророка Предтечи и знаменитый колоколъ болѣе ста пудовъ. Это все остатки монастыря, умѣвшаго стяжать громкую славу. Колокольня сія сгорѣла во время грозы около 30-го года сего столѣтія. Въ колокольнѣ и въ церкви тамошней все сгорѣло. Здѣсь 24-го іюня собирается

на площади близъ колокольной незначительный торгъ, къ вечеру оканчивающійся пьянствомъ и кострами, горящими ближе къ Десятъ, гдѣ большое пространство.

Знаменательное событіе нашей школы. Учителька наша вмѣстѣ съ попадѣй уѣхала въ Рыхлы на богомолье. Изъ Стольнаго намъ прислали большихъ грушъ. Вся наша школа на общемъ совѣтѣ рѣшила, что и мы будемъ говѣть; меня назначили священникомъ. Изъ грушъ, бывшихъ въ то время достаточно мягкими, надавили цѣлую сахарницу соку вмѣсто вина. Послѣ обѣда мы стали приготовляться къ исповѣди въ комнатѣ, спальнѣ учительки. Мнѣ сдѣлали эпитрахиль изъ шитыхъ рушниковъ и поочередно подходили ко мнѣ къ исповѣди. Настасія исправляла должность дьячка, зажигала и тушила свѣчи, курила ладономъ. Послѣ исповѣди уже всѣ положили не ѣсть. Это было въ концѣ августа. На завтра поутру устроили мнѣ ризы изъ платковъ, надѣли длинную рубашку вмѣсто подризника, эпитрахиль сдѣлали изъ шитаго рушника. Настасія и прочіе читали и пѣли. Во время моего приготовленія къ причастію двери были затворены или закрыты платкомъ.

Наконецъ, двери отворились, и я вышелъ съ моею чашею, произнося подсказанныя мнѣ слова: „Со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите“. Всѣ подходили по очереди, и я вливалъ имъ въ ротъ по три ложечки. Затѣмъ они запивали, а послѣ того раздѣвали меня и поздравляли другъ друга съ принятіемъ тайнъ.

Чего только дѣтство не выдумаетъ, но оно крѣпко запечатлѣвается.

Мы пробыли болѣе года въ Макошинѣ. Къ Рождеству за нами изъ экономіи прибыла кибитка зимняя, и мы на праздникъ отправились въ Стольное, вѣроятно, въ концѣ 1813 года. Пробывши праздники, я больше уже не возвращался въ Макошинъ.

Въ домъ отца Василя Воронкевича прибыли его родственники четыре мальчика Воронкевичи, сироты, бывшіе до того на воспитаніи въ деревнѣ Рогозкахъ въ домѣ тоже родственника опекуна Тимоновича. Здѣсь, въ Стольномъ, договоренъ былъ учитель изъ Березнаго, Щербацкій, не окончившій семинарію, къ

которому и я былъ зачисленъ въ число учениковъ. Отсель уже начинается моя наука для поступленія въ уѣздное училище. Таковое ученіе происходило въ домѣ Воронкевича въ отдѣльной комнатѣ. Здѣсь приготовлены были книжки, нужныя для поступленія въ уѣздное училище, но мнѣ по нимъ весьма трудно было учиться послѣ славянскихъ книгъ. Воронкевичи то были уже нѣсколько подготовлены, особенно старшіе, Андрей и Василій. Помню, долго была темна вода во облацѣхъ воздушныхъ, пока немного не приучился къ реформѣ и новому порядку науки, что называлось тогда „заправлять для поступленія“ въ уѣздное духовное училище. Они, Воронкевичи, воспитывались въ такомъ домѣ, гдѣ были гувернеры и гувернантки. Благодаря этому они отлично танцевали, а Андрей порядочно игралъ на скрипкѣ. Мнѣ пришлось быть съ ними года четыре неразлучнымъ по наукѣ и квартирѣ. Пробывши въ Стольномъ до каникулъ, мы выѣхали въ началѣ іюля въ Березное, въ собственный ихъ, Воронкевичей, домъ. Они были тамошніе жители. Отецъ ихъ былъ военный штабъ-лѣкаръ Михаилъ Воронкевичъ, оставившій года за три предъ симъ ихъ сиротами, такъ какъ и мать ихъ вскорѣ умерла. У нихъ была еще сестра Марія Михайловна, тоже поступившая отъ Тимоновича къ о. Василию Воронкевичу и вышедшая впослѣдствіи замужъ за Николая Ивановича Симентовскаго въ Волосковцы и нынѣ уже вдова. Надобно сказать, что въ живыхъ отъ всѣхъ четырехъ Воронкевичей и ихъ сестры не осталось ни роду, ни племени, а также угасъ богатый по состоянію родъ Тимоновичей въ Рогозкахъ, и имѣніе продано съ аукціона за казенные и частные долги. Его купилъ Василенко, нынѣ умершій и оставившій капиталъ и состояніе тысячъ на сто какому-то племяннику.

По прибытіи въ Березное мы помѣстились въ домикѣ, уже довольно старомъ, состоящемъ изъ трехъ и кухни. Тутъ уже къ намъ договоренъ былъ учитель изъ философіи, тамошній священническій сынъ Николай Петровичъ Гордіевскій, изъ хорошихъ студентовъ. Онъ перешелъ и жить къ намъ, потому что по окончаніи каникулъ онъ обязанъ былъ уже устроить въ Черниговѣ квартиру и оставаться домашнимъ нашимъ учите-

лемъ, потому что и Воронкевичи всѣ поступили въ духовное училище. Мы обязаны были поутру входить въ его спальню, гдѣ онъ, сидя или полулежа на кровати, выслушивалъ наши уроки. У него всегда былъ большой запасъ грушъ и яблокъ, и онъ при неудачномъ отвѣтѣ или повтореніи разъясненія и незнаніи бросалъ обгрызками яблока или груши въ лобъ, и это иногда продолжалось не менѣе часа, послѣ чего онъ отпускалъ насъ снѣдать или побѣгать по саду, который былъ обширенъ, но старъ. Было два сада. Когда стали поспѣвать яблоки, установился такой порядокъ, что кто раньше встанетъ, тотъ соберетъ наилучшія. Каждый складывалъ свою добычу на горѣ въ особый рядъ, готовя запасы къ Чернигову. Я имѣлъ равную часть въ сборѣ, но когда пришлось готовить яблоки къ отправкѣ въ Черниговъ, они изъ моей кучи взяли львиную часть, оставивъ мнѣ что похуже.

Въ этомъ году умеръ старый графъ Илья Андреевичъ. Извѣстіе это было прискорбно для матери. Экономія отказалась выдавать матери положенное графомъ жалованье, лишивъ ея и провизіи, кромѣ положенной на дѣтей, да и ту стала выдавать въ уменьшенномъ размѣрѣ.

Многихъ брала зависть, что у матери идетъ хорошо хозяйство и имѣются деньги, по тогдашнему времени рѣдкія, большія. Она имѣла, по ея словамъ, около пяти тысячъ ассигнаціями. Мать успѣла уже приобрести дней 30 поля и много имѣла уже въ залогъ: она дала (не разобрано) тысячу рублей ассигн. подъ залогъ полей; это былъ крючокъ, занимавшій у разныхъ темныхъ личностей, жилъ въ Стольномъ на широкую ногу, породнился съ одной изъ лучшихъ фамилій, женившись на дочери Ивана Ивановича Даниловича, маіора-помѣщика, — Анастасіи, славившейся добротой и красотою. Вслѣдствіе его развратной жизни, ея супружество было несчастливо; она вскорѣ умерла, оставивъ малолѣтняго сына, который оказался золотушнымъ и, будучи оставленъ безъ воспитанія, умеръ лѣтъ двадцати. Дядьки его Даниловичи, раздѣливъ имѣніе, тоже зазнавшись съ казною, позалагали имѣніе, и оно перешло въ разныя руки, особенно къ родственнику Григорію Петровичу Даниловичу, нынѣ же къ

внукамъ его по дочери—Шевелямъ. Одинъ изъ нихъ, старшій, Григорій Ивановичъ Даниловичъ удержалъ въ порядкѣ имѣніе, получивъ часть въ Степановкѣ, и, женившись въ Кисилевкѣ на Александрѣ Федоровнѣ Ковтуновой, имѣлъ двухъ сыновей и трехъ дочерей. Онъ рано умеръ, жена же его увеличила хозяйство, и сыновей по праву воспитала въ кадетскихъ корпусахъ. Одинъ изъ нихъ, младшій, Григорій, нынѣ генераль-лейтенантъ и директоръ какого-то военного корпуса или училища ¹⁾. Старшій померъ, оставивъ вдову и пять дѣтей.

Въ семь годѣ войска возвращались изъ за границы, послѣ разгрома Наполеоновской арміи и его замысловъ.

Въ Стольномъ квартировала рота 36-го Егерскаго полка; командиръ оной штабсъ-капитанъ Евдокимъ Іовлевъ сынъ Лазаревъ сталъ ѣзжать въ домъ матери и, наконецъ, свататься. Мать по совѣту нѣкоторыхъ личностей рѣшилась выйти за него замужъ. Эта ея ошибка разстроила ея семейное счастье. Сначала жизнь была сносна. Онъ любилъ вездѣ побывать и чаще всего въ гостяхъ, нужно было и къ себѣ почаще приглашать и угощать. Да и вообще тогдашніе Стольнинскіе паны вели въ то время жизнь разгульную, а это было на руку отчиму. Хозяйство стало приходить въ упадокъ, а расходы были не по доходамъ; деньги въ годъ, въ два улетучились и оставались только на долгахъ, особенно у пановъ, съ которыхъ почти не было надежды получить. Между тѣмъ отчимъ сталъ жестоко обращаться съ матерью, нерѣдко бить и тиранить безъ милосердія. Маленькая дѣвочка Елизавета, пріѣхавшая съ нимъ, уже двухъ лѣтъ, была почти заброшена. Порядочная прислуга отъ его жестокостей не могла удержаться. Жизнь была самая плачевная. Только тогда и миръ, когда онъ назоветъ гостей. Онъ требовалъ, чтобы всего было достаточно, особенно, чтобы хорошая была попойка, а для пунша хорошій спиртъ, въ которомъ тогда не было недостатка, такъ какъ въ Стольномъ было болѣе де-

¹⁾ Генераль-адъютантъ Григорій Григорьевичъ Даниловичъ, воспитатель Императора Николая II и Наслѣдника-Цесаревича Георгія Александровича, въ то время, когда писались эти воспоминанія, состоялъ директоромъ петербургской 2-й военной гимназій.

сати винокуренъ. Пьянство въ селеніяхъ было въ высшей степени распространено: кварта горѣлки стоила восемь грошей, нынѣшнихъ четыре копѣйки серебромъ.

Послѣ каникулъ 1814 года изъ Березного я выѣхалъ съ Воронкевичами въ Черниговъ. Первая квартира нанята была учителемъ за мостомъ Краснымъ, съ базару, по большой улицѣ, близъ церкви Богоявленія ¹⁾, на правой сторонѣ, въ самомъ концѣ узкой улицы, у дворянки старухи Настасіи Малайревской. Насъ всего было человекъ семь, а учитель восьмой: два мальчика было изъ его родни. Насъ два оставались въ квартирѣ и приготовлялись для поступленія въ инфиму. Учитель Гордіевскій поутру задавалъ намъ урокъ и, пришедши изъ класса, выслушивалъ. Затѣмъ приносили тарелки и ложки, и мы садились за обѣдъ, помнится, не скудный, потому что говядины было довольно и приготовленіе было хорошее; въ постные дни—рыба, а вечеромъ борщъ и гречневая каша съ саломъ или масломъ. Учитель нашъ былъ уже послѣдній годъ въ „философѣ“, лѣтъ 25-ти. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ и занимался съ учениками старательно. Я, помню, тамъ былъ меньше всѣхъ, и потому нерѣдко случалось терпѣть обиды отъ всѣхъ; притомъ я былъ слабаго здоровья, отъ чего сдѣлался боязливымъ и трусливымъ, а это имѣло вліяніе на мое дальнѣйшее развитіе, хотя, къ счастью, я еще находился подъ лучшею защитою учителя, какъ скромный и боязливый мальчикъ.—Цѣлый годъ прошелъ въ квартирномъ ученіи. По обычаю мы ѣздили на Рождество и Воскресеніе домой, и я изъ Березного отправлялся въ Стольное. Меня очень всѣ жалѣли, даже отчимъ дѣлался тихимъ человекомъ. Онъ былъ толковый человекъ, хотя изъ сдаточныхъ, но былъ грамотенъ, писалъ хорошимъ почеркомъ, умѣлъ рассказывать повѣсти и сказки весьма отчетливо. Вообще въ бытность мою дома онъ дѣлался сноснымъ заставлялъ дѣлать меня ариметическія задачи или читать книгу и, правда, никогда пальцемъ меня не тронулъ.—Надобно сказать, что тогда весьма много поженилось изъ сего полка, почти

¹⁾ Нынѣ здѣсь церковь каменная во имя Николая.

во всѣхъ селеніяхъ, гдѣ войска имѣли квартированіе. Всѣ они были люди разгульныя. Многіе изъ нихъ пріѣзжали гостить, и дня по три, по четыре гостили у насъ и по Стольнинскимъ дворянамъ. Потомъ отчимъ съ матерью отправлялись взаимно гостить, а мы съ сестрами хозяйствовали, какъ умѣли. Иногда приходили къ сестрамъ ихъ подруги и приглашали насъ. Мы тогда отправлялись гостить. Самое угощеніе состояло изъ чая, всегда зеленого, въ родѣ желтенькой водицы, чуть-чуть сладкаго, котораго давали по чашечкѣ, много по двѣ; затѣмъ угощали орѣхами собственнаго сбора, правда, спѣлыми и хорошо высушенными, не уступающими каленымъ, а также пряничными орѣшками, медовымъ вареньемъ, пастилой медовой. О сахарѣ тогда и рѣчи не было: угощеніе составляли варенный медъ и пиво, имѣвшіе тогда цѣну шесть гривенъ, нынѣшнія 15 копѣекъ сер., за двойное ведро, а кварта восемь копѣекъ, нынѣшнія двѣ копейки, а часто и хорошая наливка. О винѣ и помину не было.

Играли въ жмурки, въ жгута, иногда плясали, кто какъ умѣлъ.

Хожденіе въ церковь по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ было безусловное, необходимое; впрочемъ, я нерѣдко освобождался по слабости здоровья; а когда и бывалъ, то для этого запрягали лошадь, которая привозила и отвозила меня изъ церкви.

Съ крещенія отправляли насъ въ Черниговъ съ нагруженою разными харчами повозкою. Мнѣ давали, кромѣ харчевыхъ, денегъ на мой расходъ, но я боялся держать у себя деньги, а всѣ отдавалъ учителю, а онъ покупалъ поутру сбитень, стаканъ или два, самъ расплачивался. Если же у меня были деньги, то ихъ непременно уворовывали.

Такъ цѣлый годъ до каникулъ продолжалось мое ученіе въ квартирѣ. Погостивши во время каникулъ недѣлю въ Стольномъ, я опять пріѣзжалъ къ Воронкевичамъ въ Березное, гдѣ тотъ же учитель занимался съ нами. Въ это время всѣмъ распоряжалась сестра ихъ Марія, а учитель уже не жилъ въ домѣ, а только приходилъ каждое утро изъ дому своего. Домъ его былъ за базаромъ, возлѣ моста на Черниговъ, близъ Золо-

таря. Здѣсь онъ обѣдалъ, а послѣ обѣда заставлялъ писать и дѣлать латинскія сочиненія, т. е., написавши цѣлую рѣчь и поставивши на верху слова въ именительномъ падежѣ, заставлялъ составлять рѣчь латинскую, согласно русской.

Дома въ Стольномъ я нашелъ большую переимѣну. Клуныя, наполнявшаяся прежде хлѣбомъ, теперь на половину была пуста, въ хозяйствѣ всего уменьшилось, скота рабочаго почти на половину. Жизнь семейная была въ сильномъ разстройствѣ. Одно только удовольствіе и было погулять въ своемъ саду или же отправиться въ графскій садъ, гдѣ иногда я проводилъ цѣлый день, часто заходилъ къ Страховскому, который былъ старше меня года на три. Съ нимъ мы гуляли въ саду, гдѣ ловили удками рыбу въ тамошней рѣкѣ. Рыба шибко хваталась на крючки. Попадались на крючки караси, небольшіе: самые большіе были въ ладонь. Во время купанья на берегу мы ловили руками карасей, въ печерахъ же линовъ въ полфунта, фунтъ и болѣе и тогда отправлялись къ намъ въ домъ, гдѣ въ саду готовили уху и жаркое изъ пойманной рыбы. Вечеромъ составляли совѣтъ и на другой день съ разсвѣтомъ отправлялись въ лѣсъ его же, Страховскаго, за орѣхами и грибами, которыхъ много приносили домой и тамъ жарили. Компанія наша состояла изъ его, Страховскаго, сестры его Стефаниды Федоровны, двухъ моихъ сестеръ и меня. Здѣсь невдалекѣ былъ и нашъ хуторъ, именуемый Лазебный. Впослѣдствіи онъ былъ проданъ, такъ какъ изъ него пользы никакой не получалось. Эти лѣса находились верстахъ въ шести отъ Стольнаго по блистовской дорогѣ. При заходѣ солнца мы возвращались домой и заходили въ домъ Страховскихъ, такъ какъ они жили по дорогѣ; отъ нихъ же до нашего дома было еще съ версту. Здѣсь мы были угощаемы. Они были довольно богатые люди и имѣли семейъ десять крестьянъ. Изъ ихъ семейства дѣвица Стефанида была очень добрая дѣвка, очень набожная и бывшая въ большой дружбѣ съ моей сестрой Анастасіей. Онѣ съ каждою весной отправлялись пѣшкомъ на богомолье въ Кіевъ и другіе тамошніе пограничные монастыри, проходили по мѣсяцу и болѣе, а на другое лѣто отправлялись въ Рыхловскій монастырь, а

оттоль въ курскую губернію, въ Софроніеву пустынь и Ильинскую, заходили въ Петропавловскій глуховскій монастырь. Таковое путешествіе продолжалось до двухъ мѣсяцевъ.

Стефанида Страховская умерла дѣвицею лѣтъ 23-хъ. Она была очень добронравна. Ея братъ былъ характера немного развратнаго, очень даровитъ, но рано пристрастился къ горячимъ напиткамъ и вольной жизни. Онъ впослѣдствіи женился значительно позже меня въ Березномъ, но не отличался доброю жизнію и умеръ въ раннихъ лѣтахъ, оставивъ сына и дочь. Первый убитъ въ нижнемъ чинѣ подъ Севастополемъ, а дочь вышла замужъ за чиновника. Братъ же его Михаилъ, совершенно похожій на умершую сестру Стефаниду, не окончилъ гимназіи, а изъ третьяго класса поступилъ въ Черниговъ на службу въ губернское правленіе. Вскорѣ онъ отправился въ Петербургъ, а нынѣ служитъ вице-губернаторомъ въ Петрозаводскѣ, куда вызвалъ на службу и зятя своего года два назадъ. Неизвѣстно, какъ онъ тамъ служить, но здѣсь онъ, бывши становымъ, сильно пьянствовалъ.—Михайло Федоровичъ Страховскій человекъ семейный, но семья его живетъ здѣсь. Когда онъ пишетъ въ Стольное, то всегда передаетъ мнѣ поклонъ. Я съ нимъ больше сошелся, когда онъ пріѣзжалъ изъ Петербурга. Онъ имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника и два ордена. Онъ изъ Стольнаго пріѣзжалъ во время проѣзда преосвящ. Павла. Преосвященный пригласилъ его въ свою карету. Послѣ обѣда у меня и выѣзда Преосвященнаго онъ прожилъ еще дня два.

Послѣ каникулъ, вѣроятно въ 1816 году, я отправился прежнимъ порядкомъ на Березное, откуда выѣстѣ съ Воронкевичами и учителемъ Гордіевскимъ отправились въ Черниговъ на прежнюю квартиру къ Маляревской, въ уличкѣ близъ церкви Богоявленія, нынѣ каменной Николаевской съ училищнымъ церковнымъ каменнымъ домомъ и прочими службами. Прежде это была убогая деревянная церковь; нынѣшняя же церковь составила изъ двухъ приходовъ, Николая и Богоявленія. Въ сію церковь по близости мы ходили по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ на богослуженіе. Весьма припоминается мнѣ здѣшній причтъ—священникъ Василій Яроцкій, жившій на углу противъ

церкви, гдѣ нынѣ домъ и аптека Завурвальда; діаконъ Первозчиковъ, сосѣдъ нашъ по квартирѣ, оба слабенькіе: первый гнусилъ, а второй возлегасовалъ. Изъ прихожанъ помню учителя гимназіи, впослѣдствіи директора оной, Василя Гавриловича Самарскаго. Онъ былъ высокаго роста, уже не молодыхъ лѣтъ, и всегда ходилъ съ большою тростью. Жена его была подобна ему по росту. Онъ любилъ въ каждое служеніе читать изъ книги поученія, въ которыя мы вслушивались не столько для наученія, сколько для скопировки его произношенія и жестовъ. Помню, онъ читалъ проповѣдь въ недѣлю разслабленнаго чловѣка: „не имамъ чловѣка да ввержетъ мя во купель и инъ прежде меня слазитъ въ оную“... Мы же копировали у себя на квартирѣ: „чловѣчицу имамъ подобную мнѣ по тѣлу и душѣ, съ апетитомъ слушающую мои поученія и чуть не плачущую отъ умиленія“.

Онъ былъ родной братъ березнинскаго доктора Самарскаго; впослѣдствіи онъ былъ мнѣ полезенъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

При поступленіи моемъ въ черниговское духовное уѣздное училище учителемъ латинскаго языка и русской грамматики былъ у насъ Василій Григорьевичъ Левчаковскій, впослѣдствіи родственникъ. Моя теща, Есманская Параскевья Яковлевна, урожденная Левчаковская, синявскаго священника дочь. Яковъ и Григорій Левчаковскіе были ея родные братья. Послѣдній былъ священникомъ въ Носовкѣ. Не знаю, какъ они попали въ священники; отецъ ихъ былъ крестьянинъ Скоропадскаго, и они уроженцы и жители его селенія Чепелева, сосницкаго уѣзда. Третій братъ, меньшій, Стефанъ остался въ крестьянствѣ. Въ то время, какъ я уже былъ священникомъ, онъ, бывая въ торгу въ Синявкѣ, постоянно заѣзжалъ къ отцу Петру Прокоповичу, а послѣ сталъ и у насъ бывать. Онъ былъ уже въ преклонномъ возрастѣ, полагаю, лѣтъ семидесяти, но здороваго сложенія. Уже послѣ его смерти заѣзжалъ иногда его сынъ и привозилъ свои деревянные издѣлія: ведра, джки, боченки. Онъ совсѣмъ не былъ похожъ на отца по крѣпости и тѣлосложенію. Они были люди очень бѣдные, жили только руководѣлемъ, чѣмъ и кормились.—

Помню, что я старался учиться, но былъ хилаго здоровья, запуганъ семейною обстановкою вслѣдствіе отца и непорядочной его жизни.—При поступленіи Левчаковскій замѣтилъ мое стараніе и въ одно время, когда послѣ обѣда мы въ его присутствіи въ классѣ дѣлали упражненія, онъ, просмотрѣвши мое упражненіе, приказалъ переписать почище и поразборчивѣе, самъ мнѣ починилъ перо и полинеилъ; когда же я подалъ, онъ сверху написалъ: „de loco et eratis Domini Shelechovsky“, а просмотрѣвши его задачу или упражненіе, написалъ: „Cura melius“, меня же посадилъ на его мѣсто девятымъ на первой партіи и отдалъ мнѣ erat'у. По греческому языку и прочимъ предметамъ былъ у насъ Янчевскій. Они оба послѣ преобразования поѣхали въ кievскую духовную академію. Янчевскій уже послѣ выbytія моего былъ профессоромъ въ Черниговѣ, а Левчаковскій выbyлъ изъ духовнаго званія и былъ при Кишиневскомъ главномъ начальникѣ правителемъ канцеляріи. Впослѣдствіи женился на дворянской дочери Каменницкой въ с. Мринахъ нѣжинскаго уѣзда, гдѣ имѣлъ порядочное состояніе. Онъ тамъ умеръ въ чинѣ коллежскаго асессора.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ФЕОДОРА КИСТЯКОВСКАГО.

(1807—185... г.¹⁾).

Весьма часто мнѣ припоминаются рекреаціи тогдашняго времени. Ученики собираются 1-го мая въ классъ, потомъ, посоветовавшись и переговоривши, выходятъ и становятся въ шеренги въ нѣсколько рядовъ возлѣ окошекъ инспекторскаго дома и вдругъ вскрикиваютъ всѣ въ одинъ тактъ. На крыльцо съ веселымъ видомъ выходитъ инспекторъ, привѣтствуетъ съ первымъ мая и отпускаетъ погулять на весь день, по заведенному тогда порядку, въ Еловщину, приказываетъ не шумѣть, не драться и не ссориться, говоря, что и онъ самъ туда прибудетъ съ учителями.

Семинаристы же отправляются въ Елецкій монастырь къ ректору, гдѣ также получаютъ отпускъ.

Богословы дѣлаютъ складчину, заблаговременно закупаютъ вино и закуски, которыя хранилъ въ моемъ большомъ сундукѣ нашъ учитель Гордіевскій, бывшій распорядителемъ и казначеемъ. Вслѣдствіе этого все приготовленное и хранилось въ его квартирѣ. Въ моемъ сундукѣ хранились также и деньги мѣдныя, какъ расходныя, такъ и харчевныя. Ключъ иногда находился у меня, но я большею частію отдавалъ его учителю, боясь, чтобы его у меня не стащили и не поворовали хранящагося тамъ.

¹⁾ См. „Кіев, Стар.“ 1895 г., № 2.

По прибытіи на квартиру снѣдали блины или хлѣбъ съ саломъ и, не дожидаясь обѣда, отправлялись въ Еловщину, запасшись провизіей для полудня. Обыкновенно накупалось больше говядины, которая наскоро зажаривалась и забиралась, и больше всего хлѣба и сала. Учитель нашъ Гордіевскій съ нѣсколькими товарищами нагруживалъ нанятую повозку заготовленной провизіей: боченками съ виномъ, квартъ по пять, штофами съ пуншевкой, а также закусками: икрой, балыкомъ, копчеными колбасами, селедками и пр. Въ повозку же укладывали нѣсколько самоваровъ и сундукъ, еще раньше нагруженный посудой чайной и для закуски.—Изъ богослововъ здѣсь присутствовало два товарища-дружка Зосимовичъ и Прозоровъ, очень часто посѣщавшіе и безъ того квартиру нашу. (Бесѣда всегда оканчивалась нѣсколькими кружками водки и закуской изъ сала или, если случались колбасы, то тутъ же иъ грубкѣ зажаривались съ яйцами, въ которыхъ, особенно весною, недостатка не было). Другая партія богослововъ также припасала все нужное, отвозила столъ и стулья. Дня за два или за три избиралось мѣсто, очищалось, дѣлались искусственныя земляныя канаве, кресла. Мѣсто это обсаживалось кругомъ молодыми сосночками, вырубленными по дозволенію владѣтеля Глѣбова и по указанію лѣсничаго. Симъ занимались избранные риторики и философы и прикомандированные изъ третьяго класса синтаксисы. 1-го мая часамъ къ 12-ти почти все было готово: въ избранномъ мѣстѣ поставлены столъ и стулья, въ отгороженномъ мѣстѣ стояли самовары, вся пужная посуда, бутылки, графины, штофы и боченки съ водкой, которая отпускалась на половину дешевле отъ откупа, чтобы не было только поднесенной понапрасну отъ какого-то Игнапка, жившаго верстахъ въ 4-хъ отъ Еловщины и искусно приготовлявшаго разные пуншевые напитки; водка приготовлялась по вольнымъ цѣпамъ; запасъ оной въ потребномъ количествѣ производился риторами и философами, которые искусно исправляли свою должность, никогда не боясь объѣзчиковъ; напротивъ, объѣзчики ихъ боялись, потому что имъ случалось при нападеніи претерпѣвать страшныя потасовки и мордобитія. Это была партія удалъ-

цовъ, услуживающая богословамъ, особенно во время говоренія проповѣдей. По заведенному порядку такой проповѣдникъ угощалъ товарищей водкой, закуской, чаепитіемъ и пуншаціей; для проформы только бралось кварты двѣ откупной водки и штофа два пуншевой, а между тѣмъ не меньше ведра и нѣсколько штофовъ спирта для пунша—вольной. Часу во второмъ начинали сходиться семинарскіе и уѣздные учителя и пріѣзжали префектъ и прочіе начальствующіе, а потомъ приглашенные гости. Здѣсь приготовлена была эстрада и закрытое простынями мѣсто и выпрошенный шалапъ, гдѣ приготовлялись къ представленію комедій и трагедій. Декораціонная одежда была приготовлена. Я помню, какъ представлялась трагедія „Дмитрій Самозванецъ“ ¹⁾. Участвовали въ представленіи одни только богословы и философы, но женскія лица были изъ риторовъ. Коррекція до того дѣлалась въ самомъ большомъ классѣ, въ Риторикѣ. Въ воскресный день послѣ обѣда каждый исправно заучивалъ свою роль, и здѣсь, въ Еловщинѣ, заученное и уже коректованное представлялось. Помню, напѣ учитель и Затворницкій были стражами и стояли съ алебардами въ рукахъ при входѣ въ загородъ. На срединѣ стояли 12 человекъ воиновъ съ обнаженными саблями, по 6 душъ на каждой сторонѣ. Началось представленіе... На тронѣ сидитъ Димитрій, возлѣ него жена его Марина. Тамъ идутъ сцены изъ трагедій, и вдругъ вбѣгаютъ новые воины, бьются на шпагахъ... Два воина приступаютъ къ Димитрію; одинъ хватаетъ его сзади, а другой пронзаетъ... Кровь льется изъ приготовленнаго пузыря съ налитымъ бураковымъ квасомъ. Падая, Димитрій успѣваетъ еще произнести:

Иди, душа, во адъ и буди вѣчно пѣлѣна!..
О, еслибы со мною погибла вся вселенна“!

Марина лежитъ въ обморокѣ. Во время сего сраженія одному богослову отрубили кончикъ носа. Сцена оканчивается тѣмъ, что Марину уносятъ. Своя избранная музыка играетъ печальный маршъ. Въ этомъ оркестрѣ было нѣсколько и город-

¹⁾ Трагедія А. П. Сумарокова.

скихъ музыкантовъ, съ охотой сюда присоединившихся ради попойки. Оркестръ составляли скипки, басъ, кларнеты, флейты и бубны...

Послѣ этого начинается винопитіе стаканами. Впрочемъ, для дамъ были заготовлены рюмки. Далѣе идетъ чаепитіе, пуншъ, водки, закуски и разные конфекты, начались пѣсни и пляски разныхъ сортовъ. Гости и начальство часу въ первомъ расходятся и разѣзжаются, а семинаристы остаются допивать и догуливать. На другой день въ классъ почти никто не приходитъ. На мѣстѣ гулянія никто изъ уѣздниковъ не имѣетъ права оставаться, и въ 10 часовъ вечера всѣ группами отправляются въ свои квартиры. Такъ какъ все нужно привести въ порядокъ и взятое доставить въ цѣлости обратно, то по назначенію учителей на мѣстѣ гулянія оставлялось нѣсколько душъ для присмотра за посудою и прочимъ имуществомъ и для сопровожденія онаго. Здѣсь были разбиты лавочки съ пряностями и прочими сладостями. Уѣздники бросали (*пропущено*), и если застрянетъ на верху шалаша, значитъ—выигралъ, а упадетъ—проигралъ. Во многихъ кучкахъ шли игры въ свайку, въ мячъ... Вообще время проводили съ большимъ наслажденіемъ.

15-го и 30-го мая, хотя и были рекреаціи, но уже не было прогулокъ въ Еловщину. Учителя играли въ кегли, а мальчики на лугу въ мячъ, въ бабки, ходили на Десну, купались, а охотники удили рыбу, иногда съ большою удачей.

Наступалъ іюнь мѣсяцъ, и всѣ усердно принимались за книги, т. к. приближались экзамены, а съ ними вмѣстѣ и участь переводовъ въ высшіе классы. Большая часть учениковъ ревностно занималась приготовленіемъ къ сдачѣ экзаменовъ, и только лѣнливцы погуливали. Едва придешь изъ класса, не успѣешь пообѣдать, а уже книга въ рукахъ, а тутъ нужно опять идти въ классъ, пришедши изъ коего, до сумерекъ опять сидишь за книгою.

Вставши рано, готовишься сдать домашнему учителю уроки и выслушать поясненія, что иногда не обходится безъ сѣкуцій розгами; а сколько придется на долю cadaго *паль*! Послѣ этого готовится завтракъ: у богатыхъ часто или почти каждо-

дневно блины, у бѣднѣйшихъ—хлѣбъ, сало, а въ постныя дни—какая-нибудь соленая рыба, или просто нальютъ въ миску воды, всыплютъ побольше олен, накрошатъ хлѣба и ложками хлебають, послѣ чего идутъ въ классъ. Авдиторы выслушиваютъ учениковъ, записываютъ въ эраты „знавъ“, „не знавъ“, кладутъ эраты на кафедрѣ... Приходитъ учитель, беретъ эраты и пересматриваетъ, затѣмъ незнавшихъ посылаетъ къ порогу, а тамъ *progrus pescit* начинается сѣкуція; подымается съ парты цензоръ, беретъ съ печки пукъ длинныхъ березовыхъ розогъ... Крикъ, просьбы... а учитель кричитъ: „дери его каналію“! Потомъ все замолкаетъ: слышно, какъ муха пролетитъ.

Учитель начинаетъ повѣрять сомнительныхъ аудиторовъ, потомъ поясняетъ, дѣлаетъ устныя задачи или заставляетъ переводить изъ латинской христоматіи. Потомъ слѣдуетъ урокъ латинскаго и русскаго языковъ, иногда и ариѳметики. Затѣмъ приходитъ учитель греческаго языка Дорошенко, человѣкъ болѣе мягкій, простоватый, рѣдко наказывающій. Начинается переводъ Новаго Завѣта съ греческаго языка на русскій. Просиживаетъ онъ два часа, а тутъ съ петербургіемъ ждуть колокольчика. Наконецъ, въ 12 часовъ раздается звонокъ. Занятія кончаются... Всѣ берутся за шапки; первый ученикъ читаетъ молитву „Достойно есть“, и всѣ за учителемъ выходятъ. Въ два часа послѣ обѣда очередной учитель приходитъ, задаетъ упражненія или переводы. Кто успѣлъ, скорѣе подаетъ тетрадь, учитель тутъ же подписываетъ. Къ пяти часамъ почти всѣ кончаютъ. Учитель, просмотрѣвши, подчеркиваетъ ошибки и даетъ иногда столько палъ, сколько ошибокъ, такъ что иногда приходится очень страдать. Въ иные дни послѣ обѣда назначается нотное пѣніе, а иногда ариѳметика и русская грамматика.

Такъ со дня на день шла наука уѣзднаго училища. Въ субботу послѣобѣденныхъ классовъ не бывало, а всѣ должны были приходиться на вечерню и заутреню, совершаемыя съ вечера въ зимнее время въ классѣ словесности, потому что церковь въ то время не отапливалась; по утру же на литургію позволялось уѣздикамъ по близости ходить въ приходскія церкви, за чѣмъ наблюдали старшіе.

Такъ проходятъ два года.

Въ низшемъ отдѣленіи учитель Гордіевскій тоже оканчивалъ Богословіе: онъ былъ изъ студентовъ и говорилъ хорошо проповѣди, но только былъ неаккуратный человѣкъ. Помню, какъ онъ однажды послѣ произнесенія проповѣди въ послѣдній годъ на веснѣ пригласилъ сотоварищей на водку. Одѣтъ онъ былъ съ иголки, въ новое платье—фракъ, брюки, сапоги съ шелковыми китицами, и залилъ платье соусомъ изъ-подъ жаркого. Тогда онъ позвалъ жида портного и отдалъ ему для перешитья. Это платье было уже приготовлено для женитьбы. Онъ вскорѣ по окончаніи курса женился на Кушакевичевой въ Нѣжинѣ, гдѣ былъ священникомъ и членомъ Духовнаго Правленія. Въ бытность мою уже священникомъ, лѣтъ черезъ десять послѣ постриженія, я посѣщалъ его въ Нѣжинѣ, гдѣ онъ имѣлъ собственный домъ. Онъ жаловался, что у него одинъ сынъ, да и тотъ не захотѣлъ учиться; онъ воспитывалъ его въ гимназій. Теперь онъ почти что бродяжничаетъ. Дочь же онъ выдалъ за священника въ томъ же уѣздѣ.

Хотя мой бывшій учитель и жилъ въ небогатой обстановкѣ, но принималъ меня радушно: мы выпили по два пунша съ ромомъ, затѣмъ водки и хорошо закусили. Онъ далъ мнѣ въ проводники пономаря, потому что была уже ночь, и я могъ не найти своей квартиры и заблудиться. (Въ Нѣжинѣ я обыкновенно останавливался у рѣзчика и позолотчика, который взялся позолотить въ нашей церкви царскія врата и сдѣлать кіотъ съ рѣзьбой, иконописью и позолотой). Теперь Гордіевскій, вѣроятно, уже умеръ, такъ какъ почти ослѣпъ и бросилъ службу. Онъ окончилъ семинарію, вѣроятно, не раньше 30 лѣтъ отъ роду. Я ему много благодаренъ: онъ первый направилъ меня къ наикамъ и вообще отличался добрымъ характеромъ.

При поступленіи въ уѣздное училище вмѣсто инспектора былъ префектъ Александръ Власіевичъ Огіевскій. Впослѣдствіи онъ былъ учителемъ риторики, а по выходѣ изъ семинаріи—каедральнымъ протоіереемъ. Онъ долго былъ экономомъ надъ казеннокоштными, и отъ него непосредственно зависѣла покупка дровъ и вообще всего содержанія казеннокоштныхъ. Онъ былъ очень

дѣятеленъ: лично самъ закупалъ все необходимое, часто слѣдомъ провожалъ подводы и присутствовалъ при приѣмѣ. Однако же, видно, онъ не былъ настолько жаденъ и корыстолюбивъ, чтобъ нажить огромное состояніе: бывши въ сей должности около 30 лѣтъ, онъ оставилъ состояніе тысячъ въ 15. Правда, въ семейной жизни онъ былъ несчастливъ и жалокъ: жена его была идіотка, почти помѣшанная. У него былъ одинъ сынъ, да и тотъ не захотѣлъ учиться и рано умеръ, а изъ двухъ дочерей одна очень рано вышла замужъ за профессора Давидовскаго, сотоварища дяди Павла Есманскаго. Онъ свое учебное поприще окончилъ въ Могилевской губерніи, а теперь живетъ въ отставкѣ въ Черниговѣ, получая по старому окладу небольшой пенсіонъ. Другая дочь вышла тоже за профессора Кучеровскаго. Эта послѣдняя съ семействомъ имѣетъ хорошія средства живя въ домѣ отца, впрочемъ раздѣленномъ съ семействомъ Давидовскаго.

Въ сіе время ректоромъ семинаріи былъ архимандритъ Теофилъ. Я только и помню его, когда онъ ходилъ по всѣмъ классамъ и прощался съ учениками: онъ уѣзжалъ на очередь въ Синодъ. Это былъ высокій господинъ, брюнетъ, долголицый, съ высокою тростью. Онъ останавливался среди класса и говорилъ прощальное слово, такъ что, говорятъ, во всѣхъ классахъ доводилъ учителей и учениковъ до слезъ. Впослѣдствіи онъ былъ преосвященнымъ въ какой-то епархіи. Вообще о немъ сохранилось воспоминаніе, какъ о добромъ начальникѣ. О немъ уже умершій архимандритъ Илларионъ рассказывалъ такой анекдотъ: въ одно время ему захотѣлось французской водки и хорошей икры. Онъ далъ своему келейнику потребныя на покупку деньги и послалъ его пѣшкомъ въ Нѣжинъ. Келейникъ все это исправно ему доставилъ. Вѣроятно, тогда въ Черниговѣ этого нельзя было достать, а въ Нѣжинѣ тогда была широкая греческая торговля. Впослѣдствіи почти всѣ купцы переселились въ Одессу, Николаевъ и Таганрогъ, оставивъ однако же по себѣ память въ Нѣжинѣ постройкою греческаго монастыря и другихъ благотворительныхъ заведеній, которыя поддерживаются горстью оставшихся небогатыхъ греческихъ семействъ.

Ректоръ выѣхалъ изъ Чернигова въ послѣдній годъ моего пребыванія въ низшемъ отдѣленіи. Помню, послѣ Рождества, вѣроятно въ 17-мъ году, по окончаніи ученія и экзамена я былъ назначенъ къ переводу въ высшее отдѣленіе. А тутъ наступила и реформа: прибыли послѣ каникулъ изъ С.-Петербургской академіи три профессора: Никольскій, Доброзраковъ и Образцовъ.—Я перешелъ въ высшее отдѣленіе во второмъ разрядѣ высоко. Здѣсь уже были новые учителя по латинскому языку: Иванъ Ивановичъ Силатицкій, уже женатый человѣкъ, имѣвшій свой домъ на валу, гдѣ была впослѣдствіи почтовая контора или почтамтъ. Это былъ мужчина высокаго роста, блондинъ, немного даже рыжеватый. Онъ, кажется, былъ въ тогдашней Кіевской Духовной Коллегіи, отлично зналъ французскій языкъ, который и преподавалъ въ семинаріи, говорилъ хорошія проповѣди, но любилъ выпивку. Когда онъ приходилъ въ классъ покраснѣвшимъ, особенно около шеи, тогда приходилось ученикамъ нерѣдко быть сѣченными и притомъ жестоко. Его боялись, какъ демона. Однако въ иные дни онъ до того былъ тихъ и скромнъ, что даже никого не поставитъ на колѣна у порога. Впослѣдствіи онъ былъ соборнымъ священникомъ, но въ концѣ концовъ распился въ высшей степени, былъ переведенъ въ Сосницу въ соборъ. Впослѣдствіи онъ былъ лишенъ сана и данъ въ военную службу, гдѣ былъ воспитателемъ дѣтей у полкового командира, и послѣ скорѣ умеръ.

Онъ преподавалъ въ этомъ классѣ и другіе предметы: русскую грамматику, ариметику, географію.—Другой учитель былъ священникъ о. Дмитрій Стефановскій, настоятель Срѣтенской церкви, близъ коей имѣлъ собственный домъ. Это былъ человѣкъ небольшого роста, слащавенькій, бѣленькій, съ острою бородкой. Онъ обладалъ весьма переменчивымъ характеромъ. Преподавалъ онъ греческій языкъ. Занятія состояли въ переводѣ изъ христоматіи или Новаго Завѣта. Послѣ обѣда преподавалъ нотное пѣніе, а въ другихъ классахъ—греческія упражненія или переводъ съ греческаго на русскій. Характера онъ былъ мягкаго, но взбалмошный, придиричивый и безрезонный, за что часто подвергался насмѣшкамъ учениковъ, коихъ въ выс-

шемъ отдѣленіи было болѣе ста душъ. Меня онъ постоянно звалъ шалуномъ и безъ всякой, иногда, съ моей стороны шалости кричалъ: „Кистяковскій шалить“! Онъ часто заставлялъ меня отвѣчать ему: „Ваше Высокопреподобіе, смотрите—я занимаюсь усердно книгою“. Въ отвѣтъ раздавалось: „шалунъ, ступай до порога! Нужно повиноваться“. Впрочемъ, этимъ дѣло и кончалось, но все же это нерѣдко повторялось, чѣмъ онъ учениковъ доводилъ до смѣха. Часто ученики вставали и говорили: „уже второй колокольчикъ пробилъ; Ваше Высокопреподобіе, пойдемъ изъ класса“! Онъ отвѣчаетъ: „я не слышалъ“, а между тѣмъ заставляетъ читать выходную молитву. Въ то самое время бьетъ колокольчикъ, и ему говорятъ, что это вѣрно звонятъ, чтобы онъ скорѣе отпустилъ учениковъ. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ соборнымъ ключаремъ и протоіереемъ. Въ сей годъ прибылъ новый ректоръ, архимандритъ Мелетій Носковъ, изъ западнаго края, съ круглою большою рыжей бородою, роста средняго. Это былъ человѣкъ въ высшей степени честолюбивый: чтобы у него заслужить прощенье всякой вины или получить какую-нибудь милость, стоило только упасть ему въ ноги, и онъ все сдѣлаетъ по желанію.—У него совершенно было польское обхожденіе и даже акцентъ.—Преосвященный Михаилъ былъ митрополитомъ С.-Петербургскимъ и Новгородскимъ; его до сего времени года три не было въ Черниговѣ: онъ былъ членомъ Синода, и консисторія или дикастерія вела дѣло, сносясь письменно съ своимъ архипастыремъ. Рукополагались въ Кіевѣ въ священники и діаконы, а причетниковъ рукополагалъ ректоръ семинаріи.

Такъ шло ученіе въ высшемъ отдѣленіи. Квартира уже находилась не у Муляревской, а у Кострицы, ближе къ Красному мосту, на той же Богоявленской улицѣ. Домашнимъ учителемъ былъ Филиппъ Ивановичъ Виноградскій, самый слабенькій богословъ, такъ что переводъ изъ Корнелія Непота имѣлъ онъ подъ рукою русскій, и вообще мало способствовалъ улучшенію познаній.—На другой годъ въ высшемъ отдѣленіи мы перешли тоже вмѣстѣ съ Воронкевичами за Красный мостъ къ В (*не разобрано*), гдѣ я проквартировалъ почти до богословія, а

съ оной поступилъ на кондицію къ Веприцкому и прочимъ, съ которой уже и поступилъ въ домъ по окончаніи наукъ, о чемъ будетъ рѣчь ниже. Здѣсь, на другой годъ уже, у меня былъ домашнимъ учителемъ Иванъ Григорьевичъ Кульжинскій, изъ первыхъ учениковъ богословія. Онъ только поутру выслушивалъ мои уроки, дѣлалъ толковыя поясненія, въ прочее же время до него не было доступа. До Рождества я сдѣлалъ большіе успѣхи и приобрѣлъ солидныя знанія, но, отправившись на Рождество домой, помню, возомъ въ сильный морозъ, такъ сильно простудился, что послѣ горячки проболѣлъ всю треть, долго не ходилъ ногами, такъ что меня носили на простынѣ, и только въ половинѣ поста, при усердномъ пользованіи березинскаго доктора Гавріила Васильевича Самарскаго, началъ ходить по комнатѣ. Докторъ усердно пользовалъ меня, помня прежнюю благодарность матери, когда она снабжала его всякою провизіею изъ экономіи, какъ экономическаго доктора. Онъ черезъ недѣлю пріѣзжалъ навѣщать и бралъ только за выписываемыя лѣкарства, не требуя особеннаго вознагражденія, между тѣмъ, какъ говорятъ, онъ порядочно бралъ за визиты, нажилъ хорошее состояніе, имѣлъ много полей, сѣнокосовъ и лѣсовъ. Сынъ все это продалъ за половину стоимости.

Къ этому времени прибылъ на паству преосвященный Симоонъ. Говорятъ, онъ былъ изъ дворянъ, готоваясь быть пастыремъ, но послѣ слушалъ еще монахомъ въ С.-Петербургской Академіи Богословіе и хиротонисованъ въ архіереи. Говорятъ, онъ былъ весьма ученый мужъ, но характера пылкаго: при одѣваніи его для служенія въ архіерейскія облаченія поддіаконамъ и прочимъ приходилось получать порядочныя „стусаны“. Онъ былъ роста средняго, съ продолговатымъ лицомъ, острымъ носомъ и небольшою бородкою, блондинъ, даже нѣсколько рыжеватый; на лицѣ замѣтны веснушки. На экзаменъ онъ являлся и въ нашъ классъ, въ высшее отдѣленіе Уѣзднаго Училища, вызывалъ самъ учениковъ къ столу, дѣлалъ вопросы и отвѣты принималъ благосклонно. Если кто не зналъ, онъ велѣлъ отвѣчать то, что ученикъ зналъ изъ сего предмета, заставлялъ переводить съ греческаго языка священное писаніе.

Часто обращаясь къ учителямъ, онъ говорилъ: „методъ вашего преподаванія требуетъ улучшенія“. Всѣ съ трепетомъ боялись промолвить слово.

Къ ученикамъ вообще онъ былъ снисходителенъ, но къ наставникамъ строгъ и впуштителенъ. Съ учениками онъ занимался безъ утомленія и далеко дольше просиживалъ послѣ колокольчика. Чаще всего онъ обращался къ инспектору архимандриту Іерониму, своему постриженнику, говоря: „я Вамъ предоставляю полное право въ переводѣ учениковъ въ словесность, какъ здѣшнихъ, такъ и изъ Новгородъ-Сѣверска, а потому рекомендую Вамъ самимъ раньше отправиться туда, чтобы не стѣснять тамошнее училище ожиданіемъ“. Слова преосвященнаго имѣли большое вліяніе на переводъ учениковъ, что будетъ видно ниже изъ моего перевода въ словесность. — Архимандритъ Іеронимъ былъ очень красивый мужчина, лѣтъ 28, роста средняго, бѣлъ лицомъ, съ каштановыми волосами, съ весьма правильнымъ носомъ, губами и голубыми глазами. Монашеская одежда удивительно шла къ его лицу, и молодыя женщины просто влюблялись въ него, да онъ и самъ не прочь былъ. Монашеская ряса его скоро сгубила. Онъ жилъ здѣсь въ семинаріи, иногда служилъ обѣдню, и тогда бывало полно народу, особенно женщинъ высшаго черниговскаго круга. Нерѣдко онъ зазывалъ своихъ знакомыхъ изъ церкви на чай, и любимый его келейникъ подходилъ къ назначеннымъ лицамъ и передавалъ приглашенія. За то его постоянно обсылали то сдобными хлѣбами, то вареньемъ, пастилами и пр. Онъ часто ѣздилъ на вечера къ знакомымъ, и даже часто за нимъ присылались кареты отъ Милорадовича, Шафонскаго, губернатора и прочихъ. Онъ былъ очень любимъ, вслѣдствіе чего было очень много вѣтрыхъ наговоровъ на счетъ его жизни.

Въ сіе время прибылъ еще новый профессоръ изъ С.-Петербургской духовной академіи, Михаилъ Андреевичъ Максимовичъ, сынъ Тобольскаго преосвященнаго. Онъ былъ мужчина высокаго роста, очень красивый, лѣтъ 30, блондинъ, всегда съ розовымъ лицомъ. Онъ одѣвался зимою въ бобровую шинель, какой одежды никто не имѣлъ въ Черниговѣ, скюртукъ тоже

носивъ на дорогомъ мѣху. Онъ имѣлъ слабость выпивать, отчего уклонялся отъ общества. Онъ недолго пробылъ въ семинаріи, года полтора, и выѣхалъ на службу въ Петербургъ и въ послѣдствіи былъ большимъ чиновникомъ въ какомъ-то министерствѣ, по крайней мѣрѣ по слухамъ.

Вышеописанная болѣзнь моя имѣла послѣдствіемъ то, что я не былъ назначенъ къ переводу въ словесность, хотя я, прибывши изъ воскресенья, послѣднюю треть усердно занимался и многимъ назначеннымъ къ переводу не только не уступалъ, но даже превосходилъ. Однако, оба мои учителя даже не обратили на меня вниманія, только что не назначивъ меня къ исключенію. Но Промыселъ Вышняго совсѣмъ иначе устроилъ мой бытъ: по прибытіи на вакаціи я былъ все все скученъ, не хотѣлъ начать заниматься, особенно пауками, говоря часто матери, что меня не переведутъ, а это мое несчастье. Мать моя хотя и была простая женщина, но понимала дѣло, знала, что причиною всего была моя болѣзнь, заставившая меня пропустить цѣлую треть, и начала меня утѣшать, что она вмѣстѣ со мною поѣдетъ въ Черниговъ. Я обрадовался и посоветовалъ матери пригласить садовника Марка, который почиталъ ее, какъ мать, женившись уже вдовцомъ на воспитанницѣ матери, дѣвкѣ Иринѣ, которая и въ Кіевѣ съ нами ѣздила, и имѣла почти одинъ столъ съ нами безъ гостей, и вообще была всѣми нами любима. Мать позвала садовника Марка, угостила его наилучшимъ образомъ и просила его къ 28-му августа приготовить наилучшихъ плодовъ изъ оранжерей, упаковать ихъ и доставить въ цѣлости въ Черниговъ. Онъ согласился съ большимъ удовольствіемъ, сказавъ, что будетъ приготовлена сотня наилучшихъ абрикосовъ, такихъ же полсотни персиковъ и двѣ пары ананасовъ, потому что ихъ немного осталось: главноуправляющій Богунъ забралъ полсотни для варенья и для отсылки въ Петербургъ, да десятокъ для себя. Наканунѣ 28-го числа все это было принесено имъ самимъ вмѣстѣ со сторожемъ оранжерей, уложено наилучшимъ образомъ, а 28-го августа мы отправились въ Черниговъ, пріѣхавъ просто на квартиру къ Высокоцкой, гдѣ я прожилъ до „Богословія“, пока не поступилъ на кондіацію сперва къ Дебрянскому, а потомъ къ

купцу Веприцкому, гдѣ я имѣлъ постоянную квартиру до окончанія курса. 29-го августа, въ день Усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи, мы явились рано къ инспектору Іерониму. Онъ готовился идти на литургію въ церковь св. Варвары, такъ какъ въ семинарской церкви служенія не было.— Два большія блюда, взятые нами у хозяйки, наполнены были привезенными плодами и завязаны въ бѣлыя, какъ снѣгъ, салфетки. Мать моя была довольно прилично одѣта, въ шелковое платье цвѣта вороньяго крыла съ такимъ же чернымъ платкомъ на шеѣ. Голова была повязана такимъ же шелковымъ, по тогдашней цѣнѣ дорогимъ, платкомъ. Пришедши въ переднюю, мы просили келейника доложить о нашемъ приходѣ отцу архимандриту, и на стоявшемъ въ углу столѣ мы поставили плоды въ развязанныхъ и раскрытыхъ салфеткахъ. О. архимандритъ вышелъ изъ своихъ покоевъ въ шелковой рясѣ съ наперснымъ крестомъ, сперва обратилъ вниманіе на насъ, потомъ на плоды, и видимо былъ восхищенъ. Затѣмъ онъ спросилъ мою мать: „Вы, вѣрно, священница, а это вашъ сынъ“. Мать отвѣчала: „по несчастію, капитанша 2-ымъ бракомъ, а сынъ мой изъ принятыхъ въ духовное званіе и обучается подъ Вашимъ вѣдѣніемъ въ черниговскомъ уѣздномъ училищѣ. Онъ внимательно разспросилъ насъ, прося пожаловать въ первую комнату и присѣсть. Мать сѣла, а меня онъ заставлялъ сѣсть, но я не сѣла. Онъ замѣтилъ у меня слезы и тутъ же сказалъ: „не беспокойся: по желанію твоей родительницы и твоему все будетъ сдѣлано мною“. Затѣмъ онъ нѣсколько разъ благодарилъ мать за принесенные плоды, т. к. они представляли рѣдкость, какой онъ и не думалъ найти въ Черниговѣ. Послѣ этого онъ сказалъ: „я иду въ церковь св. Варвары за брамою, пожалуйста и вы туда же, а послѣ служенія ко мнѣ откушать чай; тогда мы поговоримъ, и все, что нужно вашему сыну, я сдѣлаю“. И замѣтивъ слезы и у матери, прибавилъ: „не беспокойтесь, матушка“. Тогда же онъ велѣлъ своему келейнику внести плоды въ его спальню, сказавъ: „послѣ чаю вы получите свои блюда“. Мы отблагодарили его и вышли, а онъ догналъ насъ почти на паперти церковной. Мать и я

поклонились, на что онъ отвѣтилъ. По выходѣ изъ церкви, послѣ литургіи, мы стояли въ сторонѣ, и только что онъ вышелъ, какъ вскорѣ прибѣжалъ въ церковь его келейникъ и, отыскавши насъ, передалъ отъ архимандрита приглашеніе пожаловать сейчасъ же на чай. Мы вмѣстѣ отправились. Иеронимъ поднесъ матери большую просфору, просилъ мать сѣсть и, когда я не осмѣливался сѣсть, онъ насильно усадилъ меня. Келейникъ поставилъ стулъ къ столу. Подали ароматическій чай, за коимъ онъ вошелъ во всѣ подробности, затѣмъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, переведенъ ли я въ „словесность“. Я, вставши, началъ говорить, что я предпоследнюю треть былъ боленъ и, хотя послѣ Воскресенія старался наверстать все пройденное, но не знаю, почему меня ни одинъ учитель, особенно Силатицкій, не спросилъ, а потому, вѣроятно, не переведенъ. Онъ тотчасъ же взялъ списки, лежавшіе на угловомъ столикѣ, спросилъ еще мою фамилію и съ довольною улыбкою сказалъ: „далеко, братишко, тебя затаскали: предпоследнимъ въ третьемъ разрядѣ ученикомъ, остающимся за неуспѣшность и болѣзнь въ теченіе цѣлой трети, поведенія же хорошаго; но такъ не будетъ“. Онъ тотчасъ же присѣлъ къ столу, вытеръ или зачеркнулъ мою фамилію и перенесъ во второй разрядъ, высоко, къ переводу, гдѣ на маринесѣ отмѣтилъ: „по испытаніи моемъ удостоивается къ переводу“. Онъ велѣлъ подойти къ нему и прочитатъ; я хотѣлъ упасть въ ноги, но онъ подхватилъ меня, и я поцѣловалъ его благословенную руку, а онъ поздравилъ меня словесникомъ со словами: „дай Богъ, съ моей руки, чтобы ты благополучно окончилъ курсъ наукъ, а на утѣшеніе твоей пекущейся родительницы былъ добрымъ священникомъ“. Затѣмъ онъ обратился къ матери: „изъ словъ Вашихъ я вижу, что Вамъ недобро живется съ Вашимъ мужемъ. Если Вы желаете, я замѣщу Вашего сына на полное казенное содержаніе, но моя просьба къ Вамъ, не можете ли мнѣ доставить горшковъ пять цвѣтовъ окошечныхъ изъ оранжерей? за доставку я заплачу“. Мать отвѣтила, что исполнить это съ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ ей это ничего не будетъ стоить“. Онъ благодарилъ, и мы, взявши бла-

госклонное его благословеніе, отправились въ квартиру, получивши обратно блюда и салфетки. Мать дорогой замѣтила, что она давно не пила такого душистаго чаю. Мы пришли на квартиру съ большимъ удовольствіемъ и спокойствіемъ. Я былъ внѣ себя отъ радости и будущей надежды, какую во мнѣ поселилъ архимандритъ своимъ вниманіемъ и общаніемъ. При отпускѣ онъ сказалъ матери: „пришлите мнѣ указъ о принятіи Вашего сына въ духовное званіе: я, что могу, все сдѣлаю для него на пользу Вашу“. Но судьбы Божіи неисповѣдимы, предопредѣленію Его всѣ повинуются. Въ половинѣ сентября онъ заболѣлъ сперва лихорадкою, причиной которой, полагають, были частыя ночныя прогулки; онъ сильно былъ привязанъ къ дому купца К (*не разобрано*), нынѣ принадлежащему Дорошевскому, возлѣ Краснаго моста. У него была дочь, молодая, здоровая и красивая дѣвушка. Вотъ здѣсь то онъ и засиживался. Вскорѣ лихорадка превратилась въ горячку.—Когда къ концу сентября былъ доставленъ цѣлый возъ цвѣтовъ въ горшкахъ и при оныхъ указъ, я настолько былъ простъ, что не удержалъ его при себѣ, а отдалъ на руки, не помню, какому-то изъ учителей; впрочемъ, доставившему вынесено было двѣ рюмки водки и полная жменя мѣдныхъ, при чемъ я отдалъ еще 10 лимоновъ и 10 апельсиновъ, за которые очень меня благодарили, потому что въ Черниговѣ не было вовсе еще въ продажѣ.—Самый же мой переводъ не остался безъ злостныхъ послѣдствій.

2-го сентября учитель Сіяятицкій читалъ переводные списки; онъ и помощникъ инспектора, читая, не упомянулъ моей фамиліи. Ученики тотчасъ же бросились почти бѣгомъ со второго этажа внизъ, въ словесность. Я остаюсь и плачу, а между тѣмъ вбѣгаетъ архимандритъ, сначала обращается къ Сіяятицкому, потомъ, завидѣвши меня, вдругъ съ досадою спросилъ: „зачѣмъ ты не идешь въ назначенный тебѣ классъ?“ Я сказалъ: „г. учитель не читалъ моего имени и фамиліи“. Онъ съ азартомъ вскричалъ: „какое вы имѣете право распоряжаться моими поста-

новленіями“? Тотчасъ подойдя ко мнѣ, онъ велѣлъ мнѣ за собой идти, а учителю сказалъ: „берегитесь и будьте впредь осторожнѣе!“ Онъ ввелъ меня въ „словесность“, обратился къ ученикамъ со своими наставленіями, упомянувъ при семъ, что по испытаніи его удостоенъ перевода и Кистяковскій. „Я надѣюсь, — прибавилъ онъ, — что онъ будетъ стараться и успѣвать по силѣ своихъ способностей“. Вышедши, онъ пошелъ въ другой классъ уѣзднаго училища.—Переводъ мой имѣлъ большое вліяніе на весь ходъ моей науки и ея послѣдствія. Не знаю, что было-бы, еслибы архимандритъ прожилъ по крайней мѣрѣ до окончанія мною семинаріи; но иначе устроилось съ его жизнію: въ началѣ октября горячка усилилась и превратилась въ бѣлую горячку. Сначала его пользовалъ семинарскій докторъ Шигринъ, старикашка нѣмецъ, послѣ Гинтеръ и прочіе, тоже не отличавшіеся большими познаніямъ. Онъ въ припадкѣ бѣлой горячки зарѣзался. Вся семинарія съ горестью услышала о его смерти.

Настали похороны. Архіерей Симеонъ и два архимандрита, ректоръ Мелетій и архимандритъ Іовъ Домницкій (онъ былъ и экономя Троицкаго архіерейскаго дома), служили еще съ тремя священниками обѣдно въ семинарской церкви, а профессоръ Максимовичъ сказалъ надгробное слово изъ псалма Давидова на текстъ: „блаженъ путь, въ онъ же идетъ душа твоя, зане уготовася тебѣ мѣсто упокоенія“. Это слово вызвало плачъ, даже навзрыдъ. Тѣло несли богословы-философы и даже словесники, потому что у насъ ихъ было душъ двадцать довольно лѣтнихъ. Они почти всѣ не окончили и не пошли далѣе „философіи“ по тогдашнему времени, но почти всѣ достигли священническаго сана. Преосвященный ѣхалъ въ каретѣ и ректоръ въ своей; они останавливались и выходили изъ кареты, когда читалось Евангеліе. Тѣло несли въ Елецкій монастырь, гдѣ оно и погребено близъ церкви. Тамъ былъ въ ректорскихъ комнатахъ приготовленъ и обѣдъ. Ученики отправились по домамъ, потому что и уѣздники всѣхъ классовъ должны были провожать. Я настолько

былъ опечаленъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ простъ и беззаботенъ, что не похлопоталъ тогда же о своемъ указѣ, чтобы получить его обратно и отправить въ свой домъ, а это причинило большія непріятности и хлопоты впослѣдствіи, какъ это будетъ ниже видно.

(Продолженіе будетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ВЕОДОРА КИСТЯКОВСКАГО.

(1807—185... г. ¹⁾).

Ученіе пошло своимъ порядкомъ.—Словесность преподавалъ у насъ Александръ Власіевичъ Огіевскій, бывшій священникъ Варварской церкви, прежній префектъ, впослѣдствіи кафедральный протоіерей. Онъ же былъ и экономомъ семинаріи. По происхожденію онъ былъ чистый малороссъ, родомъ изъ нѣжинскаго уѣзда, села Талалаевки, сынъ священника. Характера онъ былъ добраго. Читалъ онъ словесность, риторикъ, а иногда дѣлалъ выписки изъ другихъ источниковъ, которыя служили большимъ подспорьемъ къ нашимъ познаніямъ, тѣмъ болѣе, что многіе, какъ попугай, учили латинскія дефиниціи, не зная перевода. Потому многіе задачъ латинскихъ не приготовляли и не подавали, а если нѣкоторые изъ плохихъ учениковъ, и подавали, то часто онѣ возвращались безъ поправокъ. Однажды, не знаю, по какому случаю, я опоздалъ въ классъ. Въ это время по тамбуру тогдашнему и входнымъ сѣнямъ ходили учитель Огіевскій и Силатицкій. Тутъ мнѣ досталось отъ послѣдняго: онъ началъ обзывать меня лѣнтяемъ и другими обидными словами, говоря, что я переведенъ не по достоинству, а подкупомъ и что меня вовсе нужно исключить изъ семинаріи. Не знаю, какъ я вошелъ въ классъ, совершенно растерявшись и думая, что я пропащій человекъ.—Конечно, послѣ горя бываетъ иногда и радость. Со мною на квартирѣ стоялъ Николай

¹⁾ См. „Кіев. Стар“. 1893 г., № 4.

Васильевичъ Митькевичъ изъ селенія Жуковки, сынъ священника. Я ему первому, вышедши изъ класса, разсказалъ мою горестную встрѣчу. Онъ меня ободрилъ: „Развѣ ты не знаешь Сиятицкаго? Онъ злился на тебя и въ своемъ классѣ за то, что ты не согласился стоять у него на квартирѣ: но все-таки ты много лучше третьей части переведенныхъ. Не унывай, а какъ учился, такъ и учись“. Слова его на меня сильно по-дѣйствовали: онъ былъ изъ первыхъ учениковъ и прилежный въ высшей степени; нынѣ архіепископъ калужскій Григорій. Я училъ лекціи прилежно. Исторію Шренка читалъ намъ профессоръ Иванъ Ивановичъ Образцовъ. Онъ же былъ и секретаремъ семинарскаго правленія. Человѣкъ онъ немного свое-правный. По множеству учениковъ, онъ за первую треть одинъ только разъ спросилъ меня. Помню, я отвѣтилъ хорошо, но, вѣрно по рекомендаціи того же Сиятицкаго, онъ все-таки поставилъ меня первымъ въ третьемъ разрядѣ за первую треть предъ Рождествомъ. Онъ же читалъ греческій языкъ, но я былъ на низшихъ грекахъ параллельнаго класса. Здѣсь находились словесники, всѣ второго разряда и третьяго, и часть философовъ. Лекторомъ у насъ былъ Семенъ Трофимовичъ Дорошенко. Здѣсь я стоялъ во второмъ разрядѣ. Кончилась треть... Прочитали списки. Товарищъ и другъ мой Иванъ Дроздовъ стоялъ высоко во второмъ разрядѣ (это уже въ общихъ спискахъ), а мною и Борзаковскимъ Ефимомъ кончался 3-й разрядъ. Послѣ сего человѣкъ десять исключили за неуспѣшность и нехождение въ классъ. Тотъ же Митькевичъ опять мнѣ говоритъ: „вотъ какая правда: Донцовъ ничуть не лучше, а во второмъ разрядѣ, да еще и высоко. Одно, что ты пишешь нехорошо и неразборчиво. Однако не унывай: ты свое возьмешь; я вижу твое стараніе“. Слова его впослѣдствіи оправдались. На праздникъ Рождественскій Огіевскій далъ намъ тему: „Праздность вредна“, чтобы мы послѣ праздниковъ подали 12 періодовъ. Мы разѣхались по домамъ. Послѣ Крещенія мы собрались на ту же квартиру Высокоцкой и начали готовить періоды къ подачѣ. Вечеромъ я и говорю: „Николай! Посмотри мой періодъ и, сколько можно, исправь!“ „Я около своихъ вожусь и го-

товлю къ перепискѣ, а тутъ еще твои неразборчивые періоды читать“. Онъ замолчалъ, но вскорѣ сказалъ: „а ну подай, да и самъ смотри“. Прочитавши первый періодъ и исправивши, онъ началъ читать сравнительный, содержаніе котораго, на сколько помню, слѣдующее: какъ искусный птицеловъ, насыпая подъ сѣти кормъ, уловляетъ птицъ, такъ діаволъ празднаго человѣка увлекаетъ въ свои сѣти, дѣлаетъ его орудіемъ гнусныхъ и противозаконныхъ поступковъ. Прочитавши сей періодъ, онъ сказалъ: „я твое сравненіе возьму себѣ, а тебѣ отдамъ написанное мною, какъ искусный рыболовъ“. Перечитавши и исправивши всѣ періоды, онъ сказалъ: „возьми чистой бумаги, какъ можно тоньше, полиней и перепиши. Тогда резиновою вычистишь линейки и подавай. Повыучивалъ ли ты русскія выписки?“—„Очень исправно“—говорю я. Періоды подавались на русскомъ языкѣ. Почти всю ночь провозились мы съ перепискою ихъ. На другой день всѣ ученики должны были подать. Тѣ, у кого были готовые тетрадки, складывали ихъ на столикъ. Пришелъ въ классъ Огіевскій. По прочтеніи лекціи, выходя изъ класса, онъ завязалъ въ платокъ тетрадки и забралъ всѣ на домъ. Домъ его былъ близъ Варварской церкви, нынѣ принадлежитъ діакону Лавровскому. Онъ сказалъ, что всѣ, кто не подалъ періодовъ, могутъ принести ему на домъ. Затѣмъ, рассортировавши тетради лучшихъ учениковъ, выставилъ для пересмотра своего, а прочихъ сдалъ первому ученику Костюрову для поправокъ и подписи похвалъ. Этотъ ученикъ данъ былъ Огіевскому въ помощники по сему предмету вслѣдствіе множества словесниковъ (ихъ было больше ста). Прошла недѣля, и Огіевскій приноситъ въ классъ большой платокъ тетрадей. Начинается раздача. Сначала раздаются сочиненія ученикамъ перваго разряда и читаются во всеуслышаніе похвалы. Это длилось около часу. Наконецъ, доходитъ рядъ и до меня. Взявши мою тетрадь, онъ сказалъ: очень прилежно, если самъ приготавлилъ; на вопросы его я началъ репетитовать такъ, что онъ только губу закусывалъ и говорилъ: „гесте“. Онъ долго меня спрашивалъ, и я на все отвѣчалъ удовлетворительно. Я сидѣлъ въ концѣ второй партіи, между большаками, но ослами. Ни

одинъ изъ нихъ ни въ зубъ не зналъ. Тогда онъ сказалъ: „подери всѣхъ ихъ за уши“. Я принужденъ былъ исполнить приказъ. Они отворачиваютъ головы, но я свое дѣло исполнилъ, что произвело всеобщій смѣхъ. Затѣмъ учитель сказалъ: „оставь ослось, а вы ступайте всѣ до порога“—и велѣлъ сѣсть вторымъ на второй партіи, помню, со словами: „достигнешь своей цѣли“. Выходя изъ класса, обиженные начали меня толкать, но другіе вступились за меня, говоря, что я не виноватъ, такъ какъ мнѣ было приказано. Митькевичъ былъ въ восхищеніи; напротивъ, Донцовъ надулся, не хотѣлъ говорить со мною, потому что я посаженъ выше его, старался меня упрекать, но я, зная его характеръ, переносилъ все хладнокровно, тѣмъ болѣе, что я по воскресеніямъ и праздничнымъ днямъ ѣздилъ къ нему въ домъ, въ Кіянку, въ 7 верстахъ отъ Чернигова, и всегда былъ принимаемъ его родителями, какъ членъ ихъ семьи. У него былъ еще братъ Илья, тоже учившійся, но плохо, бездарный. Впослѣдствіи онъ вышелъ изъ духовнаго званія, служилъ по гражданской службѣ, ѣздилъ въ Петербургъ на службу, но мало добраго выслужилъ. Онъ воспользовался большею частью отцовскаго имѣнія; жилъ въ Черниговѣ, но, кажется, велъ незавидную жизнь. У нихъ была еще одна сестра, Марія. Отецъ Донцовыхъ—священникъ Василій; жена его—Екатерина Алексѣевна. Первый былъ очень суровый человѣкъ и скрытный; онъ любилъ выпить, но тайно: живя близъ города, онъ берегся. Впослѣдствіи онъ сгорѣлъ въ овиѣ, вѣроятно заснувши пьянымъ. Жена же его была очень добрая женщина, любившая чрезмѣрно своихъ дѣтей, вслѣдствіе чего и я былъ, какъ свой, въ ихъ домѣ.

Ученіе мое послѣ случившейся для другихъ катастрофы пошло гораздо успѣшнѣе по всѣмъ предметамъ. Много служило подспорьемъ неусыпное занятіе Митькевича, особенно въ зимнее время. Ночью онъ, во избѣжаніе помѣхи, поужинавши, всегда ложился раньше и, какъ только всѣ начинаютъ засыпать, онъ выкресываетъ огонь, зажигаетъ свою свѣчу и занимается за полночь. Я тутъ же подсаживаюсь къ нему. Онъ всегда первоначально разсердится, что я ему мѣшаю и что его собственная свѣча горитъ. Наконецъ, наступаетъ тишина. Я

стараюсь, сколько возможно, чтобы ему чѣмъ-нибудь не помѣшать, и только, когда увижу, что онъ уже пресытился своими занятіями, начинаю его спрашивать и просить пояснить мнѣ прочитанное или же перевести латинскую лекцію. Если онъ въ духѣ, то дѣлаетъ это съ удовольствіемъ, а нѣтъ—на отрѣзъ откажетъ. Но большею частію мы сходились. Подкупа онъ не любилъ, и своего не любилъ тратить, такъ что, если онъ привезетъ съ собою 50 коп. сер., то еще у него останется третья часть, когда онъ выѣзжаетъ домой. Предъ праздникомъ Воскресенія Христова за нимъ пріѣзжаетъ челядникъ верхомъ съ двумя лошадьми. Такимъ образомъ они верхами отправляются цомой, черезъ Десну на паромѣ, а тамъ до Жуковки сухимъ путемъ. Впослѣдствіи онъ окончилъ семинарію вторымъ и посланъ въ кievскую академію, на второй годъ поступилъ въ монахи. Послѣ онъ былъ инспекторомъ кievской академіи, ректоромъ ирославской семинаріи, наконецъ, ректоромъ же казанской академіи, которой былъ и строителемъ и изъ которой хиритонисованъ въ Епископа Калужскаго 9 декабря, кажется, 1848 года. Нынѣ онъ Архіепископъ Калужскій.—Я только одинъ годъ простоялъ у Высокоцкой вмѣстѣ съ нимъ. На другой годъ его квартира была за Стрижнемъ, гдѣ онъ и окончилъ семинарію, стоя на квартирѣ постоянно вмѣстѣ съ родственниками. Я же и Донцовы остались на той же квартирѣ. Послѣ экзаменовъ я стоялъ по всѣмъ предметамъ во 2-мъ разрядѣ, въ половинѣ.—У Высокоцкой же занималъ отдѣльную комнату Иванъ Григорьевичъ Кулжинскій. По моему прошенію, мать поручила меня на треть подъ его инспектуру. Сначала онъ усердно по утрамъ или вечеромъ занимался со мною не болѣе двухъ мѣсяцевъ, послѣ наотрѣзъ отказался, говоря, что у него нѣтъ свободного времени, отдавалъ мнѣ причитающіеся 10 рублей ассигнаціями, но я не взялъ, а потому въ свободное время онъ звалъ меня, велѣлъ при себѣ писать, послѣ поправлялъ. Въ началѣ декабря онъ перешелъ съ квартиры, такъ какъ здѣсь напротивъ была кухня, а онъ любилъ тишину и просиживалъ, занимаясь, ночи. Впослѣдствіи онъ былъ инспекторомъ Нѣжинскаго лицея и далѣе директоромъ.

Въ началѣ второго года выбылъ профессоръ Образцовъ. На мѣсто его прибылъ профессоръ Иванъ Федоровичъ Мерцаловъ и еще для преподаванія греческаго языка профессоръ Іосифъ Іоакимовичъ Самчевскій. Образцовъ впослѣдствіи былъ архіепископомъ. Онъ уже лѣтъ двадцать живетъ на покой въ вѣжнскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ. Полагаю, что ему нынѣ не менѣе 90 лѣтъ.—Профессора были для меня очень полезны. Особенно Иванъ Федоровичъ Мерцаловъ. Онъ же былъ и секретаремъ семинарскаго правленія. Вскорѣ онъ женился на Марѣ Федоровнѣ Крапивинцовой. Онъ былъ великороссъ. Когда онъ, бывало, разсердится въ классѣ, то крѣпко ругается. Но скорѣ онъ утихалъ и тогда становился кроткимъ и немстительнымъ. Онъ рѣдко воодушевлялся, но за то въ этихъ случаяхъ его историческій рассказъ доставлялъ ученикамъ полное наслажденіе. Большею же частью онъ читалъ по книгѣ, и то приходя постоянно на одинъ часъ на лекціи; а занимался онъ въ правленіи. Вообще, можно сказать, онъ былъ лѣнноватъ. Напротивъ, Самчевскій былъ въ высшей степени исполнительнъ по своей должности. Едва пробьетъ колокольчикъ, уже онъ не идетъ, а бѣжитъ въ классъ. Я и Донцовъ были на низшихъ грекахъ, гдѣ преподавателемъ былъ окончившій курсъ студентъ Семенъ Трофимовичъ Дорошенко.— Однажды, на послѣдней трети второго года, на словесности входитъ къ намъ въ классъ профессоръ Самчевскій и спрашиваетъ, кто изъ учениковъ наилучше занимается уроками и переводомъ греческаго языка. Дорошенко отвѣтилъ: „Кистяковскій, Нагорскій и Донцовъ“. Тогда онъ сѣлъ въ кресло около столика и перваго вызвалъ меня къ столику и заставилъ переводить изъ хрестоматіи только недѣлю назадъ переведенныя нами повѣсти. Я бойко началъ читать и переводить и перевелъ болѣе четвертушки. При каждомъ продолженіи перевода онъ спрашивалъ склоненія и спряженія греческаго языка и остался очень доволенъ. Затѣмъ вызвалъ Донцова и Нагорскаго и велѣлъ мнѣ не садиться на партію, а ожидать. Затѣмъ, окончивши съ вызванными учениками, всталъ. Ему прочитали выходную молитву, а онъ велѣлъ слѣдовать за нимъ на высшіе

греки. Когда прочли молитву, онъ опять сѣлъ въ кресло около столика, всегда занимаемаго имъ, и предложилъ мнѣ переводить опять ту же самую повѣсть, при чемъ непрерывно спрашивалъ меня спряженія и склоненія. Когда я окончилъ, онъ сказалъ, обратясь ко всѣмъ ученикамъ: „стыдно намъ, господа, что на профессорскихъ греческихъ лекціяхъ многіе изъ васъ не знаютъ ни склоненій, ни спряженій, ни прочихъ правилъ, между тѣмъ, какъ на лекторскихъ отлично знаютъ, чему вы очевидцы, а между тѣмъ оканчивается ваше двухгодичное занятіе греческимъ языкомъ. Наступаютъ экзамены и переводъ въ высшій классъ. Постарайтесь повторить, чтобы не было вамъ отвѣтственности за неуспѣхи. Къ тому же въ этомъ году будетъ строгій экзаменъ по случаю ожидаемаго пріѣзда ревизора“¹⁾. Я оставался покоенъ на счетъ перевода: Огіевскій задачи мои отдавалъ всегда съ хорошими отмѣтками, а на послѣдней третной, представлявшей собой что-то въ родѣ проповѣди, написалъ: „сочинитель достоинъ перевода въ высшій классъ“. Таковыя успѣхи мнѣ очень льстили, и я, сколько можно, старался не ослабѣвать, чтобы на экзаменахъ не ударить лицомъ въ грязь. Впрочемъ экзамены прошли благополучно. Я, помню, вызывался на двухъ предметахъ. Ревизоръ, архимандритъ Смарагдъ, кажется, тогда инспекторъ кіевской академіи, былъ очень добръ къ ученикамъ, такъ что всѣхъ классовъ ученики оставались весьма довольны его обхожденіемъ и снисходительностью. Помню, говорили, что по богословію онъ былъ болѣе строгъ и самъ по испытанію назначилъ четырехъ учениковъ въ академію, и только двухъ тѣхъ, которыхъ предполагала послать семинарская власть, а двухъ по собственному его выбору, совсѣмъ не ожидавшихъ назначенія.—Послѣ экзаменовъ намъ прочитали списки удостоенныхъ къ переводу. Я переведенъ высоко во 2-мъ разрядѣ. Помню, насъ перевели 60 слишкомъ душъ. Болѣе двадцати душъ исключены и непереведены. Нѣкоторые изъ нихъ поступили въ свѣтское званіе, другіе женились и сдѣлались діаконами, а вскорѣ и священниками.

¹⁾ Кажется, Смарагда, впоследствии Архієпископа Орловскаго.

Тогда это весьма возможно было, и впоследствии были и благочинные, особенно кто побогаче; тогда не было выборов, а зависѣло отъ консисторіи. Наставникомъ нашимъ по философіи былъ іеромонахъ Филадельфъ, онъ же и инспекторъ семинаріи, человѣкъ, обладающій небольшими знаніями. Когда онъ читалъ логику, то часто доходилъ въ своихъ объясненіяхъ до нелѣпостей и такой неясности, что принужденъ былъ оканчивать и говорилъ: „пора выходить изъ класса, читайте молитву“. Вторые классы были посвящены греческому языку. Читался большею частію Новый Завѣтъ, при чемъ вмѣнялось въ обязанность пояснять священное писаніе. Этотъ классъ занималъ тотъ же профессоръ Самчевскій. Послѣ обѣда преподавалъ математику или алгебру кандидатъ Игнатій Пахаревскій, невзрачная личность; многіе по математикѣ отставали даже изъ первыхъ учениковъ, а отличался въ познаніяхъ изъ второразрядныхъ учениковъ Ѳедотъ Мануйловичъ, такъ что и стоялъ онъ первымъ по математикѣ, что доставило ему по общимъ спискамъ степень студента. Впоследствии онъ былъ священникомъ села Мезина Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда, бывшій въ одно время со мною и благочиннымъ. Онъ часто заѣзжалъ къ намъ въ домъ, бывши уже благочиннымъ и отвозя своихъ дѣтей въ Черниговъ. Предъ выходомъ Николая изъ Богословія онъ заѣзжалъ и предлагалъ, чтобы Николай пріѣхалъ посмотреть его дочерей-невѣстъ. Онъ обѣщалъ полторы тысячи приданого. По моемъ предложеніи Николай не захотѣлъ. Теперь онъ уже два года, какъ въ царствѣ мертвыхъ.

Ученіе въ философскомъ классѣ было гораздо привольнѣе. Новый ректоръ, архимандритъ Елецкій былъ человѣкъ добраго характера. На одинъ глазъ онъ не видѣлъ. Самъ онъ поздно вѣдиль въ классы, отчего и учителя не слишкомъ спѣшили, и одинъ только Филадельфъ сейчасъ приходилъ послѣ колокольчика. Это былъ небольшой черненькій монахъ съ совершенно обросшимъ лицомъ; небольшіе глаза быстро смотрятъ изъ-подъ нависшихъ бровей. За то неумолкаемо тарабанить, а толку мало выходить: обратится онъ къ кому-нибудь изъ учениковъ съ предложеніемъ повторить объясненное. Тотъ гово-

рить, что ничего не понял. Тогда онъ обращается къ Митькевичу или Крыловскому; тѣ не то что повторятъ, а еще лучше расскажутъ изъ читанной лекціи, и онъ тогда остается доволенъ и говоритъ, обращаясь къ прочимъ ученикамъ: „видите, вы не хотѣли со вниманіемъ слушать“. А тамъ въ другомъ углу кто-нибудь отзывается: „сами они изъ своей головы разъясняли“. Тогда онъ кричитъ: „до порога! Журавскій, вы знаете, кто это кричалъ? Укажите“. А тотъ отвѣчаетъ: „не замѣтилъ“. Тогда онъ указываетъ на кого-нибудь въ томъ углу и говоритъ: „ступай до порога! Слѣдующій и такъ далѣе. Тогда опять начинается читать, и стоящіе у порога говорятъ: „Ваше Высокопреподобіе, мы не виноваты... Позвольте сѣсть за партіи“. На это онъ отвѣчаетъ: „Укажите, кто говорилъ,—тогда ступайте на мѣста“.—„Мы не слышали“... И кончается тѣмъ, что простоятъ они до выхода изъ класса.

Наиболѣе замѣчательнымъ событіемъ за первую треть по вступленіи въ философію было слѣдующее: не знаю, по какому случаю, вдругъ начали говорить, что въ С.-Петербургскую медицинскую академію требуется много учениковъ. Дѣйствительно, въ предыдущемъ году много воспитанниковъ туда отправилось. Отъ разговоровъ перешли къ дѣлу: болѣе двадцати душъ въ началѣ декабря мѣсяца (должно быть, 1817-го года) подало прошенія Министру Народнаго Просвѣщенія, князю Голицыну. Я также былъ не прочь, только съ тою разницей, что квартировавшій со мною у Высоцкой почтамтскій чиновникъ Кульчицкій сказалъ мнѣ, что Голицынъ за границей, а исправляетъ его должность чиновникъ Ланскій, титулъ коего онъ мнѣ доставилъ. Такъ какъ онъ писалъ хорошо, то по моей просьбѣ онъ переписалъ прошеніе, по титулу законвертовавъ, а мнѣ доставилъ квитанцію въ отсылкѣ. Мое прошеніе подано предъ самымъ Рождествомъ и было уже послѣднее, такъ что, вѣроятно, уже тогда рѣшена была и участь подававшихъ, потому что другіе подавали еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Всѣмъ было въ классѣ извѣстно о подавшихъ, обо мнѣ же знали только немногіе. Въ это время наступили праздники Рождества Христова, и всѣ отправились по домамъ. По возвращеніи въ семи-

варію послѣ Крещенія, спустя недѣлю, письмоводители начали говорить въ классѣ, что получены обратно прошенія всѣхъ подавшихъ въ медицинскую хирургическую академію и что всѣ взяты въ контору, что на этихъ дняхъ назначено засѣданіе и судъ надъ произвольно поступившими. То-то было разговоры, то-то страху! Даже страшили, что будутъ наказывать тѣлесно, а что уже карцера не избѣгнуть. Последнее насъ не страшило и признаваемо было за должное. Между тѣмъ еще болѣе страха придало то, что Иванъ Федоровичъ Мерцаловъ, секретарь семинарскаго правленія, началъ уже говорить: „какое своеволие! безъ вѣдома начальства утруждать Министра, да притомъ за первый курсъ философіи. Дурачье!—говорилъ онъ—достанется имъ за это“.

Между тѣмъ чрезъ недѣлю послѣ сего слуха ректоръ пріѣхалъ, но не въ классъ, а прямо въ семинарское правленіе. Тамъ собранъ былъ весь авторитетъ семинарскій. Нашъ Филдельфъ также не приходилъ въ классъ. По прошествіи получаса мы увидѣли съ тамбура, что ректоръ, инспекторъ и секретарь со связкою бумагъ подъ мышкою идутъ въ классъ. Все какъ будто бы замерло, и водворилась тишина. Вдругъ распахнулась дверь философскаго класса. Прочли молитву. Ректоръ остановился на срединѣ класса, а около него прочіе. Началось увѣщаніе и выговоръ за сдѣланное самовольно отношеніе съ прошеніями министру. Много было сказано. Наконецъ, первое прошеніе Николая Воынскаго министру на высочайшее имя. Его послали къ порогу, къ грубкѣ. Ректоръ сказалъ: „становись на колѣна“. Тоже было приказано и слѣдующимъ, дошло до самыхъ плохихъ учениковъ. Инспекторъ и секретарь начали говорить: „на что вы надѣялись? Васъ слѣдуетъ повыгонять вовсе изъ семинаріи. Вы настоящіе ослы: не только въ медицинскую академію не годитесь, да и въ пономари не способны“. Моего прошенія вовсе не оказалось. Затѣмъ ректоръ сказалъ секретарю Мерцалову прочитатъ протоколъ семинарскаго правленія, гдѣ между прочимъ опредѣлилось ученикамъ цѣлую недѣлю ходить послѣ класса въ столовую, гдѣ сидѣть за особымъ столомъ за кружкою воды и ломтемъ хлѣба; послѣ этого являть-

ся въ классъ и стоять у печки, не садясь на партіи, послѣ чего вызвать въ правленіе и обязать подпискою, не утруждать вышшаго начальства никакими просьбами безъ разрѣшенія ближайшаго начальства, о чемъ объявить по вѣмъ классамъ семинаріи, и если кто осмѣлится преступить это правило, тотъ немедленно исключенъ будетъ не только изъ семинаріи, но, по сообщеніи епархіальному начальству, изъ духовнаго званія, о чемъ по волѣ архипастыря и въ протоколѣ значится. Такъ кончилась катастрофа медиковъ. Но помню я, что человѣка два было потребовано въ концѣ года отъ начальства; это же продолжалось и въ слѣдующемъ году, а на другой годъ по окончаніи Богословія сами уѣхали. Я отъ страха почти оставилъ заниматься приготовленіемъ къ медицинѣ. Между тѣмъ Филадельфъ, когда спрашивалъ, то всегда говорилъ: „нутъ-ка, господинъ медикъ, вы латынью занимаетесь? Иногда, когда не знаешь, то отвѣтишь, что это къ медицинѣ не относится. Конечно, непріятно смотрѣть, какъ онъ карапдашемъ черкнетъ,—а безъ списка онъ никогда не ходилъ, да къ тому же еще былъ и близорукъ: всякую книгу или бумагу поднесетъ къ самому носу. Изъ опасенія получить нули нужно было не отставать.

Прибывши на праздникъ Воскресенія Христова домой, я увидѣлъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ замѣтнѣе становится бѣдность и уменьшеніе во всемъ. А тутъ еще и другія бѣды: сестра Мавра, уѣхавши или бѣжавши съ капитаномъ Савицкимъ, жила съ нимъ при полку не вѣнчанная. Мать подала прошеніе на высочайшее имя, но безрезультатно. Тогда мать отправилась со мною въ Черниговъ и явилась къ Григорію Петровичу Милорадовичу и объяснила ему все. Милорадовичъ зналъ хорошо мать, такъ какъ онъ бывалъ въ Стольномъ и проживалъ у графа цѣлыя мѣсяцы; къ тому же по смерти графа Ильи Андреевича Безбородко, въ 1815 году онъ былъ назначенъ вмѣстѣ съ Викторомъ Павловичемъ Кочубеемъ опекуномъ. Онъ принялъ живѣйшее участіе и сказалъ, что сейчасъ ѣдетъ къ губернатору, тогда, кажется, Фролову-Багрѣву, который обо всемъ долженъ былъ извѣстить мать. Вскорѣ послѣ того явился г. Савицкій съ сестрою, и здѣсь въ Стольномъ повѣнчались. Нужно было мате-

ри одѣтъ, прилично справить свадьбу и дать 500 рублей, потому что онъ былъ произведенъ майоромъ, и ему нужно было сдать роту и пополнить ротныя издержки, что всегда бываетъ съ ротными командирами при сдачѣ ими ротъ. Изъ Елецкаго полка онъ былъ переведенъ на вакансію младшаго штабъ-офицера и постоянно былъ въ командировкѣ, то по слѣдственнымъ дѣламъ, то по свидѣтельству комиссіонеровъ и запаса въ магазинахъ. По этому случаю онъ былъ въ Черниговѣ, гдѣ я съ нимъ въ первый разъ увидѣлся, какъ съ родственникомъ. Помню, какой-то комиссіонеръ Рефельтъ каждое утро присылалъ лошадей въ крытыхъ рессорныхъ дрожкахъ, и это продолжалось недѣли двѣ. Это было весною, въ маѣ или іюнѣ. Съ перваго знакомства онъ показался мнѣ человекомъ добрымъ. Такимъ онъ оставался и до конца жизни. Послѣ отъѣзда Савицкаго изъ Чернигова мнѣ нужно было вознаградить потерянное время, проведенное въ бесѣдѣ съ нимъ, а потому я усердно занялся приготовленіемъ къ экзаменамъ, а время летитъ какъ на крыльяхъ. Еще не все успѣлъ повторить, а тутъ наступили экзамены. Съ помощью Божіей все пошло какъ по маслу. Только что окончились экзамены, какъ пришло требованіе въ медико-хирургическую академію четырехъ учениковъ по назначенію самого начальства. Эти ученики избраны и посланы въ гимназію при участіи двухъ професоровъ: отъ семинаріи были посланы Самчевскій и математикъ Пахаревскій. Два дня съ ряду продолжался экзаменъ въ тамошней черниговской гимназіи. Между тѣмъ на третій день, когда я пришелъ въ классъ, то меня уже ожидалъ письмоводитель Иванъ Чернявскій. Подошедши ко мнѣ, онъ сказалъ; „вчера въ полдень получено почтой именное требованіе тебя въ медицинскую академію. Сегодня послѣ первыхъ часовъ секретарь назначилъ засѣданіе. Секретарь Мерцаловъ сказалъ: „мы его не пошлемъ, а выберемъ сами кого-нибудь другого на мѣсто его“. Вышли мы изъ класса, не успѣли еще пообѣдать, какъ явился посланный отъ Мерцалова, чтобы я немедленно явился къ нему, въ домъ Крапивинцова. Я почти по стопамъ посланнаго поспѣшилъ. Являюсь... Встрѣчаетъ меня Иванъ Федоровичъ Мерцаловъ съ усланнымъ видомъ и даже

приглашаетъ садиться, что не случилось при явкѣ ученика. Свою рѣчь онъ такъ началъ: тебя требуютъ въ медицинскую академію. Мой отеческій совѣтъ—откажись! Ты здоровья слабаго, никогда не выдержишь экзамена; къ тому же климатъ петербургскій для слабыхъ убійственный. А мы примемъ тебя на полное казенное содержаніе, а, если не окажется помѣщенія, то мы выдадимъ тебѣ денежное полное пособіе. Семинарское правленіе уже распорядилось о посылкѣ сообщенія въ консисторію о доставленіи справокъ о принятіи тебя въ духовное званіе. Я тебѣ дамъ записку, и ты отправляйся въ консисторію и подашь секретарю; тебѣ, вѣроятно, отдадутъ въ руки справки“. Выслушавъ такую рѣчь, я наотрѣзъ отказался сдѣлать это безъ матери, такъ какъ мать объ этомъ сама хлопотала, бывши у директора гимназій Самарскаго съ письмомъ отъ его родича доктора Березнинскаго.—„А потому то на завтрашній день тебѣ и назначенъ экзаменъ въ гимназій и есть отношеніе о семъ отъ гимназій въ семинарское правленіе. Въ такомъ случаѣ ты пошли къ матери нарочнаго, чтобы она немедленно по полученіи прибыла въ Черниговъ“. Я сказалъ, что моя мать находится въ настоящее время въ весьма бѣдномъ состояніи, вышедши нѣсколько лѣтъ назадъ замужъ за капитана Лазарева, который, по военному обычаю, постарался все прожить, любя бесѣды, чтобы покутить; да къ тому же въ этомъ году выдала дочь замужъ за майора Савицкаго, которому и послѣднее, что имѣла, отдала. Онъ тотчасъ отправился къ своей полнухѣ Марѣ Ивановнѣ, гдѣ находился и братъ ея, мой соученикъ, Михаилъ Крапивинцовъ. Онъ оттуда выходитъ и тотчасъ отдаетъ мнѣ десять рублей ассигнаціями, говоря: „пошли нарочнымъ къ матери на подводу ей“. Ауденція продолжалась болѣе часа; между тѣмъ стукъ чашекъ и шишѣвіе самовара означали время чаепитія. Тотчасъ подали ему и хлѣбъ чай въ большихъ русскихъ чашкахъ. Выпивши чашку, я поднялся благодарить, но онъ остановилъ, пока не подали другой, послѣ чего я отправился на квартиру, нанялъ отставного гарнизоннаго солдата, жившаго здѣсь на квартирѣ, жена коего была кухаркою, и, вложивши пять рублей ассигнаціями въ письмо, отправилъ его

того дня на Стольное, полагая, что онъ на другой день къ раннему обѣду поспѣетъ въ домъ матери, а на другой день послѣ того и мать пріѣдетъ. Такъ и случилось. Между тѣмъ я все-таки отправился съ однимъ Пахаревскимъ на экзаменъ въ гимназію, по неотложному второму требованію. На первый разъ мнѣ дали переводъ изъ Корнелія Непота. Я перевелъ болѣе двухъ четвертокъ. Изъ ариметики тройное правило и еще что-то. Но это все было очень легко, такъ что я все сдѣлалъ. Мнѣ приказало черезъ два дня опять явиться, потому что первое испытаніе было въ субботу. Между тѣмъ пріѣхала мать изъ Стольнаго. Часа чрезъ два послѣ пріѣзда мы часу въ пятомъ отправились къ Мерцалову. Онъ встрѣтилъ мать весьма привѣтливо. Послѣ непродолжительнаго сидѣнья онъ завелъ рѣчь: „Матушка, вы напрасно жертвуете вашимъ сыномъ: онъ здоровья слабаго и притомъ одинъ у васъ. Вы уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Сынъ вашъ черезъ три года будетъ священникомъ. Что же касается содержанія, то мы ему дадимъ до окончанія ученія казенное денежное содержаніе. Онъ до сего времени числился въ свѣтскомъ званіи, а теперь найденъ указъ между оставшимися бумагами покойнаго архимандрита Іеронима, и семинарское правленіе сообщило въ консисторію справку о принятіи сына вашего въ духовное званіе. Пусть онъ откажется вслѣдствіе нежеланія васъ, матери, и его слабаго здоровья отъ поступленія въ медицинскую академію. За сей годъ и за три будущіе онъ получитъ за каждый по шестидесяти рублей ассигнаціями (тогда очень большія деньги). А въ томъ, что онъ окончитъ хорошо свои науки, я вамъ поручаю. Для васъ это благонадежныѣе и вѣрныѣе“. Много, много было еще говорено, при томъ съ радушіемъ и угощеніемъ вышла его благовѣрная Марья Ивановна. Я сейчасъ удалился, а они задержали мать мою еще часа на три и достигли своей цѣли: мать согласилась. Этимъ кончается судьба моего поступленія въ свѣтское званіе. Промысль Вышняго назначилъ другое призваніе, что и совершилось чрезъ три года. Мать отправилась вечеромъ къ директору Самарскому, и когда она передала все сдѣланное Мерцаловымъ, наконецъ прослушавши всѣ обстоятельства домашняго

быта, онъ согласился и сказалъ: „иначе мы не уважили бы семинарскаго дѣйствія и все-таки послали бы того, кого требуетъ начальство. Онъ первый экзаменъ выдержалъ; да и другой бы сошелъ успѣшно. Мать, переночевавши, поѣхала домой. Въ понедѣльникъ меня позвали въ семинарское правленіе, прочитали мнѣ приготовленную подписку. Я прочиталъ ее и тотчасъ же подписалъ. Тогда Мерцаловъ далъ мнѣ записку къ секретарю консисторіи, съ которою я туда и отправился. Дѣло было уже на столѣ у столоначальника. Я прочиталъ весь протоколъ о принятіи въ духовное званіе и здѣсь же прочиталъ приложенное письмо графа Ильи Андреевича Безбородко, на которомъ положена и резолюція преосвященнаго Михаила: „принять въ духовное званіе Кистяковскаго и зачислить его пономаремъ въ Нѣжинскую лицейскую церковь, о чемъ посланъ указъ по принадлежности“. На другой день меня опять позвали въ семинарское правленіе и объявили мнѣ, что я принятъ на полное денежное содержаніе семинарское съ назначеніемъ мнѣ 60 руб. ассигнаціями. Между тѣмъ Михаилъ Федоровичъ Крапивинцовъ вмѣсто меня держалъ экзаменъ въ гимназіи и былъ назначенъ къ посылкѣ въ медицинскую академію. Дня черезъ два мнѣ вѣрно было явиться къ эконому о. Александру Огіевскому, отъ котораго я и получилъ чистыми восьмидесятирублевками 60 руб. ассигнаціями, нывѣ 15 рублей серебромъ. Я никогда не имѣлъ на рукахъ своихъ столько денегъ и почиталъ себя Крезомъ. Я расплатился за квартиру, справилъ себѣ сапоги, сюртукъ, брюки и жилетъ шерстяные и явился на каникулы въ обновкѣ. Здѣсь я познакомился съ архитекторомъ графскимъ; онъ жилъ въ графскомъ флигелѣ и завѣдывалъ графской библіотекой.—Черезъ него я сталъ пользоваться книгами, преимущественно театральными: Коцебу и другими авторами, а также попадалось много и историческихъ книгъ. Между прочимъ онъ предложилъ мнѣ, не поѣду ли я въ Черниговъ на подводѣ, нанятой отъ него, чтобы доставить тамъ Добрянскому изъ оранжерей два дерева—лимонное и апельсинное уже съ плодами. Я съ большою охотой согласился.

На другой день къ намъ во дворъ прибыла подвода съ означенными деревьями, изъ которыхъ на каждомъ было штукъ по десяти плодовъ, почти полузрѣлыхъ, увязанныхъ садовникомъ по его умѣню. Я отправился и подъ вечеръ, часу въ шестомъ, прибылъ въ Черниговъ, остановясь на своей квартирѣ у Высокоцкой. Я, изъ опасенія, чтобы кто-нибудь не испортилъ деревьевъ или не поворовалъ плодовъ, переодѣвшись тотчасъ отправился къ Дебрянскому, а здѣсь собралось любопытствующихъ десятки душъ. Чтобы кто-нибудь не сорвалъ плодовъ, къ деревьямъ была привязана записка о числѣ ихъ. Въ домѣ я засталъ все семейство въ небольшомъ садикѣ пьющимъ чай. Я подалъ письмо. Всѣ бросились смотрѣть деревья. Точасъ ихъ внесли въ комнаты и поставили въ гостиной къ окнамъ; развязавши деревья, они отправились опять въ садикъ, пить чай. Хозяева были со мной весьма радушны. Сестры дѣвочки, Марія, Анна и Евдокія, дочери ихъ, съ любопытствомъ меня разсматривали. Послѣдней было семь лѣтъ, остальные же постарше. Изъ разговоровъ я узналъ, что имъ очень нуженъ учитель, что съ ними занимался гимназистъ, но не захотѣлъ учиться и поступилъ въ военную службу. Они спросили меня, не могу ли я найти имъ учителя изъ семинаристовъ. Я предложилъ имъ себя къ ихъ услугамъ, и мы здѣсь же покончили дѣло: я согласился заниматься за 6 рублей ассигнац. въ мѣсяцъ; заниматься надо было каждый день по 2¹/₂ часа. Начало занятій съ 20 августа, съ тѣмъ, что я до перваго сентября имѣю у нихъ обѣдъ. Съ квартиры я долженъ былъ приходиться къ нимъ заниматься. Добрянскій занимался столярствомъ и имѣлъ много работы: у него рабочихъ было болѣе двадцати душъ, изъ своихъ крестьянъ двѣ души. Иванъ Пошупъ, его крестьянинъ, былъ подмастерьемъ. Онъ обучался въ Ремесленномъ Училищѣ. За годъ въ ономъ былъ директоромъ Семень Ивановичъ Добрянскій, получалъ хорошее жалованіе, да и доходы имѣлъ порядочные: у него было душъ 120 учениковъ по столярной, слесарной и прочимъ отраслямъ. Рабочіе получали отъ города содержаніе, куда поступали и доходы отъ продаваемыхъ издѣлій. Домъ ремесленный, очень обширный, находился на базарной

площади, около магистрата, гдѣ нынѣ помѣщается пожарная команда. Онъ просуществовалъ послѣ того лѣтъ десять, а затѣмъ упраздненъ. Послѣ Добрянскаго директоромъ былъ одинъ изъ его учениковъ, Черниговскій мѣщанинъ Бѣлявскій, имѣвшій довольно приличный домъ, за магистратомъ и поведшій семью на панскую ногу: у него была дѣвица Марья, къ которой я былъ неравнодушенъ, имѣя въ послѣдствіи квартиру въ домѣ купца Веприцкаго, противъ дома Бѣлявскаго. Возвратился я изъ Чернигова и къ радости родителей объявилъ, что я буду изъ своихъ средствъ платить за квартиру и справлять себѣ одежду, кромѣ бѣлья, а они будутъ доставлять мнѣ только годовые харчи.—19-го августа я выѣхалъ въ Черниговъ и началъ заниматься съ усердіемъ и почти все время проводилъ тамъ, возвращаясь домой только на ночь.—Прошли каникулы, начались занятія второго курса: философіи удѣлялось каждый день четыре часа. Отправился я на свою кондичію и получилъ деньги за два мѣсяца впередъ, расплатился за квартиру и отдалъ харчевыя деньги.—Дѣла шли все хорошо. Между тѣмъ, по выѣздѣ архіепископа Симеона, на епархію прибылъ епископъ Лаврентій. Симеонъ былъ очень вспыльчивый человѣкъ и нерѣдко при одѣваніи на служеніи давалъ такіе стусаны, что порой бывали хуже удара. Онъ очень былъ близокъ къ дому Добрянскихъ, часто бывалъ, пилъ кофе, чай съ разнымъ вареньемъ, потому что они тогда жили аристократами, были близки съ военнымъ губернаторомъ Волконскимъ и съ мѣстнымъ губернаторомъ Могилевскимъ. У него въ саду была отличная паровая баня, послѣ которой онъ угощалъ посѣтителей приличнымъ образомъ, каковое угощеніе имѣло въ послѣдствіи для Добрянскаго большія непріятности. Когда пріѣзжалъ князь Репнинъ и Волконскій, то Добрянскій отправлялся и требовалъ отъ дворецкаго нѣсколько бутылокъ вина для угощенія послѣ выхода. Конечно, дворецкій полагалъ, что это дѣлается съ вѣдома князя; между тѣмъ по прошествіи нѣкотораго времени дворецкій докладываетъ, что вина осталось небольшое число бутылокъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ дворецкій представилъ ему отчетъ объ израсходованныхъ бутылкахъ вина и вмѣстѣ о взятыхъ Добрян-

скимъ каждый разъ, когда князь былъ у него. Князь вспылилъ и потребовалъ отчета о взятыхъ бугылкахъ. Пошла кутерма и разрывъ съ домомъ Добрянскихъ. Между тѣмъ до этого инцидента онъ такъ былъ близокъ, что бралъ его съ собою въ Петербургъ, гдѣ онъ выхлопоталъ себѣ потомственное дворянство, войдя въ знакомство съ высокопоставленными лицами при посредничествѣ Репнина и князя Виктора Павловича Кочубея, къ которому я впоследствии писалъ письмо по его программѣ съ посылкою въ миниатюрномъ видѣ памятника полтавской битвы. Этотъ памятникъ былъ изящно сдѣланъ изъ красного дерева съ употребленіемъ, гдѣ нужно было для красоты, бронзы. Князь отвѣтилъ благодарнымъ письмомъ, прося его прислать второй экземпляръ съ написаніемъ стоимости онаго. По словамъ Добрянскаго, модель памятника стоитъ вмѣстѣ съ ящикомъ, въ которомъ онъ будетъ посылаться, болѣе ста рублей. Ящикъ былъ сдѣланъ тоже изъ красного дерева и обшитъ замшей. Все это такъ хорошо было отполировано, что въ немъ, какъ въ зеркалѣ, все можно было видѣть. Жена его, Анна Петровна Добрянская, иначе воеводиха, до того была близка къ губернаторшѣ, что, бывая у послѣдней, сидѣла на кровати, по обычаю азіатскому поджавши ноги, потому что губернаторша была грузинка, вышедшая замужъ за правителя канцеляріи при Ермоловѣ, Павла Ивановича Могилевскаго, получившаго мѣсто губернатора въ Черниговѣ. Марья Ивановна—такъ звали губернаторшу—была полная, очень красивая женщина. Совѣтницы и прочія дамы высшаго круга сидѣли на табуреткахъ у ногъ ихъ. Родная сестра губернатора Евфросинія Ивановна Веприцкая безъ вниманія была принимаема, отъ чего между Добрянскою и Веприцкою существовала ужасная непріязнь и одна другую при возможномъ случаѣ укоряли, первая—купчихою-банкроткою, а вторая—столяркою, вслѣдствіе чего онѣ избѣгали другъ друга и рѣдко сталкивались: если Веприцкая узнавала, что Добрянская у губернаторши, то, увидѣвшись съ братомъ, тотчасъ уѣзжала, посѣтивъ родного племянника отъ родной сестры правителя канцеляріи, который иногда пріѣзжалъ и къ ней въ домъ.—Я уже жилъ тогда у Веприцкихъ, будучи домашнимъ учителемъ,

занимаясь съ двумя сыновьями, Исидоромъ и Николаемъ; дочь же ихъ Марія ходила въ какой-то частный пансіонъ. Еремѣй Васильевичъ Веприцкій былъ богатый купецъ. Въ десятыя и послѣдующіе за симъ годы братъ его торговалъ за границей въ Кенигсбергѣ, а здѣсь были приказчики; но онъ рано умеръ. Жена его впослѣдствіи вышла замужъ за исправника Левонтьева, обративши торговлю въ капиталъ, послѣ чего и Веприцкій упалъ въ торговлѣ, такъ что имѣлъ только приказчика Лаврентія Обухова, курскаго мѣщанина, который допродавалъ остальные товары; онъ же почти никогда не бывалъ въ лавкѣ и содержалъ домъ Веприцкой, съ которой сошелся до извѣстныхъ отношеній, какъ мужъ. Мнѣ часто приходилось разнимать ихъ драку съ Еремѣемъ. Онъ постоянно кутилъ, исправляя старые долги съ помѣщиковъ при посредствѣ губернатора и правителя канцеляріи, и если только захватитъ присланныя деньги, то жена получаетъ мало, а идутъ они на кутежъ. Впрочемъ онъ изъ дома никуда не ходилъ, а иногда лѣтомъ велитъ заперчь въ дрожки пару лошадей, довольно уже не-ѣзжалыхъ, однако еще крѣпкихъ и рысистыхъ, и отправляется въ Бѣлоусъ, къ какому-нибудь панку, гдѣ онъ уже напьется до положенія ризъ. Впрочемъ онъ былъ изрядный юмористъ, и иногда нужно было имѣть большое терпѣніе, чтобы не смѣяться до умуру. Все описанное случилось уже по переходѣ моемъ въ „богословію“. Послѣдній годъ философскій прошелъ удачно. Я почти не имѣлъ ни въ чемъ нужды, занимался однако не такъ усердно наукою, но все-таки не отставалъ, имѣя добрую память, такъ что въ богословію перешелъ между первыми во второмъ разрядѣ. Всего перешло сорокъ четыре человѣка, но къ окончанію вышло только тридцать девять учениковъ. На каникулы домой я неохотно ѣздилъ, потому что тамъ царилъ ужасная бѣдность отъ худой жизни капитана Лазарева; онъ жилъ отдѣльно: мать ему выстроила большую хату на огородѣ Кульмановскомъ съ сѣнями и коморою, гдѣ онъ жилъ съ женщиною, купленною въ Городищѣ у стараго Харченка, Луки Ивановича, у котораго она тоже была подставною. Съ нею и отчимъ вели подобную жизнь, получая отъ матери полное содержаніе, а цен-

сіонъ его служилъ на водку: чаю онъ не любилъ, а отъ пунша не прочь, что въ тогдашнее время особенно было въ ходу, да и какъ не быть, когда въ Стольномъ до десяти винокурень, отлично перегонявшихъ спиртъ. Особенно славился отецъ Василій Воронкевичъ, который изъ яблокъ и грушъ выгонялъ спиртъ лучше всякаго рома, здѣсь продаваемаго. Сей священникъ (онъ же приходскій) былъ большой хлѣбосоль: у него въ столовой во всякое время дня не сходила со стола водка и закуска. Онъ былъ большой практикъ: у него была ветчина, колбасы, копченые языки, и все это приготовленное въ винокурнѣ. Кто-бы ни прїѣзжалъ изъ чиновниковъ, судей или слѣдователей или тогда засѣдателей исправниковъ,—всѣ тамъ бывали, а сколько наливокъ разныхъ родовъ и сортовъ. При небольшомъ земельномъ имуществѣ онъ жилъ аристократомъ; къ тому онъ не имѣлъ семейства, кромѣ постоянно больной жены и тещи, которая завѣдывала женскимъ хозяйствомъ, и родной матери, которую впослѣдствіи онъ устроилъ на огородѣ, принадлежащемъ Воронкевичамъ. Затѣмъ прибыло еще два брата его родные: Григорій Ивановичъ съ Кавказа, штабсъ-капитанъ, кутила, женившійся и не имѣвшій дѣтей отъ польки, дочери управляющаго имѣніемъ Лизогуба, Анастасій Ивановичъ, женившійся на Тимоновской, Пулхеріи Дмитриевнѣ; семейство его и теперь существуетъ, въ числѣ коего и Олимпіада Анастасіевна Симоновичъ, и три сына: Василій въ Новозыбковѣ былъ частнымъ приставомъ; Николай служилъ въ гвардіи, а послѣ въ Архангельскѣ и не имѣлъ семейства. Третій сынъ (имя неизвѣстно) былъ полковникомъ въ гвардіи, нынѣ уѣздный Сосницкій военный начальникъ, женившійся въ чинѣ капитана въ селѣ Величковкѣ на дочери окружного начальника Владиміра Сахновскаго и имѣющій трехъ дѣтей. Онъ теперь вдовъ. Дочь воспитывается въ кіевскомъ институтѣ, а два сына въ Петербургѣ въ какой-то военной гимназіи на казенный счетъ, а дочь—на собственный. Отецъ Василій умеръ уже въ бытность мою благочиннымъ. Онъ позже лишенъ былъ мѣста и прихода вслѣдствіе вдовства и послѣдствій онаго. Онъ умеръ въ полномъ довольствѣ. Брату его Анастасію досталось боль-

ше 10 бочекъ водки, а сколько наливокъ, а также много столового серебра. Старшему брату Григорію удѣлена была самая малая толика. Впрочемъ, ему досталась бочка водки, которая и явилась причиною его смерти. Послѣ него винокурёніе было прекращено въ Стольномъ, такъ какъ его винокурня была послѣдней, прекратившей свое существованіе, вѣроятно, въ 1847 году. Въ бытность мою благочиннымъ я много отъ него пользовался особенно спиртомъ, наливкою и рѣдкимъ уксусомъ, и при томъ безмездно.

Въ половинѣ каникулъ, а можетъ и позже, 7-го или 8-го августа я отправился изъ дома въ Черниговъ, прямо къ Веприцкому, собственно для занятія съ дѣтьми и поступленія въ богословію. Черниговскій преосвященный (это было въ 1825 году) былъ тогда и ректоромъ семинаріи. Это былъ архимандритъ Іеронимъ, кривой на одинъ глазъ, лѣтъ 50-ти. И какъ архіерей, и какъ ректоръ, онъ отличался добротою и простотою особенно. Преосвященный Лаврентій, уроженецъ владимірской губ., тогда объѣздовъ не дѣлалъ по епархіи, а преосвященные ѣздили только по монастырямъ, куда и онъ ѣздилъ, но не въ каретѣ, а просто крмтою рессорной бричкой, и не въ простяжѣ. Онъ заѣзжалъ по дорогѣ къ священникамъ и вовсе не былъ требователенъ: пилъ чай ужиналъ и ночевалъ безъ всякихъ требованій, какъ будто какой протопопъ. Онъ, казалось, былъ предѣстникомъ, что послѣ него поставятъ или пришлютъ преосвященнаго, который будетъ бичемъ духовенства.

Такъ я поступилъ въ богословію, гдѣ только сначала (первую треть) занимался усердно, а послѣ конецъ, на другую треть, не сталъ носить и книгъ на квартиру, а увлекался знакомствами, опускалъ вторые часы подъ предлогомъ изобрѣтенныхъ болѣзней, а послѣ обѣда почти спалъ, когда ходилъ на еврейскій языкъ, преподавателемъ котораго былъ профессоръ словесности Охотинъ. Это классъ былъ послѣ-обѣденный всего два раза въ недѣлю. Однажды былъ переводъ изъ ветхаго завѣта, первой главы книги Мойсея. Онъ спросилъ меня, а до того я съ Митькевичемъ разбиралъ ее и немного усвоилъ, вслѣдствіе чего отвѣтилъ весьма удачно, такъ что онъ поставилъ

меня послѣднимъ въ первомъ разрядѣ. Охотинъ не любилъ ревностно заниматься, да и не было болѣе трехъ или четырехъ учениковъ, которые усердно занимались и могли правильно читать и легко переводить. На богословіи я тоже успѣвалъ порядочно; къ тому же я ходилъ къ ректору Іерониму въ Елецкій монастырь два раза въ недѣлю, читать ему книги духовнаго содержанія, преимущественно въ то время издаваемыя при духовныхъ академіяхъ. Поводомъ къ тому было, что я имѣлъ квартиру, близкую къ Елецкому, а другое, что онъ былъ вѣзжъ къ семейству Должикова, нѣкогда богатаго откупщика винныхъ сборовъ, но разорившагося. Должикова была уже вдовой и имѣла одну дочь. Домъ ея былъ за магистратомъ, сейчасъ черезъ улицу, въ разстояніи не болѣе 100 шаговъ отъ дома Веприцкихъ, такъ что мнѣ нерѣдко приходилось относить ему кофе, совсѣмъ уже приготовленное, въ нарочитомъ кофейникѣ, обшитомъ толстою фланелью. Вслѣдствіе этого кофе доставлялось ему горячимъ. Все это служило мнѣ покровительствомъ въ пропущеніи классовъ, особенно вторыхъ и послѣобѣденныхъ; да и самъ то ректоръ не любилъ рано пріѣзжать, непременно за часъ до вторыхъ часовъ, отъ чего часто слышались жалобы отъ философскихъ и словесности профессоровъ на постоянный шумъ у богослововъ въ сѣняхъ и на тамбурѣ. Къ тому же у насъ былъ ученикъ Тимофей Орловскій, ужасная пройдоха. Онъ былъ регентомъ семинарской пѣвчей. Это былъ большой балагуръ, изобрѣгательный расказщикъ новостей. Классъ запирался на ключъ, чтобы никто не выходилъ, а онъ своими разсказами всѣхъ смѣшилъ. Изъ окошка было видно, когда ректоръ на своей парѣ буланыхъ вѣзжалъ на Красный мостъ. Онъ всегда своимъ юморомъ заставить классъ посмѣяться и замолкнуть, какъ только ректоръ высаживается изъ своей кареты, благоговѣйно, важно входитъ въ классъ, прослушавъ молитву, всходитъ на кафедру и говорить: „Господи, къ кому идешь? Ты глаголеши живота вѣчнаго имати“. Тогда онъ беретъ съ кафедры приготовленную развернутую книгу, Богословіе Теофилактова, и, прочитавъ нѣсколько, остановится и говорить: г. Миткевичъ (или кто другой), разскажите прочитанное вами

съ присовокупленіемъ текстовъ священнаго писанія. Въ тоже время скажите кто-нибудь подходящій текстъ“. Онъ всегда обходился со мною благовоительно и отмѣтки о небытіи въ классѣ оставлялъ безъ послѣдствій. Однако же, когда приходилъ читать какой нибудь журналъ, то я тутъ придумывалъ обстоятельство, заставившее меня это сдѣлать. Наконецъ журналистъ увидѣлъ, что его отмѣтки не имѣютъ никакихъ послѣдствій, и пересталъ отмѣчать меня. Къ тому же я постарался журналиста задобрить, проси посѣтить мою квартиру и угостивши его четвертой добраго пива, которое я получалъ отъ откупщика, гдѣ я обучалъ его двухъ маленькихъ дочерей русскому языку и грамматикѣ. Но этимъ не кончались мои кондиціи: меня по совѣту сестры губернатора, а также Добрянскаго, пригласили къ губернатору Павлу Ивановичу Могилевскому заниматься съ двумя дочерьми, Маріей и Екатериной, священной исторіей и катихизисомъ три дня въ недѣлю, съ платой по 10 руб. ассигнацій въ мѣсяцъ. Я съ охотой согласился, болѣе изъ честолюбія, такъ какъ у меня оказалось уже четыре кондиціи: у Веприцкаго, у Добрянскаго и откупщика, гдѣ я училъ русскому языку и читать по-французски; нѣмецкому и еврейскому языку училъ ихъ нѣмецкій еврей Фрештъ; получалъ онъ въ четыре раза большее содержаніе, чѣмъ я, да кромѣ того и жилъ тамъ же. Самъ хозяинъ рѣдко бывалъ въ Черниговѣ, постоянно жилъ по богатымъ откупамъ въ другихъ губерніяхъ. Жена управляла всѣмъ домоу, а кассиры завѣдывали суммами, казначей отпускалъ водку и прочее.

Такъ я мало занимался богословскими предметами, тратя больше времени на кондиціи. Въ субботу я почти вовсе не бывалъ въ классѣ, т. к. въ этотъ день ректорскаго класса не было. Весной и лѣтомъ раза четыре ходили мы въ компаніи знакомыхъ дѣвицъ въ Троицу. Здѣсь была и Бѣлявская, дочь директора ремесленнаго училища, моя сосѣдка. Она впоследствии вышла замужъ за моего сотоварища Тимофея Орловскаго, нашего семинарскаго регента, бывшаго по окончаніи полковымъ священникомъ въ кавалеріи. Онъ рано окопчилъ свое земное поприще вслѣдствіе разгульной жизни. Лѣтъ черезъ пять я уви-

дѣлъ его въ Синявкѣ растолстѣвшаго. Онъ пріѣзжалъ въ Александровку послѣ смерти отца своего, бывшаго тамъ священникомъ Александровской Покровской церкви. Когда я его увидѣлъ, меня даже зависть взяла: пріѣхалъ онъ фаетономъ на парѣ рысаковъ, одѣтъ былъ въ богатую рясу и такой же подрысникъ, въ то время, какъ на мнѣ была бѣдная демикотонная ряса; а потому я, наговорясь съ нимъ, имѣлъ непремѣнное на мѣреніе проситься въ полкъ священникомъ; но когда я предложилъ это покойницѣ Иринѣ Феодоровнѣ, она не согласилась, говоря: на одномъ мѣстѣ и камень обростаетъ, а оно и вышло на правду. Жена его послѣ его смерти пріѣхала къ отцу въ Черниговъ и вскорѣ вышла замужъ за купца Пригорского, который продалъ лавку со всѣми товарами и кредитомъ и жилъ частно въ своемъ богатомъ домѣ съ женой; дѣтей у нихъ не было. Она сдѣлалась очень тучной женщиной,—да и онъ не хуже; завѣдывалъ только своею кладбищенской церковью, какъ староста, гдѣ погребена его жена и дочери—дѣвѣцы, употребивъ на постройку ея, училища, богадѣльни и дома для священника и причта около 50000 р. серебр.

Такъ я окончилъ семинарское ученіе въ іюлѣ мѣсяцѣ 1821 года, но не выѣзжалъ домой на каникулы, а рѣшилъ остаться въ Черниговѣ на годъ на занимаемыхъ мною кондиціяхъ. По расчету моему, я долженъ былъ получить болѣе 500 рублей ассигнаціями, на каковыя деньги, за вычетомъ расходовъ, я и рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ въ медико - хирургическую академію. Но *homo proponit, Deus disponit*... Оставаясь свободнымъ отъ обязательныхъ занятій, я за день передъ заговѣнами Спасовскими задумалъ отправиться на охоту подъ Калачовку, на извѣстныхъ мнѣ мѣста и озера, пѣшкомъ, почти въ полночь. Охота была весьма удачная, такъ что, возвращаясь предъ заходомъ солнца домой на квартиру, я уже имѣлъ 8 штукъ. Между тѣмъ по дорогѣ случилось небольшое озерцо. На моихъ глазахъ пролетѣла пара крыжыхъ и сѣла. Я выстрѣлилъ и убилъ одну на повалъ, а другую подстрѣлилъ. Попробовалъ за ними полѣзть въ воду—глубоко! Со мною былъ ножъ. Я вырѣзалъ двѣ лозины, связалъ ихъ и съ ихъ помощью вытащилъ одну утку, а дру-

гая заплыла въ траву. Между тѣмъ солнце уже сѣло, а мнѣ осталось еще верстъ семь пути. Я шелъ, бѣжалъ, но ружье и убитыя утки представляли большую тяжесть. Добрался я до квартиры, когда всѣ спали. Въ кухнѣ разбудилъ прислугу и сдалъ ей дичь, а самъ легъ спать. Меня пронялъ холодъ, а къ свѣту я лежалъ уже въ горячкѣ. Помню, во время обѣда я схватился и вбѣжалъ въ столовую въ однихъ порткахъ и рубашкѣ, съ ужаснымъ крикомъ. Еремѣй Васильевичъ схватилъ меня и отвелъ въ мою спальню, позвалъ кучера смотрѣть за мною. Тотчасъ послѣ обѣда Веприцкая отправилась къ брату, и къ вечеру изъ Богоугоднаго заведенія явился главный тогда докторъ Калашъ съ фельдшеромъ, осмотрѣлъ меня, поставилъ пѣвки, далъ какой-то микстуры и оставилъ фельдшера при мнѣ на ночь. На слѣдующій день, часу въ десятомъ, онъ опять пріѣхалъ, велѣлъ мнѣ переодѣнуть платье, далъ какіе-то порошки и, взявши съ собой фельдшера, сказалъ, что опять пріѣдетъ часа черезъ три, а ко мнѣ приставилъ для стражи кучера. Фельдшеръ прибылъ только къ вечеру, поставилъ мнѣ промывательное, а вечеромъ и самъ докторъ прибылъ съ какимъ-то лѣкарствомъ, которое приказалъ давать черезъ часъ. На третью ночь мнѣ стало лучше, и я спалъ спокойно. Докторъ прибылъ, посмотрѣлъ и сказалъ, что теперь фельдшера не нужно, т. к. опасность была, да миновала. Онъ сказалъ Веприцкому, чтобы давать микстуру чрезъ часъ. Мнѣ постоянно готовили супъ съ пыпятами. Я почти ничего не ѣлъ, поутру выпивалъ почти насильно стаканъ чаю. Все окошко въ моей комнатѣ было заставлено лѣкарствами. Но конечно—я чужой, всѣ стѣсняются, даже моихъ учениковъ не пускаютъ въ мою комнату. Затѣмъ, у нихъ по улицѣ стоялъ домикъ, комнаты въ четыре, пустой. Его очистили и перевели меня туда. Семенъ Ивановичъ Добрянскій черезъ день навѣщалъ меня. Я просилъ его нанять мнѣ извозчика и отправить домой къ матери, потому что я началъ уже, хотя съ трудомъ, ходить по комнатѣ. Веприцкая отправилась къ губернаторшѣ, и на другой день, т. е. 10-й моей болѣзни, пріѣхала буда съ евреемъ. Передъ этимъ у меня былъ докторъ и снабдилъ меня лѣкарствами и инструкціей, позволивъ ѣхать.

Все мое имущество уложили въ повозку, куда положили много подушекъ. Я болѣе всего заботился о ружьѣ и его принадлежностяхъ. Добрянскій на сильныхъ лошадяхъ проводилъ меня до Бобровицы, а вечеромъ я былъ уже въ Стольномъ. Мать въ это время была на огородѣ и что-то рвала. Я окликнулъ ее. Она перелѣзла черезъ плетень и, увидѣвъ меня, залилась слезами и дошла до дома съ подводю. Съ повозки меня почти снесли. Ночью со мной было нехорошо, но Настасія не отходила отъ постели, давая мнѣ пить прописанные докторомъ порошки и микстуры. Поутру мнѣ стало легче, и я, напившись чаю, вышелъ въ садъ и хотѣлъ, чтобы мнѣ тамъ поставили постель, но они ввели меня въ комнату. Тамъ я провалялся еще около недѣли. Наконецъ сталъ выздоравливать и гулять по двору и саду. Затѣмъ, уже вполне выздоровѣвши, я сталъ опять охотиться, при томъ всегда удачно, такъ что для стола всегда достаточно было дичи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ТЕОДОРА КИСТЯКОВСКАГО.

(1807—185... г.¹⁾).

Между тѣмъ изъ Городища явилась къ покойницѣ матери, будто бы въ гости, сестра покойнаго тестя, о. Теодора Есманскаго, Софія и начала совѣтовать, чтобы я сосваталъ ея родную племянницу, дочь о. Теодора, за которой отецъ уступаетъ свой приходъ и часть имѣнія. Мать, долго не думая, начала склонять меня сначала просьбами, а потомъ проклятіями, если я не соглашусь на ея желаніе. Дождавшись субботы, она поѣхала въ Синявку на торгъ, а на обратномъ пути заѣхала къ Марѣ Луц. Куксиной, гдѣ поразспросивши обстоятельно и получивши прекрасную рекомендацію о моей будущей женѣ, а также объ ея отцѣ, возвратившись, неотступно стала требовать, чтобы я со сватами отправился въ Городище и покончилъ дѣло. Это было послѣ Покрова Пресв. Богородицы. За недѣлю предъ этимъ она отправилась къ двумъ дворянамъ, Титу Евстафіевичу Зѣнцу и Ильѣ Осиповичу Мироненку, прося ихъ поѣхать вмѣстѣ со мною въ качествѣ сватовъ въ Городище. Послѣ обѣда въ недѣлю они прибыли на своихъ лошадяхъ, и, конечно, я въ угоду матери не рѣшился отказаться посмотрѣть невѣсту. Прибыли мы къ нимъ въ домъ, но покойнаго тестя не застали дома: онъ былъ на дворянскомъ годовомъ обѣдѣ, гдѣ, по обычаю сельскому, засиживаются священники.—Насъ встрѣтила покойница жена моя, ваша мать, въ ситцевомъ платьицѣ съ пла-

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1895 г., № 7—8.

точкомъ на шеѣ и съ косою богатою въ гребнѣ русаго цвѣта. Съ перваго взгляда ея станъ, лицо и всѣ дѣйственныя принадлежности произвели на меня сильное впечатлѣніе. Лицо у нея довольно правильное, съ веснушками, но это не отнимало у нея той граціи, которая вмѣщалась во всемъ ея тѣлосложеніи и станѣ. Она тотчасъ послала за отцемъ, такъ какъ онъ недалеко находился, въ домѣ Малявкиныхъ; онъ пришелъ довольно веселенькій. Столъ тотчасъ устали водкой и разными наливками, которыхъ у него было болѣе полдюжины боченковъ, вмѣстимостью каждый ведра въ 4 или въ пять; послѣ закуски принялись мы за чай и пуншъ, бывшій тогда въ большомъ употребленіи. У будущаго моего тестя была водка пуншовка, съ которой никогда не сравнится даже хорошій ромъ. Тутъ мы приступили и къ дѣлу. Сначала старикъ и сюда, и туда, а послѣ говорить: „Боже благослови! давай, дочка, платки! Нехай тебѣ Богъ счастье“. Тотчасъ покойница ваша мать вынесла платки и рушники сватамъ; мнѣ первому поднесла, на блюдѣ. Я положилъ 10 руб. асс., тогда большія деньги; а потомъ она стала разносить сватамъ платки и утиральники. Тогда сваты пустились въ плясъ, продолжая попойку, а тестъ на одномъ мѣстѣ, какъ козликъ, стучалъ ногами и топтался, каковая привычка у него была и впослѣдствіи, когда онъ бывалъ веселъ. Попойка усилилась. Затѣмъ пошла опять закуска, и покойница, неся тарелки, уронила ихъ и разбила штуки четыре. Покойникъ хватился за тройчатку, а я испугался и закричалъ: „горы и холмы падутъ, а я не допущу ее тронуть!“ Всѣ разсмѣялись. Тестъ и говорить: „Добрый зять! Еще не женатъ, а уже бѣда тестю!“ „Напрасно Вы такъ думаете—говорю я—я буду Васъ любить и уважать, какъ родного отца“. Послѣ этого все пошло на ладъ. Началась закуска и опять попойка. Мы уже свѣтомъ пріѣхали въ Стольное и обрадовали мать и отчима. Тутъ опять началось большое чаепитіе, что отчиму было на руку. Сюда подоспѣли и многія другія личности; пили и ѣли, и наконецъ—плясъ. Разошлись всѣ только къ полночи. Я, живя въ Стольномъ, сталъ скучать: такъ бы и полетѣлъ въ Городище. Сестры начали подтрунивать и напѣ-

вать пѣсенки: „Завыло сердечко въ разлукѣ“ и др. Миѣ стало досадно: я не вытерпѣлъ и послалъ дѣвку нанять лошадей, т. к. свои были въ работѣ, да къ тому же онѣ плохія: теперь все хозяйство не то, что прежде. Отчимъ каждый день покучиваетъ и приглашаетъ меня куда-нибудь въ гости, особенно туда, гдѣ дѣвы, но я все нездоровьемъ отговариваюсь.—Я скорѣе отправился въ Городище. Меня встрѣтила покойница очень радужно. Отецъ былъ въ отлучкѣ. Мы уже сдѣлались поразвязнѣе, но все-таки моя покойница сильно дичилась, будучи воспитана въ самыхъ строгихъ правилахъ. Покойникъ тестъ былъ строгій и крутой человѣкъ. Она все мнѣ говорила: „брата Павла онъ весьма любитъ, пальцемъ не тронетъ, а ей за малѣйшую ошибку тройчаткой достается, хотя онъ всегда и говоритъ: „у меня двое дѣтей, какъ два глаза во лбу; и они для меня равны“. Впрочемъ у него было непремѣнное желаніе отдать за дочкой приходъ, на чемъ и братъ Павелъ настаивалъ, зная, что у отца ровно никакого приданого не могло быть: у него вѣдь было материнскаго Левчановскаго поля дней на двѣнадцать, да дворъ, имъ собственно прибрѣтенный, доставшійся Меланіи за Харченкомъ; кромѣ того, сѣнокосъ косарей на восемь, да поля дней на шесть. По его распоряженію, при сватовствѣ все нужно было раздѣлить на двѣ равныя части, а жилой дворъ и сѣнокосъ на шесть косарей около Потоцкаго хутора. Денегъ въ наличности у него вовсе не было. Онъ въ священствѣ постоянно занимался въ домѣ школою, гдѣ обучалъ дѣтей разныхъ Городищенскихъ, Синявскихъ и дальнихъ дворянчиковъ, тѣмъ и поддерживалъ себя: тогда приходскіе денежныя доходы были самые ничтожныя, а хлѣба въ сборѣ бывало всегда много, почему и цѣна стояла низкая: 10 коп. серебр.—Когда отецъ прибылъ въ домъ, то встрѣтилъ меня радостно, съ какою то, не припомню, латинскою фразою: „Ну, добро, что Вы пріѣхали. Я думалъ завтра посылать лошадей за вами: конецъ октября, и времени немного остается; нужно ѣхать въ Черниговъ выхлопатать аттестатъ и сдѣлать покупки къ свадьбѣ, такъ какъ послѣ Михайла будетъ вѣнчаніе“. Я прожилъ два дня. Онъ хлопоталъ, чтобы продать жито, котораго, помню, было болѣе тридцати

копѣ, и молотники молотили его уже для продажи. Тогда жито покупалось въ винокурни, и онъ уже продалъ его по 10 коп. сер. за пудъ—150 пудовъ. Тогда въ Городищѣ винокурень было штуки четыре: Ведро горѣлки продавалось тогда по 1 р. 20 к., ассигнаціями. Я долженъ былъ пріѣхать въ первыхъ числахъ ноября, 3-го или 4-го, и на его лошадахъ отправиться въ Черниговъ и дать немного денегъ Павлу. Онъ былъ уже тогда въ философіи и учился прекрасно, но былъ слабъ здоровьемъ, особенно часто болѣлъ глазами, чѣмъ нерѣдко страдалъ и тесть. Дѣло все улажено было наилучшимъ образомъ, и мы уже сошлись поближе съ покойницей: я уже сталъ требовать, чтобы она обращалась ко мнѣ *на ты*, относясь и къ ней такъ же. Между тѣмъ я отправился въ Стольное съ тѣмъ, чтобы чрезъ день опять возвратиться въ Городище и оттуда ѣхать въ Черниговъ. Мать покойница раскошенилась, да и отчимъ далъ пять рублей изъ своего жалованья. Онъ по старому окладу получалъ 120 руб. ассигнаціями въ годъ. Мать дала рублей пятнадцать ассигн., да у меня оставалось рублей тридцать. На другой день на своихъ лошадахъ я опять поѣхалъ въ Городище для отправки въ Черниговъ. По пріѣздѣ я еще два дня прожилъ въ Городищѣ. Бывало, вечеромъ, когда мы забалакаемся съ покойницей, тесть бѣжитъ и кричитъ: „дочко, иди спать: завтра рано нужно вставать до коровъ, да и ему пора спать: видишь, онъ не хочетъ рано вставать --- по-пански!“ По неволѣ удаляешься къ себѣ въ комнату. Онъ спалъ въ передней, а покойница—за нимъ, въ комнатѣ на-лѣво. Въ третьей маленькой комнатѣ спалъ я. Впоследствии спальня была обоюдною, а моя комната служила буфетомъ, гдѣ помѣщалась вся посуда, чайная и столовая, и оттоль подавался чай, по прежнему обычаю, изъ другой комнаты. Прежде самовары были изъ красной мѣди съ носами, изъ которыхъ, нагнувши, доливали чай, по тогдашнему обычаю, зеленый, въ родѣ пахучей водицы, и при томъ чашками, такъ какъ о стаканахъ и помину не было. Стариками непремѣнно послѣ чаю выпивался пуншъ, поэтому къ чаю не подавали хлѣба, но я заставилъ подавать его, такъ какъ безъ хлѣба не могъ пить чаю.

Каждое утро будущій тесть мой, если онъ не отлучается куда-нибудь по требамъ, непременно ложится поспать. Когда онъ куда-нибудь отлучается, тогда намъ воля, и когда я начинаю ласкаться, она говоритъ: „наче маленькій хлопчикъ: обниматься да цѣловаться. Я втечу“. А затѣмъ говоритъ: „Можетъ, ты хочешь чего-нибудь съѣсть?“ Тогда я говорю: „иди, на- точи вонъ той сладенькой наливочки, да отрѣжь ветчины!“— „А не будешь лѣзть ко мнѣ?“—спрашиваетъ она и прибавляетъ: „ну, пойдемъ вмѣстѣ.“— „Не хочу—говорю я—мѣшать тебѣ, такъ какъ это не мое.“ Начинается выпивка и закуска, а когда тесть уже идетъ, все это убирается, и я, какъ святой, сижу и будто книгу читаю. А иногда у насъ бывалъ такой разговоръ: „Вотъ ты,—говоритъ мнѣ покойная жена,—когда поѣдешь въ Черниговъ да наглядишься на своихъ городскихъ барышень, то забудешь меня“.—Этого не будетъ: ты лучше всѣхъ ихъ“— говорю я.

Тесть будущій отнесся ко мнѣ такъ: „Ну, зятю, ты видишь все мое состояніе; денегъ у меня не имѣется, для поѣздки въ Черниговъ я продалъ 150 пудовъ жита, да еще надо гдѣ-нибудь призанять. Я, отбывши свадьбу, поживу съ вами до осени, соберу хлѣбъ, что нужно продамъ и даже сіи хаты (уже былъ отстроенъ домъ въ двѣ комнаты съ кухнею, гдѣ вы всѣ родились), а я буду проситься въ Домницкій монастырь и поступлю въ монахи: мнѣ прискучила хлопотливая жизнь, пора больше думать о душѣ, молитвѣ и спокойствіи. Тогда ты будешь давать мнѣ половину доходовъ съ нашего маленькаго хозяйства. А теперь завтра рано отправляйся въ Черниговъ. Вотъ тебѣ 50 руб. ассигн. на покупки къ свадьбѣ. У насъ все домашнее: я берегъ къ сему случаю. Что касается рому и водки, то они хуже моихъ спиртовъ, а вина полведра купи, да и вообще все нужное по запискѣ. Возьми тамъ лишнихъ рублей пять: можетъ вздумаешь что-нибудь купить. Музыки намъ не нужно: у насъ комнаты не большія, да и жизнь у меня невеселая: было бы что выпить, да поѣсть, да слово доброе сказать. Да у насъ люди не всѣ наши доброты. Поживешь—узнаешь“.

На слѣдующій день утромъ я выѣхалъ въ Черниговъ, выслушавъ всѣ наставленія тестя, который, кромѣ того, требовалъ, чтобы я остановился на квартирѣ сына его Павла, къ которому и было передано письмо съ деньгами. По приѣздѣ въ Черниговъ я первымъ дѣломъ рѣшилъ обратиться къ Мерцалову, какъ секретарю Семинарскаго Правленія. Онъ принялъ меня хорошо, вспомнилъ, что я разумно поступилъ, отказавшись отъ своего намѣренія остаться на годъ въ Черниговѣ и затѣмъ ѣхать въ Медицинскую академію. „Въ теченіе года—сказалъ онъ—все можетъ случиться, а тутъ Промыселъ Вышняго приводитъ тебя къ твоему назначенію“. Затѣмъ, разспросивши меня о женитьбѣ, онъ сказалъ: „завтра въ 10 часовъ я буду въ Семинарскомъ правленіи, и ты явись туда съ аттестатомъ. Я подпишу его и приложу печать, послѣ чего ты долженъ явиться въ Елецкій монастырь къ о. ректору для его отпѣтокъ въ поведеніи и успѣхахъ“. Я такъ и сдѣлалъ. Выйдя изъ Правленія въ 11 часовъ, я почелъ за лучшее къ ректору пойти часа въ три. Я отправился къ нему, взявъ шесть бутылокъ вина разнаго. Онъ принялъ меня очень привѣтливо, позвалъ меня въ залу и, пригласивъ садиться, болѣе получаса разспрашивалъ меня о женитьбѣ, о приходѣ, приданномъ и проч., говоря: „Гляди, будь остороженъ: старички попы надувають вашего брата“,—и разсказалъ при этомъ два примѣра изъ быта сего года, переданные ему самими виновниками онаго. Но о томъ, что мнѣ нужно просить билетъ на женитьбу у преосвященнаго и получить изъ Консисторіи билетъ на таковую, не сказалъ ни слова. Такъ я и уѣхалъ изъ Чернигова и первоначально заѣхалъ въ Стольное. Это было 8-го ноября 1827 года. Переночевавши, я на другой день утромъ прибылъ въ Городище. Здѣсь я засталъ свою невѣсту очень печальной. Отецъ ея былъ въ отлучкѣ, кажется, у Юсухна. По принятіи покупокъ, моя Ирина Федоровна чуть не расплакалась. Тутъ я выслушалъ курьезъ самаго обиднаго и скандальнаго образа. Дѣло въ томъ, что день Архангела Михаила, храмовый день, они проводили у Гаврила Семеновича и Маріи Ефимовны Литвиновыхъ, людей очень гостепріимныхъ и небѣдныхъ по тогдашнему времени. Предъ Юсухномъ они ido-

доповлонничали, да и самъ тестъ былъ этимъ грѣшенъ. Тутъ то подъ веселую компанію Федоръ Ѳомичъ Юсухно, контролеръ Казенной Черниговской Палаты, пустился чернить меня, не знаю ужъ, изъ какихъ видовъ, вѣрнѣ всего, по недоброжелательству: ему очень не хотѣлось, чтобы старикъ оставлялъ приходъ, потому что онъ чувствовалъ грѣшки противъ церкви, такъ какъ постоянно безденежно забиралъ въ долгъ собранный хлѣбъ церковный и, если случалось, то и лишнія деньги. Это ему крайне нужно было по производству въ винокурнѣ и тогдашнему безденежью. Онъ зналъ, что этого не будетъ, когда будетъ назначенъ молодой священникъ, который, хорошо зная церковную инструкцію, этого не допуститъ. Поэтому то онъ и рассказывалъ, что я, занимаясь кондиціями, разбаловался, бралъ постоянно водку у Фейгина за ученіе его дѣвочекъ, пьянствовалъ, бродилъ по вольнымъ домамъ и проч. Дѣйствительно, я бралъ водку, полагаю, ведра два, въ счетъ ученія, но не для себя, а для своего хозяина Еремѣя Васильевича Веприцкаго, и въ томъ же счетѣ для его супруги и приказчика полведра, потому что изъ подвала отпускалась лучшая водка и съ большей уступкой противъ откупной. Я же самъ тогда водки вовсе не пилъ. Когда прибылъ тестъ домой, онъ поздоровался и, ничего не сказавъ, объявилъ, что поговорить со мною послѣ, а теперь пойдеть отдохнуть, дочкѣ же приказалъ вынести покуки въ кладовую. Часа чрезъ два началась катавасія въ такомъ родѣ: „что, зятю, будешь робить? о тебѣ нехорошо говорить“. А я ему отвѣчаю: „Тѣ, кто говоритъ, сами нехорошіе люди и стараются другого чернить. Вотъ вамъ мой аттестатъ. Извольте прочитатъ: въ немъ значится мое поведеніе и успѣхи. Онъ есть мой спаситель отъ клеветы“. Отецъ прочиталъ, задумался и, наконецъ, сказалъ: „Вѣрно свадьбы не будетъ. Прихожане не совѣтуютъ и не желаютъ“. Я отвѣчалъ: „пустъ такъ, но за что же вы обижаете вашу дочь. Ахъ, я забылъ: для васъ у меня есть писъмо отъ сына Павла“. Я зналъ его содержаніе: въ немъ онъ хорошо обо мнѣ отзывался; поэтому я нарочно и удержалъ его. Далѣе я сказалъ: „ваше нежеланіе можетъ быть удовлетворено: я сейчасъ прощаюсь съ вами и поѣду къ матери, а

на Филипповку уѣду въ Черниговъ, чтобы не терять напрасно времени“. Тестъ мой, прочитавши письмо сына, сказалъ: „дочко, готовь обѣдать; за обѣдомъ мы поговоримъ“. Невѣста же моя все это время горько рыдала въ сосѣдней комнатѣ. По неволѣ и у меня покатилося нѣсколько слезинокъ. Предъ обѣдомъ тестъ велѣлъ подать наливки, предложивъ мнѣ выпить рюмки три, а самъ столько же выпилъ водки, сдѣлался совсѣмъ другимъ человекомъ и между прочимъ сказалъ: „дѣвка безъ оговорокъ не выйдетъ замужъ, а молодецъ не повѣнчается“. Ну, сегодня девятое число, а въ воскресенье, двѣнадцатаго, ты, дочко, и ты, зятю, готовьтесь въ вѣнцу“. Мы встали и поцѣловали его въ руку. Онъ заплакалъ и сказалъ: „дочко, коли твоя доля хорошая, то и пьяница исправится“. На это я ему возразилъ, что никогда не заслужилъ я такого титула, а потому и не отношу къ себѣ этой пословицы. Тутъ же я узналъ отъ него, что, многіе говорятъ, будто я чахоточный. На это я ему сказалъ, что, еслибы я чувствовалъ себя въ такомъ положеніи, то никогда бы не завязалъ свѣта его дочери, но моя худоба и блѣдность слѣдствіе только что перенесенной болѣзни, отъ которой я освободился не болѣе, какъ мѣсяцъ назадъ. Послѣ этого дѣло пошло на ладъ. Покойница отправилась въ Синявку къ Марѣ Андреевнѣ Лисенецкой, очень доброй барынѣ, у которой шилось все подвѣнчное, а также готовилась постель и шелковое, красное одѣяло. Она же была посаженной матерью.

Двѣнадцатаго ноября, въ воскресенье, прибылъ къ литургіи тогдашній благочинный, отецъ Іоаннъ Любарскій. По окончаніи литургіи тотчасъ же приступили къ вѣнчанію въ присутствіи всего прихода. Когда окончилось вѣнчаніе, нѣкоторые изъ благородныхъ были приглашены къ закускѣ, потому что все готовилось къ позднему обѣду и ужину. Послѣ закуски начали съѣзжаться изъ другихъ селеній приглашенные знакомые. Въ это время подавались разныя лакомства. Тогда сахарныя варенья были рѣдкостью. Подавали конфеты медовыя, пастилу, ягоды вишневые, сваренныя въ меду, вино и наливки въ такомъ изобиліи, что хоть купайся. Затѣмъ въ 6 часовъ вечера стали ставить столы во всѣхъ трехъ комнагахъ, сѣни-же были

для уборки посуды. Даже на крыльцѣ были поставлены столы. Ходъ для гостей былъ изъ малой комнаты въ садъ: тамъ находилась дверь, которая на зиму запиралась и забивалась войлокомъ.

Ужинъ продолжался до двѣнадцати часовъ, послѣ чего намъ приготовлена была постель въ существующей и нынѣ кладовой, и насъ проводили свахи съ факелами и сельской музыкой, состоявшей изъ нѣсколькихъ скрипокъ и бубенъ. Нѣкто, Хорошко березнинскій, прибылъ съ двумя скрипачами и самъ въ перемѣшку игралъ на флейтѣ и на кларнетѣ. Съ разсвѣтомъ они устали, и все уже стало мертвымъ сномъ, гдѣ кто попалъ. Однако вскорѣ все поднялось на ноги.

Въ эту ночь выпалъ первый снѣгъ, такъ что мы, напившись чаю и наскоро закусивши, отправились въ Стольное къ матери на обѣдъ. Намъ сопутствовало немного: только Столинцы и одна тетка Городисская, родная сестра тестя, Марѳа. Сюда прибыли и три музыканта березнинскіе. Мы здѣсь провели время очень весело. Мать ничего не жалѣла. По тогдашнему обычаю раздавался коровай, и денегъ было собрано до сорока рублей асс. Даниловичи давали по пять рублей асс., по цѣлевому, а въ Городищѣ подарено было до 15 штукъ рогатаго скота, такъ что черезъ годъ я продалъ 12 штукъ мастеру и работникамъ, починавшимъ нынѣшнюю Николаевскую церковь, не дороже десяти, двѣнадцати и пятнадцати рублей асс. за штуку. Это было въ Филипповку передъ Рождествомъ, когда они послѣ работы недѣли за двѣ отправлялись на праздникъ.

Кончивши свадьбу и пробывъ еще два дня въ Стольномъ, мы отправились въ Городище. Житѣе здѣсь намъ показалось скучнымъ: покойный тестъ былъ очень хлопотливый человѣкъ, почти всегда мрачный и скучный. Въ воскресенье или въ праздникъ намъ запрягали лошадей, и мы должны были отправляться съ визитами къ Городищенскимъ и Синявскимъ панамъ. Я нигдѣ у нихъ не нашелъ прямого радушія. Исключеніе составлялъ только домъ покойницы Марѳы Андреевны Лисенецкой въ Синявѣ. Въ прочихъ же домахъ всегда царилъ сухость, принужденность или ничтожная лесть. Поэтому мы съ неохот-

тою отправлялись съ визитами, а должны были исполнять волю посылавшаго.

Такъ прошли недѣли четыре. Наступалъ храмовой праздникъ святителя Христова Николая. Нужно было позаботиться о приобрѣтеніи свѣжей рыбы, при помощи тогдашняго церковнаго старосты Аврама Кузьмича Филоненка, весьма зажиточнаго человѣка. Онъ былъ, не смотря на свои 60 лѣтъ, замѣчательно бодръ и необыкновенный хозяинъ, занимавшійся только въ осеннее время рѣзничествомъ овецъ. Онъ былъ гостепріимный и радушный человѣкъ, и запасъ хорошей водочки и наливочки у него не переводился. Онъ каждую осень устраивалъ годовой обѣдъ, освящалъ домъ, угощалъ своихъ ближнихъ и нищій народъ. Для священника и его наилучшихъ пріятелей у него была особенная комнатка, гдѣ яства и питья было въ изобиліи. Онъ былъ преаккуратнѣйшій человѣкъ: въ дворѣ, на гумнѣ и въ клунѣ, по пословицѣ, хотъ каши насыпъ; въ клунѣ весь хлѣбъ сложенъ такъ, будто стѣнки отлиты; даже чечевица и горохъ не свѣшиваются на токъ, а сложены аккуратно и выдвигаются стѣной. Онъ былъ до того разсчетливъ, что не возьметъ ни одной покупаемой вещи до тѣхъ поръ, пока не выторгуетъ послѣдней копѣйки, даже при покупкѣ бубликовъ и булокъ. Дѣтей онъ не имѣлъ, а принялъ къ себѣ родного племянника; для него-то онъ и собиралъ все. Когда же племянникъ умеръ, тогда онъ совершенно охладѣлъ къ хозяйству. Онъ-то, ѣздя по торгамъ, преимущественно по понедѣльникамъ въ Березное, покупалъ по порученію покойнаго тестя сахаръ, чай зеленый, тогда всюду употребляемый, бублики, булки, а также свѣжую рыбу. Тогда за сахаръ платили по 1 р. 20 к. асс., и бралось его только къ храму 5 ф., а то фунта два—три, не болѣе. Рыба бывала свѣжая, соленая и вяленая, по тогдашнему времени хорошаго качества, изъ которой дѣлался захододъ. Теперь таковой не встрѣчается, особенно въ Березномъ. Онъ пріѣзжалъ вечеромъ, приносилъ покупку. Сейчасъ приносились счеты, и начинался рассчетъ, т. к. онъ все покупалъ на свои деньги по данной ему записочкѣ. Затѣмъ появлялась водочка и закусочка съ бесѣдою о разныхъ церковныхъ дѣлахъ, и опять

счета, потому что приближался Новый годъ, и нужно было сдавать книги и деньги. Иногда доходило до спора, болѣе всего за взятые въ долгъ деньги, или хлѣбъ. Одинъ винилъ другого, но обыкновенно дѣло кончалось миромъ и запивкою, съ порученіемъ старостѣ сходить къ тому, къ другому за должными деньгами. Въ это-то время, дней за пять до Николая, мы отправились въ графскую экономію къ управляющему, тогда Петру Клементьевичу Плющенко, весьма хорошему человѣку, чтобы достать свѣжей рыбы. Тогда экономія сама завѣдывала всѣми озерами на лугу, были свои неводничіе, а потому они сами славливали зимой всю рыбу. Плющенко принялъ насъ радушно, угостилъ, а послѣ повелъ въ амбаръ, гдѣ находилась наловленная рыба. Онъ спросилъ, сколько нужно. Покойникъ опредѣлилъ пудъ щуки, окуней и плотки. Онъ велѣлъ ключнику отобрать пуда полтора, и, не вѣсивши, сказалъ: „забирайте, батюшка; денегъ не надо, а вотъ, когда по просьбѣ вашей пріѣду на храмъ, тогда отопью“. Послѣ этого онъ опять позвалъ насъ въ комнаты, поилъ насъ чаемъ; они выпили по два пунша. Тесть мой всю дорогу былъ веселъ и возвратился домой въ хорошемъ настроеніи, приказавъ дочкѣ почистить рыбу и послать къ Марѣѣ Андреевнѣ Лисенечкой за кухаркою-предъ Николаемъ. Въ день самаго храма собралось много гостей изъ Стольнаго, Синявки. Городищане принимались по другимъ домамъ.

Въ день храма я приготовилъ проповѣдь, помню изъ текста: „Праведницы во вѣки живутъ. Мзда ихъ у Господа и попеченіе у Вышняго“. Миѣ много приносили похвалъ, а тесть былъ въ восхищеніи. Я дня два исправлялъ проповѣдь, а покойница мать ваша просила: „ты-бо, Федоръ, читай голосомъ“. Конечно, въ церкви ей не пришлось быть: она должна была прійти послѣ обхода, чтобы созывать гостей на обѣдъ. Обѣдъ вышелъ на славу: всего было достаточно, а водка и наливка то и дѣло разливалась по рюмкамъ. Пока встали изъ-за стола, то подали и свѣчи. Многіе поспѣшили ѣхать, но тесть никого безъ чаю и, особенно, безъ пунша не отпустилъ, такъ что гости стали расходиться только послѣ двѣнадцати часовъ. Этотъ обы-

чай и я долженъ былъ ежегодно соблюдать, и нынѣ онъ соблюдается. Такъ прошелъ праздникъ.

Скоро однако начала дѣйствовать зависть со стороны тетки Марѣи и ея мужа Василя Лавриненка. У нихъ въ это время было уже четверо дѣтей. Покойный тесть содержалъ почти всю семью. Любимцемъ всей семьи былъ мальчикъ Андрей, весьма проворный съ малолѣтства. Онъ былъ въ высшей степени избалованъ, выпивалъ залпомъ за здоровье дѣда рюмку водки. Эти-то родичи начали подстрекать тестя и настраивать его противъ меня, говоря, будто бы я посагаю на его приходъ силою, чтобы скорѣе выжить его, и вообще рассказывая разныя нелѣпости. Причиной этихъ розсказней было то, что я на собранныя деньги купилъ демикотонную рясу, кафтанъ, лѣтнюю шляпу, а покойницѣ набралъ два платья, купилъ большой шерстяной платокъ на шею, маленькихъ два и на голову темно-коричневый шелковый, вышатаго сорта. Эти интриги поселили раздоръ между мной и тестемъ и дѣлали нашу жизнь до того невыносимой, что я однажды сказалъ ему, что, если онъ будетъ вѣрить навѣтамъ, то я оставлю его домъ, уѣду въ Черниговъ, займу кондицію и, скопивши денегъ, вызову жену. Въ Черниговѣ я буду проситься на другой приходъ или же въ полкъ священникомъ. Одна только бѣда, что я женился безъ билета по невѣдѣнію, за что благочинный Любарскій и оштрафовалъ меня 20 рублями, которые тесть и уплатилъ. Тесть мой, видя, что все идетъ неловко, отправился къ сестрѣ Марѣѣ, послѣ чего они совершенно перестали кляузничать и ябедничать, сдѣлались ласковы, входя въ душу, но я зналъ, что послѣ отца намъ придется тоже почти содержать ихъ семейство. Отецъ ихъ отправился на Донъ. Онъ былъ человѣкъ способный столяровать и плотничать, но былъ неровнаго характера и любилъ мотать. Такъ и случилось, о чемъ рѣчь будетъ ниже.—Наступилъ праздникъ Рождества Христова, и тесть мнѣ сказалъ, что онъ намѣренъ прослужить только Свѣтлый праздникъ Воскресенія, а тамъ поѣдетъ въ Черниговъ къ Преосвященному съ прошеніемъ рукоположить меня на его мѣстѣ, а самъ будетъ проситься въ Домницкій монастырь въ монашество. Въ великій постъ съ нимъ случилась большая

бѣда: однажды на второй недѣлѣ онъ запрегъ двое саней по одноконнѣ и съ человѣкомъ отправился въ лѣсъ, чтобы оттоль привести два сосновыхъ дерева для окончанія домика недостроеннаго, въ которомъ всѣ вы родились и жили до постройки теперешняго дома. Въ лѣсу онъ всталъ на дорогѣ; лошадь потянула, и онъ упалъ на копыль ребромъ. Съ трудомъ доѣхалъ онъ до двора и пролежалъ недѣли двѣ. Во время его болѣзни въ церкви служилъ Стольнинскій священникъ. Послѣ этого тестъ еще хуже сталъ кашлять и жаловаться на боль въ боку. Немного поправившись, онъ опять сталъ служить.—Наступилъ и Свѣтлый праздникъ, а спустя недѣлю мы отправились въ Черниговъ. Онъ приготовилъ прошеніе преосвященному архіепископу Лаврентію объ уступкѣ мнѣ прихода и о его желаніи поступить въ монахи въ число братства Домницкаго монастыря, съ дозволеніемъ прожить въ домѣ годъ для устройства по хозяйству. Я отъ себя приготовилъ прошеніе съ представленіемъ аттестата и свидѣтельства о женитьбѣ и удостовѣренія отъ благочиннаго объ уступкѣ тестемъ мнѣ прихода. Явились мы къ Преосвященному и подали прошенія. Прочитавши оныя, онъ съ гнѣвомъ сказалъ: „Что ты будешь дѣлать цѣлый годъ? Голубей гонять, да съ зятемъ ссориться?!“ А обратясь ко мнѣ, сказалъ: „а ты какъ женился безъ билета?“—„По невѣдѣнію“—отвѣчалъ я.—„А, такъ поступаи на дьячки!“ Я отвѣчалъ: „Ваше преосвященство, будьте милостивы! Это произошло дѣйствительно по моему невѣдѣнію. „Ну, я оштрафую вѣнчавшаго“—сказалъ Преосвященный и, оставивъ мое прошеніе, возвратилъ тестю его прошеніе, приказавъ уйти. Тестъ мой былъ очень раздосадованъ. Я ему сказалъ: „поѣзжайте домой, а мнѣ дайте бланкъ бѣлый или напишите, что вы за рукоположеніемъ моимъ тотчасъ поступаете въ монастырь“. Пока мы доѣхали до квартиры его сына Павла, тестъ ничего не говорилъ. Павелъ уже вышелъ изъ класса. Отецъ передалъ ему все происшедшее. Павелъ вполне согласился съ тѣмъ, что я говорилъ, и посоветовалъ подавать такого рода прошеніе. Тестъ послѣ размышленія сказалъ: „я ѣду ссейчасъ домой: пусть зять остается и хлопочетъ, а пріѣдетъ домой, я согласенъ буду“. Проводивши тестя, я цѣлый день

проспалъ, а вечеромъ пошелъ къ Добрянскому и просилъ его побывать вмѣстѣ у секретаря Василевскаго, дѣти коего цѣлый мѣсяцъ ходили ко мнѣ на уроки и танцовать одинъ разъ въ недѣлю, по субботамъ. Добрянскій, когда я ему все разъяснилъ, сказалъ: „Не беспокойтесь. Я самъ завтра поговорю съ нимъ поутру. Здѣсь окончена его работа, и завтра утромъ два рабочихъ понесутъ ее къ нему, а я съ ними отправлюсь для расчета“. Возвратившись на квартиру и переночевавши, я отправился рано въ Троицу и явился къ докладчику Развольскому, далъ ему рубль серебромъ. Онъ отдалъ мнѣ прошеніе, поправивъ оное, аттестатъ, а свидѣтельство о бракѣ передалъ въ консисторію. На свидѣтельствѣ значилась резолюція Преосвященнаго: „општрафовать благочиннаго Любарскаго двадцатью рублями асс.“ Онъ посовѣтовалъ мнѣ явиться недѣли чрезъ двѣ съ прошеніемъ отъ тестя о немедленномъ послѣ рукоположенія меня въ священники поступленіи въ монастырь въ число братства. На другой день мнѣ представился случай, и я уѣхалъ въ Городище съ Синявскимъ дьячкомъ. Прибывши въ домъ, я разсказалъ тестю о моихъ успѣхахъ. Онъ равнодушно встрѣтилъ мой разсказъ. Дошло почти до спора. „Опять ты меня выживаешь изъ дома“—говорилъ онъ. На это я ему говорю: „объ этомъ нало было думать до вступленія моего въ бракъ, надо было писать и распоряжаться, а теперь поздно дѣлать вашу дочь несчастною. Вы слышали слова Преосвященнаго?“ Въ это время прибылъ только что пріѣхавшій изъ Чернигова Юсухно, и, посидѣвши, они отправились къ нему обѣдать. Юсухно и меня приглашалъ, но я отказался, чувствуя себя не такъ здоровымъ. Много было еще случаевъ неудовольствія, но я все таки добился своего и, получивъ отъ тестя листъ бѣлой бумаги съ подписью его имени болѣе нежели въ половинѣ листа, отправился въ Черниговъ. По прибытіи сюда, я отправился въ гостинницу, куда пригласилъ одного изъ знакомыхъ мнѣ богослововъ, который переписалъ мое прошеніе и тестя, подведши конецъ подъ подпись. Я его угостилъ, хотя тестъ далъ мнѣ всего на постриженіе или рукоположеніе во священники 45 руб. асс. да у меня своихъ было еще рублей десять. Въ 8 часовъ я отправился въ Троицу

и, не зходя къ докладчику, вошелъ въ корридоръ и остановился противъ двери въ залу, гдѣ Преосвященный принималъ прошенія лично изъ рукъ. За дверьми я услыхалъ грозный голосъ Владыки и даже ругательныя слова. У меня даже сердце забилося. Оказалось, что нѣкто діаконъ изъ Копацевки Тимофей Волывскій, сынъ тамошняго священника, исключенный изъ класса словесности за дурное поведеніе, успѣлъ жениться и получить діаконское мѣсто гдѣ-то въ черниговскомъ уѣздѣ, надѣлалъ самыхъ непростительныхъ преступленій, напр.—украсть корову и продалъ евреямъ. Вѣроятно, по прошенію отца, а можетъ быть и жены, за него рѣшился предстательствовать помѣщикъ Илья Ивановичъ Посудевскій, который вмѣстѣ съ нимъ и явился къ Преосвященному. Сначала я слышалъ разныя грозныя слова: „какъ ты смѣлъ утруждать г. помѣщика? за твои непростительныя преступленія я тебя лишу діаконскаго сана и изгоню тебя вовсе изъ епархіи“. Наконецъ, онъ закричалъ: „Вонъ, негодяй! Вонъ, мерзавецъ!“ Попросивъ помѣщика сѣсть, онъ самъ отворилъ двери и выгналъ виноватаго, какъ собаку. Затѣмъ, поговоривъ довольно тихо съ помѣщикомъ, минутъ черезъ пять онъ отпустилъ и помѣщика. Не знаю, съ какимъ страхомъ я отворилъ дверь и вошелъ въ залу. Преосвященный сидѣлъ въ самомъ углу, въ креслѣ подъ иконами. Вошедши, я еще у порога поклонился болѣе, нежели въ поясъ. Преосвященный взглянулъ и, кивнувъ пальцемъ, подозвалъ къ себѣ. Я подошелъ, поклонился почти въ ноги и подалъ бумагу. Преосвященный до того сдѣлался кротокъ, что я удивился и сталъ смѣлѣе. Прочитавши мое прошеніе, а также и прошеніе тестя, онъ сказалъ: „Вотъ видишь, это надежнѣе для тебя. Я скоро потребую его на мѣсто“. Просмотрѣвши мой аттестатъ, онъ предложилъ мнѣ вопросъ о благодати Божіей. Я сказалъ ему латинскую дефиницію „gratia“. Онъ потребовалъ поясненія на русскомъ языкѣ. Затѣмъ онъ спросилъ, когда на литургіи хлѣбъ и вино превращаются въ тѣло и кровь Господни. Я отвѣтилъ. Тогда онъ подозвалъ меня къ столу и заставилъ читать старопечатную славянскую книгу. Я прочиталъ бойко. Послѣ того онъ развернулъ Ирмолой и заставилъ меня пропѣть пѣсню онаго. Я совершенно здѣсь сталъ въ тупикъ, но тотчасъ же

объяснилъ, что я до словесности числился въ свѣтскомъ званіи, а отъ свѣтскихъ не требовалось учить нотное пѣніе, и только при вступленіи въ словесность я узналъ, что преосвящ. Михаиломъ я въ 1809 г. принять въ духовное званіе, тѣмъ болѣе, что моя мать въ другой разъ вышла замужъ за капитана, который и заботился о моемъ воспитаніи. Преосвященный, отошедши отъ стола, опять сѣлъ на прежнее мѣсто и велѣлъ записать какое-нибудь величаніе, но и тутъ я ни въ зубъ. Онъ записалъ самъ величаніе пресвятѣй Богородицѣ, Рождеству Ея, и я подпѣвалъ. Окончивши пѣть, онъ сказалъ: „Плохо! тебя дьячокъ будетъ за носъ водить“: На это я сказалъ, что постараюсь изучить церковное пѣніе. Онъ позвонилъ въ колокольчикъ и написалъ резолюцію на прошеніяхъ, на моемъ—„чинить производство въ священники“, а на прошеніи тестя—представить въ Синодъ“. Мои бумаги были отданы мнѣ на руки для отнесенія въ консисторію. Это было въ пятницу передъ Зеленою недѣлей. Когда я пришелъ въ консисторію, было уже около 12 часовъ. Сюда же прибылъ и докладчикъ Развольскій. Мнѣ было сказано явиться въ субботу въ 9 часовъ, для допроса и выполнения всѣхъ формальностей. Въ консисторіи докладчикъ объявилъ мнѣ, что въ день храма св. Троицы я буду посвященъ въ діаконы, а потому консисторіи велѣно послѣшить окончаніемъ моихъ бумагъ. Я забылъ упомянуть еще объ одномъ фактѣ. Выходя отъ Преосвященнаго, я зашелъ къ эконому о. Феодору Миславскому. Онъ былъ сначала Степановскимъ священникомъ, а до поступления въ заштатъ—благочиннымъ. Вскорѣ онъ не помирившись со своимъ преемникомъ, продалъ всѣ пріобрѣтенные имъ поля и огороды помѣщичѣ Давилевичъ, а самъ поступилъ въ монахи. Въ то время онъ уже былъ протопопомъ, прослуживъ благочиннымъ болѣе 25 лѣтъ. Благочиніе доставалось послѣ него Волосковскому священнику о. Іоанну Любарскому, недалекому по уму, не чтимому и не любимому Миславскимъ. Причина моего посѣщенія была просить у него въ долгъ рублей 20 асс. Экономъ принялъ меня радушно и на первый мой отзывъ о моей нуждѣ тотчасъ вынесъ мнѣ деньги, впрочемъ спросивъ при этомъ, сколько мнѣ тестъ далъ денегъ; узнавъ, что мнѣ дано только

45 р. асс., онъ громко засмѣялся и сказалъ: „А все это бесѣды съ панами и приемы ихъ. Я хорошо знаю его жизнь, бывши 25 лѣтъ его благочиннымъ: онъ исполнительный и честный человѣкъ, но одна слабость у него—униженіе предъ панами и приемы ихъ; да кромѣ того въ послѣднее время онъ строго сталъ обращаться съ семьей. Я самъ посовѣтовалъ ему сдать приходъ и поступить въ монахи, зная, что за дочерью онъ ничего больше дать не можетъ“.—Я предложилъ ему выдать расписку, но онъ засмѣялся. „Отдашь, когда сможешь, и безъ оной, когда будешь на приходѣ; а можетъ тестъ заплотить“—сказалъ онъ и, угостивъ чаемъ, отпустилъ съ радушіемъ. Я зналъ, что мнѣ деньги очень потребуются при допросѣ въ консисторіи.—Въ субботу я явился въ консисторію и пробылъ здѣсь почти до перваго часу. Съ меня сняли допросъ и сказали, что послѣ обѣда будутъ изготовлены и переписаны всѣ бумаги къ Преосвященному, а чтобы я завтра, въ день св. Духа, явился для полученія ихъ.—Получивши въ этотъ день свои бумаги и расплатившись съ притѣснителями канцелярскими, начиная отъ столоначальника и до писцовъ, я объявилъ имъ при требованіи прибавки, что больше ничего не имѣю. Взявши бумаги, я съ трудомъ вышелъ изъ консисторіи. Задержать бумагъ они не могли, такъ какъ онѣ всѣ были подписаны членами и секретаремъ. Послѣ этого я пошелъ въ Покровскую церковь, гдѣ стоялъ уже на вечернѣ при молитвахъ, читанныхъ священникомъ. Послѣ литургіи и вечерни я зашелъ къ Добрянскому и, отобѣдавши у него, отправился въ Троицкій монастырь, гдѣ долго пришлось бродить и ожидать, пока архіерей не проснется. Было уже около половины четвертаго, когда я, сидя въ корридорѣ, услыхалъ голосъ Преосвященнаго: „Готовъ умываться!“ Вскорѣ лакей позвалъ меня. Я подалъ чрезъ него консисторскія бумаги, онъ же вышелъ и сказалъ, чтобы я отправился къ духовнику. Тотчасъ же начали благовѣстить ко всенощной. Всповѣдавшись у духовника, я вошелъ въ церковь. Началась всенощная съ заутренею, на которой меня заставили читать каѳисмы посреди церкви, а потомъ канонъ съ монахомъ. Пѣвчая пѣла, потому что Преосвященный стоялъ въ алтарѣ отъ начала до конца. Послѣ

утрени мнѣ объявили, чтобы я въ восемь часовъ былъ въ Троицѣ *на правилъ*, т. е. выслушать молитвы къ причащенію. И такъ, во время литургіи я посвященъ былъ въ дьякона. Я переодѣлся въ квартирѣ и съ собою принесъ рясу и кафтанъ демикотонные: лучшаго я не могъ приготовить, какъ другіе мои товарищи, облекшіеся въ шелковыя или по крайней мѣрѣ шерстяныя рясы, сшитыя въ Черниговѣ. Послѣ обѣдни экономя чрезъ послушника велѣлъ мнѣ зайти къ нему. У него я напился чаю съ бѣлымъ хлѣбомъ, поблагодаривъ его цѣлованіемъ въ руку. Онъ предлагалъ мнѣ пойти обѣдать съ пѣвчими, но я отказался и отправился опять къ Добрянскому, гдѣ мнѣ подали уже одному обѣдъ, а послѣ обѣда пригласили къ кофе, послѣ чего я отправился на квартиру, и на завтра, чуть свѣтъ отправился въ Троицу, чтобы изучить священнослуженіе. На литургіи я діаконствовалъ съ другимъ діакonomъ, но не пріобщался, потому что я не вычиталъ правила и не слушалъ заутрени. Послѣ литургіи я зашелъ опять къ Миславскому, обѣдалъ съ нимъ и остался на весь день, испросивъ позволенія ночевать въ монастырѣ, гдѣ и ночевалъ съ пѣвчими. На четвертый день я служилъ одинъ съ новопосвященнымъ священникомъ Василиемъ Бѣльскимъ въ присутствіи его преосвященства. Іеромонахи и іеродіаконъ стояли у престола для указанія. Я хорошо управлялъ при помощи іеродіакона все требуемое. Когда мы пріобщались, меня іеродіаконъ подвелъ къ жертвеннику; положилъ на позлащенное блюдо или тарелочку самую большую служащую просфору и двѣ большія частицы отъ изъемлемой для Агнца просфоры и золотой ковшъ съ церковнымъ виномъ. Когда Преосвященный коснулся просфоры или частицы, я цѣловалъ его десницу. Потомъ онъ взялъ ковшъ, а я закушивалъ и запивалъ. Я стоялъ со страхомъ и трепетомъ, послѣ чего онъ, взявши въ руку, большую просфору, благословилъ сю меня и отдалъ мнѣ. Между тѣмъ литургія кончилась. Бѣльскій вышелъ читать заамвонную молитву, но не читалъ ее, а грызъ. Затѣмъ по окончаніи литургіи ему поднесли книгу подъ носъ почти для прочета изъ оной отпуска Пятидесятницы. Онъ едва-едва прогрызъ. Когда онъ подошелъ къ Преосвященному за бла-

гословеніемъ, тотъ разразился цѣлымъ потокомъ брани: „Дуракъ, неучъ! Я жалѣю, что рукоположилъ тебя во священника. Посмотри — сказалъ онъ, указывая на меня—вотъ онъ кончилъ науки, отъ него не требуется исполнять діаконскую должность, а онъ, чтобы изучиться болѣе къ предстоящей должности, старається. Надо отправить тебя на мѣсяцъ въ Соборъ для изучения“. Этотъ Бѣльскій былъ изъ исключенныхъ изъ словесности, страшная тупица, сынъ богатаго священника изъ Литвы, лѣтъ двадцати семи; посредствомъ денегъ устроилъ себѣ карьеру.— Я до субботы служилъ съ іеромонахомъ, присматриваясь къ богослуженію. Первую недѣлю Петровки я провелъ безъ дѣла, больше въ свѣ, изрѣдка бывая у Добрянскаго, одинъ разъ былъ у Вещицкаго, да еще по разу въ тѣхъ домахъ, гдѣ я былъ на кондиціяхъ. — Вдругъ въ городѣ распространилась молва, что умеръ дѣйствительный тайный совѣтникъ Милорадовичъ. Въ тотъ же день вечеромъ ко мнѣ на квартиру явился іеромонахъ и передалъ мнѣ распоряженіе Преосвященнаго идти вмѣстѣ съ нимъ въ домъ Милорадовича, гдѣ мы по очереди должны будемъ читать Евангеліе. Погребеніе назначено на 26-е число, въ Троицѣ. Въ этотъ же день я буду рукоположенъ во священники. Я отправился съ нимъ въ домъ Милорадовича. Около его катафалка стояли всѣ почтамтскіе чиновники въ полномъ парадѣ. Здѣсь передъ столомъ было два аналоя для чтенія Евангелія, а въ ногахъ для чтенія псалтыря. Кругомъ катафалка стояли свѣчники, залитые горящими свѣчами. Пришли священникъ и причтъ. Іеромонахъ облачился въ ризы, а мнѣ сказалъ облачиться въ стихарь по діаконскому обычаю. Началась большая панихида съ длинными напѣвами. На панихиду явилось семейство Милорадовича и, отслушавъ панихиду, всѣхъ насъ и чиновниковъ пригласило къ чаю, послѣ котораго я читалъ Евангеліе, а часу въ девятомъ отправился на его лошадахъ въ Троицу слушать поутру заутреню, а послѣ съ нимъ и архимандритомъ мы пріѣхали въ домъ Милорадовича, гдѣ уже была и пѣвчая. Архимандритъ отправилъ краткую литію заупокойную. Вскорѣ прибылъ и архіерей. Началась опять литія, а потомъ выносъ тѣла. Это было трудное дѣло: день былъ по-

годливый, жаркій, и ходить въ старинномъ стихарѣ изъ чернаго бархата съ подбивкою очень тяжело. Мнѣ дали серебряный позолоченный крестъ, аршина въ два вышины съ круглымъ подножіемъ въ толстую палку, и вся погребальная процессія потянулась изъ дома. Гробъ былъ поставленъ на траурныя дроги, запряженныя цугомъ. Упряжь на лошадяхъ также была траурная. Преосвященный, прочитавши Евангеліе, сѣлъ въ карету, а всѣ чиновники шли рядомъ, а нѣкоторые несли его регалии на богато убранной подушкѣ. Весь церемоніальный кортежъ тянулся позади. Преосвященный по временамъ выходилъ изъ кареты и, прочитавши Евангеліе, опять садился въ карету. Шествіе слѣдовало чрезъ торговую базарную площадь па новый базаръ. При неумолкавшемъ звонѣ колоколовъ процессія съ новаго базара пошла большою кievскою дорогою. Я до того истомился, что чуть не упалъ. Другой ипподіаконъ взялъ отъ меня крестъ, что меня очень облегчило, но одежда все-таки была очень тяжела, не по моему здоровью. Дорога отъ дома Милорадовича до Троицкаго монастыря шла чрезъ новый базаръ и потому составляетъ не менѣе семи верстъ. По прибытіи въ монастырь и по внесеніи гроба въ большую церковь, мнѣ позволили сбросить стихарь и немного освѣжиться на вольномъ воздухѣ. Я посидѣлъ въ тѣни минутъ десять, какъ уже начали благовѣстить къ литургіи, и меня потребовали сейчасъ же облачаться и слушать краткія молитвы къ св. причащенію. Затѣмъ началась литургія, на которой я былъ рукоположенъ или посвященъ во священника. По отпѣтѣи погребенія гробъ снесли въ подземный церковный погребъ, гдѣ приготовлены склепъ и могила, по опущеніи въ которую и по выходѣ изъ церкви, было приготовлено нѣсколько экипажей и повозокъ для обратнаго пути въ домъ Милорадовича. По отпѣтѣи краткой заупокойной литіи всѣ приглашенные тотчасъ-же сѣли за приготовленный, богато сервированный столъ. Меня, какъ поворукоположеннаго, посадили послѣ протоіереевъ Городискихъ; пресвященный Лаврентій сидѣлъ на первомъ мѣстѣ. Обѣдъ продолжался очень долго, а послѣ него начали раздавать денежное вознагражденіе. Я получилъ бѣлую четвертную, 25 руб. асс., великую по тогдашнему

времени сумму, да два шелковыхъ черныхъ платка, что мнѣ послужило большимъ подспорьемъ, такъ какъ у меня наличныхъ не было ни гроша. Мнѣ назначили служеніе въ кафедральномъ Соборѣ. При первомъ же случаѣ я отослалъ оба платка да еще покойницѣ на платьѣ купленную полушерстяную матерію, прося тестя прислать мнѣ для отъѣзда лошадей. Предъ литургіей я явился къ Преосвященному за полученіемъ священнической грамоты и архипастырскаго благословенія на новое пастырское служеніе. Преосвященный вышелъ изъ своихъ покоевъ, сдѣлалъ мнѣ приличное наставленіе въ новомъ высокомъ пастырскомъ служеніи, что мнѣ особенно припоминается: первое—быть благоговѣйнымъ и осторожнымъ въ священнодѣйствіи, вести себя честно и прилично, на приходѣ не дружиться съ панами и не вести съ ними компаній, особенно соблазнительныхъ, строго воздерживаться отъ горячихъ напитковъ и вообще быть добрымъ примѣромъ для прихожанъ честною и безукоризненною жизнію. Тестю же велѣлъ передать отъ своего имени, чтобы онъ готовился для поступленія въ монастырь въ число братіи, и что онъ скоро потребуетъ его къ себѣ.—Преосвященный вообще былъ очень добрый архипастырь, безъ всякой спеси. Я пошелъ къ докладчику Развольскому заплатить пять руб. асс. и получилъ изъ рукъ его грамоту, презентованную Преосвященнымъ съ приложеніемъ большой архіерейской печати.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ВЕОДОРА КИСТЯКОВСКАГО.

(1807—185... г. ¹⁾).

По приїздѣ въ Городище, я всѣми былъ радушно принятъ, и жизнь моя значительно улучшилась. Я сталъ священнодѣйствовать и отправлять христіанскія требы, за которыя получалъ копѣечные доходы, но на первыхъ порахъ я и этимъ довольствовался. Нужно было побывать у всѣхъ благородныхъ прихожанъ, что я исполнялъ по приказанію тестя, иногда одинъ, а иногда вмѣстѣ съ нимъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ я замѣчалъ радушіе, а въ другихъ холодность и даже нѣкоторую зависть, которая такъ и отзывалась въ словахъ: „отъ бы треба ще старому послужить, а то иде въ монастирь“. Конечно, я отвѣчалъ, что на то воля епархіального начальства. Затѣмъ я сталъ совершенно привыкать къ новой должности пастырскаго служенія. Прошелъ мѣсяцъ, наступилъ и другой. Однажды въ половинѣ іюля, по приглашенію тестя, мы отправились въ гости, въ домъ Карпа Леонтьевича Адамовича и жены его Евдокіи. Они жили въ домѣ противъ церкви и славились преимущественно гостепріимствомъ и радушіемъ. Самъ хозяинъ курилъ въ винокурнѣ, затирая каждодневно пудовъ пятнадцать, слѣдовательно, въ водкѣ и перегоночныхъ спиртахъ у него недостатка не было, такъ что они ежедневно имѣли кругъ своихъ посѣтителей, начиная съ священника о. Іоанна Антоновича и тамошнихъ дво-

¹⁾ См. „Кіевск. Стар“. 1895 г., № 9.

рянь. Въ послѣобѣденное время играли въ карты, но не на деньги, о чемъ и помысла не было. Главная игра былъ вистъ безъ перемѣшоекъ, въ послѣдствіи уже превратившаяся въ преферансъ, и всегда на мѣлокъ. Это уже по прибытіи въ отставку подполковника Козьмы Михайловича Сиротинца, спустя уже лѣтъ 8 послѣ моего священничества, тогда его домъ сталъ часто посѣщаться городскими дворянами. Но возвращаюсь назадъ. При посѣщеніи нами въ родѣ визита дома Карпа Леонтьевича, мы приняты были очень радушно и угощаемы наилучшимъ образомъ, и тутъ же Евдокія Ивановна Карпиха по согласію съ мужемъ подарила намъ корову на новое хозяйство, предоставивъ намъ право взять ее на другой день. Прошло часа два нашей бесѣды, и вдругъ съ почты приносится пакетъ за архіерейскою большою печатью на имя тестя. Въ пакетѣ находилось отношеніе архіерейскаго дома, въ коемъ предписывается тестю явиться въ архіерейскій домъ для поступленія въ число тамошней братіи и для очередного недѣльнаго служенія впредь до постриженія въ монахи. Тесть довольно смутился такою неожиданностью, но нужно было повиноваться. Закусивши, мы отправились домой. Съ сего дня тесть сдѣлался строптивъ, сестры же его, тетки покойницы, сдѣлались нестерпимо назойливы и нападали на меня, будто я причина такого вызова. Конечно, нужно было терпѣть и переносить. Онъ сталъ приготовляться къ выѣзду, призвалъ домохозяевъ, болѣе ему извѣстныхъ, угощалъ ихъ, наконецъ, предложилъ имъ взять въ закладъ дня на четыре поля, т. к. онъ денегъ не имѣетъ, предложилъ купить кладовую и ковы. Послѣднее я упросилъ продать мнѣ за назначенную имъ цѣну, съ тѣмъ, что половину денегъ я отдамъ при отѣздѣ, а другую послѣ Покрова осенью, на что онъ согласился. Всего слѣдовало уплатить 40 руб. сейчасъ, да отъ козака Барабаша онъ получилъ 60 рубл. асс. Вскорѣ онъ и выѣхалъ. Года чрезъ два я на сіе поле отложилъ деньги, сталъ пользоваться сими заложенными нивами; братъ жены Павелъ почти ничего отъ меня не требовалъ. Онъ уже поступилъ въ богословы съ отличными успѣхами, получалъ пособіе и имѣлъ квартиру, считаемую первою, въ домѣ Поддубычки, съ учениками

богатыхъ отцовъ, такъ что онъ жилъ съ комфортомъ, пилъ чай утромъ и вечеромъ. На это давались средства отъ родителей учениковъ, что въ тогдашнее время большая рѣдкость. Между тѣмъ и тетки увидѣли, что безъ помощи моей трудно имъ жить, лишившись таковой, и послѣ отъѣзда брата стали заискивать и добиваться моего расположенія. Я, по мягкости своего характера и вслѣдствіе доброты моей покойной жены, ни въ чемъ не отказывалъ, хотя и съ ущербомъ для себя. Тогда же я имъ сказалъ священный текстъ: „вы совѣщаете на мя злая, Богъ же совѣщаетъ во благое“... Жизнь моя улучшилась, т. к. я самъ сдѣлался хозяиномъ. Осенью я получилъ небольшіе доходы отъ свадебъ и за поминовенія и освященіе домовъ; такимъ образомъ я сталъ имѣть деньги для каждагодневнаго обихода; о роскоши и помышленія нельзя было имѣть: чай былъ рѣдокъ, только для гостей или случайно, водки было много, но я почти не пилъ, наливки водилось довольно, потому что послѣ отъѣзда тестя оставалось боченковъ шесть, не менѣе, каждый ведра въ три, и болѣе ведра спирту, перегоннаго на разныя спеціи, который гораздо лучше нынѣшняго рому въ рубль и дороже.

Затѣмъ, наканунѣ Новаго Года Богъ насъ благословилъ первымъ чадомъ, дочкою Меланією. Мы отпраздновали ея рожденіе и крещеніе съ подобающимъ торжествомъ и довольствомъ. Намъ сдѣлалось веселѣе отъ прибавки семьи. Затѣмъ дѣла пошли своею колеею. Нужно было послѣ крещенія отвезти лично въ сосницкое духовное правленіе метрическія книги, познакомиться съ членами духовнаго правленія, коихъ было три и писарь въ родѣ столоначальника, который игралъ главную роль, получалъ подачки за сдачу книгъ, а потому къ нему одному только являлись и его одного награждали; къ членамъ-же являлись только тѣ, которые были подъ слѣдствіемъ или судомъ. Однако, я всегда дѣлалъ визитъ своему сотоварищу по школѣ Федору Чернявскому, который въ общемъ присутствіи держалъ мою сторону. Впрочемъ я дѣлалъ никакихъ не имѣлъ, а обыкновенно съ другими бывали такіе случаи, что повѣнчаютъ кого-нибудь противъ торжества или похоронятъ ранѣе трехъ дней и т. п.

Существованіе нѣсколькихъ духовныхъ правленій было совершенно излишне; лишняя также была и переписка: надо было представлять отчетъ и книги въ трехъ экземплярахъ: благочинному, правленію и консисторіи. Вскорѣ выбылъ изъ Епархіи преосвященный архіепископъ Лаврентій на покой во владимірскую губернію въ Переяславль Залѣсскій. На его мѣсто прибылъ преосвященный архіепископъ Владимірѣ, гроза духовенства. Онъ не замедлилъ ознаменовать свое прибытіе грозными реформами: всѣмъ находящимся подъ судомъ онъ запрещалъ священнослуженіе, ношеніе рясы, рукоблагословеніе или низводилъ въ причетническія должности до окончанія слѣдствія, а оправданнымъ говорилъ: „было беречь себя“, не смотря на жалобы обвинявшагося: „кто возвратитъ ему потерянную честь?“ Затѣмъ потребовалъ послужные списки о причетникахъ, строго предписывая неупустительно прописать всѣ отмѣтки благочинныхъ. Онъ болѣе восьмидесяти душъ отослалъ въ губернское правленіе для отдачи въ военную службу. Причетниковъ, поступающихъ на открывшіяся вакансіи, онъ самъ экзаменовалъ, и рѣдко кому удавалось поступить вдругъ на просимое мѣсто, а то онъ большею частью оставлялъ въ монастыряхъ впредь до изученія причетническихъ предметовъ—чтенія, цѣнія и катехизиса. Когда это ему наскучило, онъ назначилъ экзаменаторовъ изъ городскихъ священниковъ, по отмѣткамъ коихъ чинилъ резолюціи, удостоивающія просимаго мѣста. До него преосвященные сами не ревизовали епархіи, а онъ первый выѣхалъ въ іюнь мѣсяцѣ для обзрѣнія епархіи. Съ нимъ сначала никого не было, впоследствии же постоянно ѣздилъ съ нимъ архимандритъ Петръ Деленицкій, настоятель, впрочемъ жившій при немъ въ Троицкомъ Черниговскомъ монастырѣ. Все священство со страхомъ и трепетомъ ожидало сего прибытія. На его пути первымъ стоялъ сосницкій уѣздъ съ Городисскими церквами. Осмотрѣвши Синявскія церкви, онъ обѣдалъ у покойнаго отца Кирилла Бутовича, бывшаго тогда благочиннымъ. Здѣсь онъ спросилъ у священника Петра Прокоповича, имѣетъ ли онъ руги. При обѣдѣ церквахъ имѣется пахотная земля, десятинъ пятьдесятъ, которая обращается на пользу церквей. Узнавъ объ этомъ, преосвященный

сказалъ: „Сей годъ сборъ съ оной слѣдуетъ на Покровскую церковь, а я по закону назначаю пользоваться тебѣ и причетникамъ, на что консисторія выплетъ тебѣ указъ“. Онъ потребовалъ отъ сопровождавшаго его келейника книжонку и отиѣтилъ. Когда онъ остановился у покойнаго свата о. Кирилла на отдыхъ и для обѣда, то къ нему собрались дворяне прихожане и начали просить преосвященнаго, чтобы земли на прежнемъ основаніи оставить за церквами, говоря, что ихъ священникъ Прокоповичъ очень богатъ, много прибрѣлъ земли на приходѣ и ни въ чемъ не имѣетъ нужды. Тогда преосвященный отиѣтилъ: „Служащіе чиновники, генералы, министры имѣютъ большія богатства, другіе могли бы поставить цѣлые полки и содержать ихъ, но они не лишаются жалованья по ихъ службѣ; отчего же священниковъ вы хотите лишить доходовъ отъ земли, когда правительство заботится, чтобы причты церквами были обеспечены содержаніемъ и имъ отведена ружная земля, а потому если вы обществомъ согласитесь отрѣзать ругу,—тогда земля возвратится на пользу церкви. Итакъ, я сказаннаго не отиѣняю“. Такимъ образомъ о. Петръ по полученіи указа получилъ болѣе ста копъ свезеннаго хлѣба—ржи и на половину ярины. Послѣ обѣда, часа въ три, услышали мы колокола Синявской Троицкой церкви, что означало, что преосвященный выѣзжалъ изъ Синявки. Со страхомъ и трепетомъ мы приготовились встрѣчать. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ Михайловскую церковь. Священникъ Іоаннъ Антоновичъ едва успѣлъ убѣжать въ церковь, весь въ мучной пыли: онъ ковалъ камень; мельница его была близъ самаго дома на крутой горѣ надъ рѣкою. Преосвященный замѣтилъ и спросилъ: „Что, ты мололъ?“ Покойный Бутовичъ, почти смѣясь, сказалъ: „да, Ваше Высокопреосвященство, онъ самъ механикъ, самъ за нею смотритъ, а потому и выстроилъ близъ самаго дома, но свои обязанности по отношенію къ прихожанамъ исполняетъ строго“. Преосвященный остался доволенъ. Не успѣли мы облачиться, какъ услышали колокола, означавшіе выѣздъ, а тутъ съ колокольчикомъ прискакалъ исправникъ, Яковъ Трофимовичъ Петровскій, грознѣе самого преосвященнаго, и закричалъ: „Скорѣе облачайтесь, а то вотъ засталъ попа только что не въ мельницѣ,

весь въ мучной пыли! Зажигайте свѣчи и ждите съ крестомъ и святою водою на паперти“. Тутъ то урискакалъ и благочинный, а затѣмъ и карета остановилась близъ воротъ. Исправникъ и благочинный бросились къ каретѣ, и когда преосвященный взошелъ ближе къ церкви, мы воспѣли: „Днесъ благодать Св. Духа“. Преосвященный приложился къ кресту и омочилъ святою водою глаза, вытеръ руки полотенцемъ и велѣлъ мнѣ идти впередъ къ царскимъ вратамъ. Поставивши трость, онъ взошелъ въ алтарь, началъ смотрѣть антиминсъ и прочія на престольныя принадлежности, а также жертвенникъ, просмотрѣлъ церковныя книги, собственно метрическія, исповѣдныя, приходо-расходныя; затѣмъ вышелъ изъ алтаря, благословилъ народъ. Когда я подошелъ къ благословенію, онъ спросилъ у меня: „что, у тебя причетники безстихарные?“ Я отвѣчалъ: „напротивъ“... „Тогда онъ сердито спросилъ: „зачѣмъ они у тебя безъ стихарей?“ Я страшно оробѣлъ, но на выручку подоспѣлъ благочинный и сказалъ: „виноватъ, Ваше Высокопреосвященство, я забылъ сказать ему: онъ недавно поступившій на приходъ, но священникъ честный, трезвый, исполнительный, какъ по церкви, такъ и по приходу. Преосвященный смягчился и спросилъ у прихожанъ, коихъ довольно было въ церкви, довольны ли они своимъ священникомъ, и, когда они почти въ одинъ голосъ отвѣтили, что довольны, обратился почти съ рѣчью къ нимъ, что они должны почитать и уважать своего пастыря и давать матеріальныя средства къ поддержкѣ его самого и всей семьи. Здѣсь онъ много сказалъ объ ихъ обязанностяхъ, затѣмъ посмотрѣлъ на дьячка Климентія, виднаго и осанистаго, и спросилъ, сколько ему лѣтъ? Тотъ отвѣчалъ, что двадцать. Тогда преосвященный спросилъ у благочиннаго, какого онъ поведенія, и, получивъ похвальный отзывъ, сказалъ дьячку: „можешь проситься на діакона: въ городѣ я тебя посвящу“. Затѣмъ, вышедши изъ церкви и стоя на паперти, онъ спросилъ: „это твой домикъ видать отсюда?“ Благочинный отвѣтилъ: „да, это его домикъ, но живетъ онъ бѣдно, такъ какъ приходъ его бѣденъ.“—„На что же двѣ церкви, и одной было бы достаточно,“—замѣтилъ преосв. и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: „если тебѣ плохо жить, можешь проситься на другой вакантный

приходъ". Затѣмъ мы проводили архіерея до кареты, и онъ отправился въ Березное. Исправникъ и благочинный отправились провожать его до Березнаго и оттоль скоро возвратились. Бутовичъ не былъ благочиннымъ, а исправляющимъ должность. Впослѣдствіи онъ былъ утвержденъ; обстоятельства-же его исправленія должности слѣдующія. Указомъ Черниг. Духовной Консисторіи дано знать тѣмъ уѣздамъ, гдѣ будетъ проѣзжать преосвященный для ревизіи церквей и причтовъ, чтобы быть въ готовности и исправности. Благочинному Волосковскому Любарскому пришла глупая мысль при оповѣщеніи приглашать священниковъ къ пожертвованію на пріемъ Его Преосвященства. Во время полученія такого предложенія у меня гостилъ дядя о. Тр. Есманскій; тутъ же былъ и дьячокъ Климентій. Прочитавши предложеніе, я не обратилъ на это особеннаго вниманія, но о. Трофимъ, попросивши ключекъ бумажки, попросилъ дьячка Климента Івановича переписать для себя это предложеніе, и причетникъ по простотѣ исполнилъ это, а я не обратилъ вниманія. Мы сѣли за столъ обѣдать. За это время Климентій успѣлъ переписать, а дядя, взявши, заложилъ за кафтанъ и вскорѣ послѣ обѣда отправился къ своему большому пріятелю Лукѣ Лукичу Харченку, гдѣ по его характеру онъ сильно бражничалъ, представляя изъ себя что-то въ родѣ паяца. Къ величайшему удовольствію Харченка онъ представилъ ему документъ благочиннаго Любарскаго. Харченко же имѣлъ противъ него непріязнь. Харченко былъ засѣдателемъ Волосковскаго участка, отъ каковой должности онъ былъ уволенъ за наказаніе розгами козака, занимавшаго какую-то должность при Волосковскомъ правленіи. Харченко же былъ избранъ почти вопреки моему желанію церковнымъ старостою, а т. е. отчетъ о выборѣ представляется благочинному, а отъ него Преосвященному на утвержденіе, то онъ, благочинный, въ рапортѣ и упомянулъ, что Харченко находится подъ судомъ. Преосвященный, не утверждая, сдалъ все дѣло на разсмотрѣніе въ консисторію. Это-то и побудило Харченка тотчасъ же отправиться въ Черниговъ и лично представиться преосвященному и предъявить вышеупомянутый документъ. Преосвященный страшно былъ возмущенъ подобною выходкой, тутъ же сдѣлалъ

распоряженіе отрѣшить немедленно отъ должности и запретить священнослуженіе Любарскому впредь до окончанія слѣдствія, а исправленіе должности поручить достойному кандидату, а протоіерею Рындовскому, тоже благочинному, отдалъ приказъ произвести строгое слѣдствіе.

Это окончательно убило Любарскаго и разстроило его семейный бытъ. Жена его, видная, роскошная женщина, изъ рода Малевскихъ, нѣжинская поповна, сама ѣздила въ Черниговъ, валялась у ногъ преосвященнаго, и только при ходатайствѣ архимандрита Петра, его сподручнаго служителя, разрѣшено ему богослуженіе. Однако жена не могла перенести такого несчастія, скоро впала въ меланхолію и отправилась къ праотцамъ. Дѣти воспитывались въ духѣ вольнаго аристократизма и тоже не пошли правильною дорогою. Одинъ изъ нихъ, Семенъ, отправился въ дальнюю Сибирь и возвратился оттуда уже въ бытность мою благочиннымъ, вѣроятно, въ 1845 г. Отецъ оставилъ безчисленные капиталы, но оказалось въ половинѣ пятидесятихъ годовъ, что ничего нѣтъ: все было прожито безъ всякаго разсчета. Другой рано женился, служилъ въ казенной палатѣ близъ Чернигова въ селеніи Муравейкѣ. Жизнь вышла самая дурная. У него были дѣти, изъ которыхъ двое умерло, а одна изъ дочерей унаслѣдовала оставшееся имѣніе, вышла замужъ за поручика Гиртунга, полу-поляка, полу-русскаго, порядочнаго человѣка, съ которымъ и мать живетъ. Отецъ рано умеръ отъ чахотки, отъ неосторожной жизни. Третій сынъ Любарскаго, Григорій, оставилъ службу въ казенной палатѣ и поѣхалъ въ Крымъ, служилъ тамъ у откупщика Абазы, женился, составилъ состояніе, но не имѣетъ дѣтей. Онъ и теперь живъ. Однако, я далеко отступилъ отъ описанія моей жизни въ первоначальномъ священствѣ и теперь стану продолжать.—Еще до выбытія преосвященнаго Лаврентія тестъ жилъ въ Троицкомъ архіерейскомъ монастырѣ, несъ очередное служеніе, почти 3-ю недѣлю каждаго мѣсяца. Мы посѣщали его съ покойной матерью вашей и дочерью Меланіей. Тестъ очень былъ радъ. Мы снабдили его цѣлымъ ящикомъ муки, толченой рыбы—карасей, ко-

торыхъ тогда много водилось въ нашей рѣчкѣ и другихъ притонахъ. Почти каждый день приносили ее по полпуда, сейчасъ же чистили, сушили, а послѣ толкли въ муку. Если положить столовую ложку такой муки въ борщъ, то онъ дѣлается очень вкусный. Мы отвезли ему масла, яицъ и прочаго изъ хозяйства, о чемъ онъ даже писалъ. Онъ любилъ принимать гостей, и здѣсь, въ городѣ, нажилъ многихъ пріятелей, которые, приходя или пріѣзжая въ Троицу, въ церковь, заходили къ нему изъ церкви, пили и закусывали. Ему прислуживали монастырскіе чернорабочіе, которые приносили ему дешевую водку и спиртъ изъ окружныхъ селъ. Такая водка называлась вольной, потому что въ городѣ былъ откупъ. За прислуживаніе онъ награждалъ ихъ, даря имъ сельскую одежду, которую мы должны были доставлять. У него даже заводились вечернія бесѣды, что было не по характеру эконому Миславскому, бывшему также Степановскому священнику, но въ монастырѣ не сошедшемуся съ покойнымъ тестемъ. Онъ даже велѣлъ преждевременно запираеть браму, но служителя ухищрялись провожать гостей чрезъ другую черную браму, которую отворять и запираеть они умѣли по ихъ искусству.

Сынъ тестя Павелъ былъ уже въ богословіи въ первый годъ. Онъ былъ изъ первыхъ учениковъ, очень добрый юноша, любившій свою сестру. Учасъ онъ часто посѣщалъ своего отца въ досужее время, во время каникулъ.—Тестъ началъ жаловаться на нездоровье и, наконецъ, слегъ въ постель. Послѣ Преображенія братъ жены Павелъ прибылъ въ Городище и сказалъ, что батюшка велѣлъ пріѣхать мнѣ въ Черниговъ и забрать его въ домъ до выздоровленія. Какъ разъ на Успеніе послѣ литургіи я отправился въ Черниговъ, и на другой день рано утромъ мы выѣхали въ Городище. Разставаніе было слишкомъ горькое: въ глазахъ моихъ онъ поклонился почти до лица земли сотоварищу своему по службѣ, эконому протоіерею Миславскому, который отвѣтилъ видимою холодностію. Даже у меня полились слезы. Онъ предчувствовалъ, что не увидитъ больше монастыря, гдѣ жизнь его была такъ горька. Почти всю дорогу онъ бѣдный стоналъ. Вечеромъ мы пріѣхали въ Городище.

Онъ слегъ въ постель. Утромъ я поѣхалъ въ Синявку пригласить артиллерійскаго доктора Булгакова посѣтить больного. Онъ обѣщалъ пріѣхать черезъ часъ, что, дѣйствительно, и исполнилъ. Осмотрѣвши больного, онъ сказалъ, что пришлетъ изъ своей аптеки медикаменты, а вмѣстѣ съ тѣмъ фельдшера-костоправа, занимавшаго обѣ должности. Мы предложили ему два рубля сер., но онъ не взялъ; онъ велѣлъ поставить мушку на затылкѣ, а затѣмъ, когда я его провожалъ, онъ мнѣ по секрету объявилъ, что тестъ по его слабому сложенію не перенесетъ этой болѣзни: у него сильная горячка. Дѣйствительно, онъ непрерывно бредилъ въ полудремотномъ положеніи. Прибылъ фельдшеръ, поставилъ мушки, послѣ чего больной впалъ въ безсознательное состояніе, а ночью, наканунѣ 19-го числа, скончался. Мнѣ было много хлопотъ. Облачивши его по смерти въ священническія одежды, я надѣлъ на него боголѣпныя ризы, штофныя голубыя, собственно имъ справленныя изъ шубы покойной тещи. На меня покосились недобрые прихожане, но я имъ сказалъ: „его приношеніе пусть дотлѣваетъ на немъ; да онъ заслужилъ его примѣрною жизнью“. Тотчасъ же я отправился въ Синявку къ дѣду, отцу Якову Левчаковскому, девяностилѣтнему старику, и его зятю, отцу Петру Прокоповичу, пригласивъ ихъ участвовать при погребеніи, а для чтенія Евангелія пригласилъ тамошняго діакона, которъ лѣтъ все время неотлучно находился и только послѣ погребенія получилъ отпущекъ съ приличнымъ награжденіемъ. Могила ему я вырылъ за алтаремъ близъ самой алтарной стѣны. Въ Синявкѣ я взялъ ведеръ пять горѣлки, т. е. это самый необходимый продуктъ для народа, присутствовавшаго при погребеніи и поминовеніи. На третій день, послѣ литургіи и отпѣтія въ церкви священническаго погребенія, очень длиннаго, въ присутствіи навзрыдъ плакавшаго народа, мы, священники и служители, вынесли на своихъ раменахъ, по недалекому разстоянію, гробъ, который и опустили въ приготовленную могилу. Послѣ краткой литіи мы отправились въ домъ на приготовленную богатую трапезу. Я ничего не жалѣлъ, чтобы удовольствовать всѣхъ, и Богъ мнѣ

помогалъ, т. е. я отъ многихъ получалъ неожиданную помощь. Народа поль-села угощалось съ утра до вечера: никто не оставался ненакормленнымъ и ненапоенымъ. Окончивши сію печальную процессію, нужно было привести многое въ порядокъ, разослать забранную у разныхъ лицъ посуду, потребовавшуюся на такое количество угощаемыхъ гостей. Въ настоящія времена это уже выводится, но тогда какъ-то было въ обычаѣ, чему много содѣйствовала дешевизна водки и всего прочаго съѣдобнаго. Деньги тогда были очень рѣдки и дороги, но все же безъ нихъ ничего нельзя было сдѣлать, но главное, что тогда обходилось въ десятки копѣекъ, теперь бы надо было оплачивать рублями.

По окончаніи всей этой катастрофы нужно было опять приниматься за хозяйство, теперь уже безконтрольное, но также нужно было отправить въ Черниговъ брата жены Павла, который почти ничего не требовалъ, забравши только вещи покойнаго, даже полуновую суконную рясу, которая для меня не представляла интереса. Ему оставался послѣдній годъ богословія, но онъ готовился въ кіевскую академію, въ которую послѣ окончанія и былъ посланъ. Знаменательно между прочимъ, что покойница не бывала въ Кіевѣ; но по прошествіи или въ теченіе другого года она непремѣнно настояла, чтобы побывать въ Кіевѣ и увидѣться съ братомъ, а такъ какъ, по заведенному обычаю, въ концѣ зеленой недѣли многое множество пилигримовъ отправляется въ Кіевъ, то она съ лучшею партіей домохозяевъ отправилась въ путешествіе. Впрочемъ, у нихъ было три конныхъ подводъ, на которыхъ былъ сложенъ ихъ багажъ и необходимый прокормъ въ дорогѣ, но обычай требовалъ непремѣнно путешествія пѣшкомъ изъ угожденія Богу, кромѣ крайняго изнуренія или болѣзни. Въ Кіевѣ она насладились видѣніемъ всего до того ею невидѣннаго, незнаемаго и невоображаемаго, бесѣдою съ братомъ и посѣщеніемъ всѣхъ монастырей. Не разъ въ оныхъ случалось, что она затеривалась отъ своей партіи и доводила оную до горкихъ слезъ при отыскиваніи. Она долго не могла забыть Кіева, всегда вспоминая съ благо-

говѣніемъ: вѣрно она чувствовала, что любимымъ ею горячо дѣтямъ придется быть жителями такъ полюбившагося ей города. Прибытіе изъ Кіева послѣ двухъ или болѣе недѣль отсутствія было для меня и дочки Меланіи радостнымъ. Вскорѣ наступила жатва. Я уже былъ полнымъ хозяиномъ, потому что я обзавелся плугомъ и самъ обрабатывалъ поля. Конечно, хлѣба было очень достаточно, такъ что пришлось продать чудовъ 250—300, но, главное, цѣна была малая: жито 10 коп. сер., овесъ — мѣра 6 и 7 коп., считая тогда на ассигнаціи. Нужно было умѣть жить. Конечно, о тѣхъ расходахъ, какіе ведутся въ нынѣшнее время, и мыслить нельзя было, да къ тому нужно было помогать въ академіи брату Павлу, рублей по сорока асс. въ годъ, что мы выполняли постоянно. Онъ много курилъ по тогдашнему Жуковъ табакъ, бывшій въ употребленіи у всѣхъ курившихъ. Недостатки во многомъ заставляли меня заняться школою и притомъ въ собственномъ домѣ, слѣдовательно и содержать дѣтей на свои средства, питать ихъ и поконить, что затруднительно было для покойной жены; и между тѣмъ отъ пяти до шести было мальчиковъ, да и приходившихъ столько же. Это продолжалось года четыре - пять; школъ тогда не было, но къ дьячку или пономарю ходило душъ по десяти поселянскихъ дѣтей. Начало привода дѣтей въ таковую школу было, по деревенскому обычаю, въ день пророка Наума, 1-го декабря, съ какового числа и начиналось ученіе церковной граматкѣ съ аза и продолжалось нѣсколько лѣтъ сряду, пока не выучать граматки, часловца и псалтыри, не будутъ умѣть читать на клиросѣ часы и посреди церкви каѳизмы. Болѣе же изучившіеся читали предъ Евангеліемъ Апостола, приспособляясь къ звуку и разстановкѣ словъ своего учителя дьячка. Это чрезвычайно радовало родителей, и они говорили: „уже и Апостола читаетъ такъ, какъ и дьячокъ, и гарно пишетъ на папери“. Тогда было въ обычаѣ года два писать на длинной ручной таблицѣ, покрытой черной краской и разлинеенной, сдѣланной изъ кленоваго или грушеваго дерева, и разведенными въ каламарѣ бѣлилами изъ крейды,

въ которыя, какъ нынѣ въ чернильницу, обмакивалось очиненное гусиное перо, и выводились буквы, сначала прописныя, большія, а послѣ, когда начнутъ уже хорошо выводить, писали малыми складами. Послѣ этого дьячокъ писалъ свою пропись, составленную чаще всего изъ словъ: „учитесь, дѣти, во младыя лѣта; когда придетъ старость, тогда будетъ радость“ и пр. и пр. Послѣ этого дьячокъ учитель объявлялъ батькамъ дѣтей, научившихся хорошо писать на таблицѣ, что пора переводить писать на папыри, что уже составляетъ расходъ на бумагу. Батьки съ охотою покупаютъ таковую. Переводъ на бумагу сопровождается угощеніемъ учителя въ собственномъ его домѣ, большою попойкою и объяденіемъ, что все доставляется родителями дѣтей, которыя переводятся писакami на бумагѣ. Папиръ береглась въ то время, т. к. была дорога. Употреблялась бумага плохого качества, т. к. лучшая была недоступна для хлѣбопашцевъ, выручавшихъ деньги изъ продаваемыхъ продуктовъ немного, а нужно было подушное заплатить, вслѣдствіе чего тогда существовали страшныя недоимки податей, главнымъ образомъ отъ того, что богачи кулаки сами не платили, а увертывались, да къ тому же еще и собранныя деньги проматывали. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока правительство не установило лучшихъ порядковъ и сборщиковъ податей по записямъ ихъ какъ въ реестрѣ, такъ и въ книгу каждаго хозяина, уплатившаго причитающуюся съ него подать. Теперь изъ года въ годъ недоимокъ совершенно не бываетъ, т. к. въ противномъ случаѣ все это ложится на сборщиковъ податей.

Въ скоромъ времени намъ стало немного легче въ семействѣ, такъ какъ Павелъ окончилъ академію и былъ назначенъ въ Воронежъ, въ тамошнюю семинарію, профессоромъ. Онъ былъ домой, получивши прогонныя деньги до Воронежа. Здѣсь неподалеку былъ его сотоуарищъ по академіи Сочава, туда же назначенный, и Виницкій; первый изъ черниговскаго уѣзда, а второй—изъ стародубскаго. Они всѣ съѣхались къ намъ въ Городище и изъ дома нашего отправились въ Воронежъ. Послѣ этого намъ уже не пришлось свидѣться съ братомъ, но пере-

писка, хотя изрѣдка, велась, что далѣе, то рѣже. — У насъ послѣ Меланіи родился сынъ Михаилъ, но жизнь его была кратко-временная, послѣ чего Богъ насъ благословилъ рожденіемъ сына, нареченнаго Александромъ, благодатнымъ для насъ. Съ самаго малолѣтства онъ насъ радовалъ своимъ тихимъ и добрымъ нравомъ. Мать, какъ и я, очень его любила и сама кормила не-много болѣе года, въ чемъ она не отказывала и всѣмъ дѣтямъ, послѣ родившимся. Въ сіе время я уже почти оставилъ школу: у меня только и воспитывалось двое дѣтей сестры, Иванъ и Симеонъ, вслѣдствіе того, что она уѣхала къ мужу въ Польшу, гдѣ онъ вскорѣ былъ раненъ при взятіи Варшавы и умеръ дня черезъ три послѣ раны. Ему оторвало лѣвую руку. Это кажется было въ 1841 году. Она, добиваясь пенсіи, тамъ прожила около года. Но еще до выѣзда изъ Стольнаго, при проѣздѣ Императора Николая чрезъ Черниговъ къ границѣ Турціи, гдѣ тогда была война, она ходатайствовала о принятіи ея дѣтей въ кадетскій корпусъ. Въ концѣ того года (было подано прошеніе въ концѣ мая мѣсяца) послѣдовалъ изъ губернаторской канцеляріи отзывъ на имя сестры о доставленіи дѣтей въ Александровскій пажескій корпусъ. Я отослалъ съ почтою при письмѣ отзывъ, а между тѣмъ написалъ письмо къ Антону Теофилактовичу Бородахъ, прося совѣта, какъ огослатъ дѣтей Савицкихъ и нельзя ли вытребовать прогонныхъ денегъ на доставку ихъ. Тогда я вскорѣ получилъ отвѣтъ сомнительный, чтобы дѣти Савицкой были приняты въ сей пансіонъ, куда помѣщаютъ своихъ дѣтей, почитая это за особое счастье, заслуженные генералы и полковники. Я поѣхалъ въ Черниговъ навести справки въ Губ. Канцелярію и оттолъ же послалъ письмо съ выданной мнѣ бумагой, на которое быстро получилъ отвѣтъ такого содержанія, чтобы я договорилъ сосѣда Гагая, чтобы онъ устроилъ кибитку на саняхъ, да немедленно доставилъ ихъ, иначе въ мартѣ мѣсяцѣ они за неявкою будутъ исключены. Я договорилъ его за 110 руб. асс., съ тою надеждою, что прогоны получатся на мѣстѣ. Оставалась недѣля до выѣзда, какъ по письму моему возвратилась сестра въ Стольное. Я передалъ ей пере-

писку, и она съ дѣтьми отправилась въ Черниговъ, оставивъ у меня сына Василя, а у сестры Анастасіи—дочку Надежду. Когда она прибыла въ Петербургъ и явилась къ Бородахину, то онъ на первый случай принялъ ее въ свою квартиру, отправился узнать, къ кому первоначально обратиться съ дѣтьми, отколь приесть составленную докладную записку къ Великому Князю, начальнику корпуса, Михаилу Николаевичу. Въ назначенное время она отправилась съ дѣтьми во дворецъ его. Здѣсь дежурный офицеръ ввелъ ее съ дѣтьми въ пріемную комнату. Вскорѣ начали съѣзжаться генералы, вѣроятпо, адъютанты, увѣшанные эксельбантами. И вотъ меньшій братъ, Семенъ, говоритъ старшему: „что это, братъ, имъ навѣшали, наче той бабѣ, что въ насъ покрала мотки нитокъ, да ей навѣшали и водили около нашего двора“. Проходящій успѣлъ разслышать, и, когда онъ вошелъ въ слѣдующую комнату, тамъ поднялся страшный хохоть. Нѣсколько лицъ опять вышло изъ комнаты, и одно изъ нихъ, принявши докладную записку отъ матери и предложивши нѣсколько вопросовъ, отправилось съ запискою. Мать приказала дѣтямъ, когда выйдетъ Великій Князь, стать на колѣна и просить поцѣловать руку. Вскорѣ вышелъ Великій Князь. Когда онъ приступилъ къ дѣтямъ, они поднялись, бросились и поцѣловали руку. Тогда онъ спросилъ, какой они губерніи и уѣзда. Получивъ отвѣтъ, онъ сказалъ: „малороссы“—и спросилъ, гдѣ они учились? Они отвѣтили: „у дяди поца“. Далѣе онъ спрашивалъ, какъ зовутъ и прозываютъ, гдѣ ихъ отецъ?“—„Кажуть, що на войни поляки убыли“—отвѣтили они на послѣдній вопросъ. Этими отвѣтами В. Князь ослался, видимо, доволенъ, потому что велѣлъ накормить ихъ. Они отправились съ дежурнымъ въ назначенную комнату. Сестрѣ онъ сказалъ: „Пенсіонъ вашъ выйдетъ своимъ порядкомъ, а прогонныя деньги вы получите изъ здѣшняго казначейства. Вамъ дадутъ сейчасъ бланки. За полученіемъ же единовременнаго жалованія или пенсіи вамъ скажутъ куда обратиться. Вашихъ дѣтей дежурный сейчасъ же отвезетъ въ Царское Село въ назначенное имъ мѣсто“. И, дѣйствительно, они отправились вмѣстѣ съ офицеромъ въ каретѣ. Послѣ подачи

прошенія въ комитетъ раненныхъ она получила единовременное жалованье мужа и прожила въ Петербургѣ болѣе года, гдѣ успѣла похлопотать о принятіи дочери Надежды въ Патріотическій Институтъ, но она была потребована только чрезъ годъ послѣ пріѣзда сестры въ Стольное. Тогда она вторично отправилась съ нею въ Петербургъ и прожила тамъ два года.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ФЕОДОРА КИСТЯКОВСКАГО.

(1807—185... г. ¹⁾).

Мое знакомство съ Бородухинимъ началось значительно раньше, въ 1832-мъ году. Онъ очень рано былъ отправленъ въ С.-Петербургъ подъ покровительство родственника по матери, тамошняго чиновника Козакевича, гдѣ и прослужилъ долго, и наконецъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга съ начальникомъ путей сообщенія генераломъ Вельяшинымъ въ г. Моршанскъ, гдѣ сходились разные пути по водяному сообщенію. При Вельяшинѣ онъ былъ секретаремъ. Здѣсь онъ и женился. По его словамъ, онъ могъ бы обогатиться, но не имѣлъ характера нынѣшняго времени, когда при довѣріи начальства расхищаются огромныя суммы, нерѣдко совершенно безнаказанно. По смерти его начальника страшныя начеты навлекли раскассировку. Онъ, хотя и остался невиновнымъ, но все же потерялъ должность; затѣмъ умерла у него жена, и онъ остался съ двумя дочерьми, Александрой и Варварой. Проживъ тамъ годъ или болѣе, онъ прибылъ съ дѣтьми и десятью душами крестьянъ. Онъ переѣхалъ съ тамошними русскими извозчиками на своей парѣ лошадей, запряженной въ рессорную бричку. По прибытіи онъ сдѣлалъ мнѣ визитъ и пригласилъ лично съ собою тогда же въ домъ. Я смотрѣлъ на него, какъ на большого чиновника: онъ уже тогда имѣлъ орденъ св. Анны на шею; для меня въ

¹⁾ См. „Кіевск. Стар“. 1895 г., № 10.

селѣ это уже было много. Между тѣмъ онъ обращался со мною радушно, безъ всякихъ панскихъ претензій, нетерпимыхъ мною, на которыя были столь падки наши Городисскіе. Онъ тутъ же меня пригласилъ заняться съ дѣтьми русскою грамматикою, ариеметикою и катихизисомъ по три дня въ недѣлю. Дѣвочки довольно уже были знакомы со всѣми этими предметами. Между прочимъ нужно замѣтить, что онъ былъ слишкомъ религіозенъ не пропускалъ ни одной литургіи въ воскресные и праздничные дни, любилъ читать на клиросѣ и даже испросилъ у меня позволеніе читать акафистъ. Конечно, онъ читалъ довольно хорошо, но скоро убѣдился, что не его это дѣло. Осень, зиму и лѣто онъ провелъ въ Городищѣ, находясь всегда въ хорошихъ отношеніяхъ со мною и выдаясь почти ежедневно. Затѣмъ осенью онъ началъ мнѣ говорить, что съ наступленіемъ зимы онъ отправится съ дѣтьми, двумя дворовыми и дѣвкой въ С.-Петербургъ, чтобы тамъ пристроить дѣтей и самому опредѣлиться на службу, пока позволяетъ здоровье. Правда, онъ былъ видный и осанистый мужчина. Сборы въ дорогу затянулись, такъ что онъ выбрался изъ Городища только на масляной недѣлѣ. Онъ купилъ у меня пару лошадей, да своихъ было двое, на однихъ только саняхъ устроилъ будку, а двое саней были съ владью. Въ его саняхъ было по одной большой лошади, а въ третьихъ—пара. На послѣднихъ саняхъ было поставлено нѣсколько сундуковъ и чемодановъ. Я проводилъ его за Кучиновку и здѣсь распростился съ нимъ. Онъ взялъ съ собою только двухъ вѣрнопостныхъ, вѣчера Павла и еще другого, остальныхъ же оставилъ въ Городищѣ на моемъ попеченіи. Черезъ полтора мѣсяца я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ меня извѣстилъ, что находился въ пути болѣе мѣсяца, претерпѣлъ много трудностей, но прибылъ благополучно въ С.-Петербургъ. „Нужно пристроиться—писалъ онъ—и дочь большую устроить, такъ какъ ей уже лѣта подходить. Но бѣда въ томъ, что знавшіе меня хорошо одни выбыли изъ службы, а другіе умерли. Однако случай доставилъ возможность сблизиться съ княземъ Кочубеемъ, который доставилъ моей дочери Александрѣ возможность поступить въ Смольный институтъ въ число институтокъ, а мнѣ получить мѣсто контролера въ почто-

вомъ департаментъ съ даровою квартирою“. Кажется, далѣе этой карьеры онъ не пошелъ, прослуживши лѣтъ тридцать и выслуживши полный пенсіонъ и нѣсколько орденовъ. Я содержалъ года четыре оставшихся его людей, но онъ впослѣдствіи, пріѣхавши изъ Петербурга, забралъ еще четырехъ съ собою, оставивъ только старика Бориса съ женой да сына ихъ, съ содержаніемъ въ мѣсяцъ по одному пуду муки и на проч. расходы на всѣхъ по одному рублю серебромъ, предоставляя имъ право зарабатывать въ свободное время на себя. Мы съ нимъ переписывались все время до поступленія сына Александра въ Петербургъ, послѣ чего я до самой смерти его получилъ письма два, хотя еще обѣщалъ онъ пріѣхать на родину умирать. Умеръ онъ въ Петербургѣ. Старшая дочь его Александра вышла замужъ за помѣщика, чиновника Ступина, бывшаго консуломъ въ Сиріи, а послѣ на Кавказъ и въ Персію и умершаго тамъ отъ холеры, Вторая дочь, Варвара, кончившая тоже Смольный институтъ, осталась въ дѣвицахъ. Уже послѣ смерти отца, недвижимое въ Городищѣ и домъ остались наслѣдникамъ второго брата Константина, а часть, слѣдуемая Александрѣ, тѣми же наслѣдниками пріобрѣтена чрезъ покупку.—Въ сіе время жизнь моя шла своимъ чередомъ. Была у насъ еще дѣвочка Александра, но жила она не болѣе полугода. Черезъ годъ послѣ нея Богъ благословилъ насъ рожденіемъ сына Θεодора. Мать его также сама кормила, и по привычкѣ и любви ея къ дѣтямъ болѣе года. Я кромѣ прихода занимался хозяйствомъ, обрабатывалъ самъ поля, бралъ съ половины сѣнокосъ, имѣлъ достаточно лошадей и рогатаго скота и жизнь семейную проводилъ безъ нужды. Прихожане меня уважали и любили, никогда не отказывали мнѣ въ подводахъ, сколько бы ни потребовалось. Я задумалъ приготовить лѣсъ для постройки дома. Это было въ годахъ тридцать восьмомъ и тридцать девятомъ. Тогда я пріобрѣлъ покупкою лѣсъ за весьма сходную цѣну отъ помѣщицы Екатерины Алексѣевны Товстолѣски, въ деревнѣ Будѣ. Тамъ такой лѣсъ былъ, что могъ бѣ въ настоящее время окупить всѣ ея долги и такую же еще дать сумму прибыли, но она весь его продала, а наконецъ стеклянными гутами лѣтъ въ де-

сать оставила только пни да ничтожныя заросли, да и то пошло съ молотка и продано въ приказѣ Общественнаго Призрѣнія, а ей самой, девятиностолѣтней старухѣ, досталось доживать въ домѣ изъ ея лѣса въ Городищѣ, гдѣ она проживала у дочери Анастасіи Бутовичъ до случившагося въ 1869 году пожара, испепелившаго всѣ ея постройки и стоявшую невдалекѣ и самую церковь.— Лѣсъ, пріобрѣтенный покупкой, я тутъ же на мѣстѣ порѣзалъ. По огромности его неудобно было перевозить, да этому способствовалъ случай: тамъ же былъ купленъ лѣсъ для колоколен и на корридоръ, а потому весь купленный лѣсъ, какъ церковный, такъ и мой, тамъ же перепиливался на пластины и доски. Случилась сухая осень, и весь лѣсъ былъ перевезенъ и сложенъ въ нарочно выстроенномъ повѣтѣ, дабы онъ не повредился отъ дождя и находился въ сухомъ мѣстѣ до удобнаго и возможнаго времени къ постройкѣ. Въ то-же время о постройкѣ и подумать нельзя было по случаю неимѣнія денегъ, а потому все было предоставлено времени, когда Богъ поможетъ въ средствахъ. Такъ этотъ лѣсъ пролежалъ до десяти лѣтъ.

Между тѣмъ, за это время выбылъ изъ епархіи преосвященный Владиміръ, а на его мѣсто назначенъ преосвященный епископъ Павелъ изъ Костромы. Духовенство съ нимъ скоро сошлось, увидѣвъ его большую заботливость о вдовахъ и сиротахъ духовныхъ. Вообще и при обзорѣннѣ церквей онъ казался добрымъ архипастыремъ. Но обратная сторона медали была не слишкомъ благоприятна для духовенства. Онъ слишкомъ былъ довѣрчивъ къ помощникамъ своимъ и вліятельнымъ въ губерніи лицамъ. Онъ довѣрялъ всѣмъ навѣтамъ таковыхъ лицъ безъ суда и права, нерѣдко переводилъ на другіе приходы, лишалъ на нѣкоторое время мѣста, предавалъ слѣдствію. Второй его недостатокъ былъ тотъ, что онъ всѣ мѣста наполнялъ выходцами изъ другихъ епархій—богословами, которые женились на сиротахъ священниковъ, всѣми уже оставленныхъ, и получали священническія мѣста. Такъ четверть епархіи наполнилась сего рода выходцами изъ русскихъ губерній, чаще всего людьми, не отличающимися хорошею жизнью и неособенно нравственными. Народъ нашъ не могъ долго сходиться, пока само время

не поставило обѣ стороны въ необходимость сойтись, да и сами священники поняли, что нужно приноравливаться къ здѣшнему быту народа, хотя впрочемъ нерѣдко выходили весьма скандальныя дѣла. Многіе изъ нихъ оказались горькими пьяницами и готовы были на всякія мерзости. Впрочемъ, хотя и немного, но были священники трезвые и умные люди. Третьимъ недостаткомъ преосвященнаго Павла было то, что онъ слишкомъ довѣрялъ всякому наущничеству и своему докладчику или дѣлопроизводителю, бывшему съ самаго поступленія и до конца его пребыванія въ нашей епархіи, около 25 лѣтъ. Это отчасти способствовало тому, что за деньги много и много можно было сдѣлать и желаемое получить, да и консисторія не отличалась безпристрастіемъ: за деньги можно было изъ неправого дѣла сдѣлать правое. Епархія была велика, ежедневно масса просителей, особенно причетниковъ, часто голодавшихъ и проживавшихъ до ниточки, и только тогда не рѣдко получавшихъ причетническое мѣсто и посвящавшихся въ стихарь. — Жизнь тогдашняя причетниковъ была очень незавидная: они нерѣдко служили въ родѣ челядниковъ въ домѣ священниковъ, особенно пономари, съ которыми священники разѣзжали, какъ съ управляющими на козлахъ лошадьми.

Въ 1836-мъ году Богъ благословилъ насъ рожденіемъ сына Θεодора. Жизнь сельская въ это время велась однообразно. Можно сказать, что я съ увеличеніемъ быта хозяйственнаго увеличилъ число лошадей и увеличилъ запашки. Затѣмъ я приобрѣлъ во владѣніе десятинъ шесть церковнаго поля, чрезъ прошеніе у Епархіальнаго начальства въ пользованіе по бѣдности прихода. Это оказало мнѣ большую поддержку, да еще и то, что я распоряжался полемъ, десятинъ въ пять, принадлежавшимъ Антону Ф. Бородахѣ. Такимъ образомъ я въ годъ могъ продавать пудовъ 200—300 хлѣба разнаго рода. Къ тому же я еще приобрѣлъ обвалившуюся вѣтриную мельницу у Варвары Ивановны Харченковой и ея дѣтей и, исправивъ ее, сталъ получать значительный приходъ, т. е. завозъ не переводился. Мирошниковъ у меня былъ казенный крестьянинъ, временами

горькій пьяница, но весьма хорошо знавшій свое дѣло. Онъ же былъ и ея строителемъ. Цѣны на хлѣбъ подвѣлись, а я рѣдкую субботу не получалъ три, четыре, а иногда и пять руб. сер., отчего я приобрѣлъ новый большой самоваръ, и мы уже стали каждодневно пить чай, особенно по утрамъ, но я, любя кофе, варилъ себѣ на конфоркѣ. Бѣлый хлѣбъ у насъ не переводился, а ситницы, которыя постоянно у насъ пеклись, по вкусу и бѣлизнѣ были лучше березинскихъ булокъ.—Года черезъ два послѣ рожденія Феодора у насъ родилась дочь Александра, но она долго не жила, всего лишь полгода. Вскорѣ послѣ прїѣзда преосвященнаго Павла я раза два посѣтилъ Черниговъ, и то болѣе съ сестрою маіоршею. Консисторіи я тогда не зналъ и не имѣлъ къ ней надобности. Однажды я встрѣтился съ отцомъ Василиемъ Кизимовскимъ, бывшимъ тоже уже священникомъ тамошней Николаевской церкви. Какъ товарищъ по семинаріи, онъ началъ меня упрекать за то, что я, бывая въ Черниговѣ, никогда не зайдю къ нему въ домъ по старому прїятельству. Въ отвѣтъ я ему сказалъ, что послѣ рукоположенія я всего лишь второй разъ въ Черниговѣ; въ первый разъ я прїѣзжалъ въ Черниговъ для необходимыхъ покупокъ и при томъ на самое короткое время. Я далъ ему слово, отнеси письмо на почту, зайти къ нему непременно, что и исполнилъ. Онъ принялъ меня радушно, равно какъ и жена его, Ольга Макаровна, знакомая мнѣ еще дѣвицей. Она дочь Березинскаго протоіерея Рындовскаго, съ которой я былъ знакомъ, когда въ послѣднихъ классахъ семинаріи погуливалъ съ товарищами Воронкевичами на Березинскихъ вечерахъ, сопровождавшихся всегда музыкой и танцами.—У нихъ тогда уже было четверо дѣтей, а сама Ольга Макаровна была почти больна и изъ здоровой дѣвушки сдѣлалась хилой женщиной. Я по радужному приглашенію остался отобѣдать, пробывъ у нихъ болѣе четырехъ часовъ. Съ сего времени возобновилось наше знакомство, особенно когда черезъ нѣскольکو лѣтъ пришлось мнѣ быть благочиннымъ и, слѣдовательно, по необходимости приходилось чаще бывать въ Черниговѣ, въ консисторіи, да кромѣ того я и раньше началъ воспитывать дѣтей Александра и Федора въ Черниговѣ, что также было при-

чиною посѣщенія Чернигова. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ родился, помню, въ постѣ, сынъ Василій. Крестнымъ отцомъ всѣхъ моихъ дѣтей былъ мой родственникъ, священникъ о. Петръ Прокоповичъ. И вотъ я въ субботу, пораньше отправивши утреню, поѣхалъ въ Синявку, купилъ попавшейся хорошей свѣжей рыбы и проч. припасовъ и пригласилъ отца Петра на другой день въ качествѣ духовнаго отца для крещенія, которое обыкновенно совершалъ свящ. о. Иванъ Антоновичъ. Онъ успѣлъ во время литургіи приобщить говѣвшихъ прихожанъ. При совершеніи крещенія посѣщали породиллю Городисскіе паны съ приносомъ хлѣба и всегда курицы, а паніи—индѣйки. Всегда готовилась богатая закуска въ родѣ обѣда или ужина, смотря по времени, и за послѣднимъ блюдомъ баба акушерка подносила всѣмъ присутствующимъ варенуху изъ наливки, при чемъ каждый бравшій полагалъ на поднось деньги.— Всѣ сыновья росли благополучно и въ маломъ возрастѣ подавали надежды, что изъ нихъ выйдетъ что-нибудь хорошее и путное. Федоръ былъ особенно быстрый мальчикъ, но на седьмомъ году, кажется, простудился, и болѣзнь продлилась около шести недѣль. Наконецъ, горячка до того ослабила его, что онъ не подавалъ никакой надежды на выздоровленіе. Приглашены были двѣ сидѣлки, т. е. мать до того изнемогла, что едва могла держаться на ногахъ. Въ одну ночь сидѣвшія сказали: „не мѣшайте: бѣдное дитя кончается“. Дали ему въ руки страстную свѣчу. Сначала всѣ плакали, но послѣ замолкли. Сидѣлка сказала, что онъ уже скончался. Я прочиталъ молитву „Отче нашъ“ и съ горькимъ плачемъ вышелъ изъ комнаты, зашелъ въ шеолу и проживающему тамъ Кириллу Евдокимовичу Кивлицкому приказалъ копать могилу, около двинтаря на указанномъ мѣстѣ, близъ погребенныхъ родителей. Это уже было за полночь. Самъ я пошелъ въ конюшню къ любимымъ мною всегда конямъ и легъ въ ясли, гдѣ крѣпко заснулъ. Не знаю, сколько я тамъ спалъ, но лошади стали такъ сильно фыркать, что разбудили меня. Вдругъ слышу большой гомонъ около конюшни. Я обозвался, и на мой голосъ стали меня звать со словами; „Федоръ ожилъ!“ Не помню, какъ я схватился и побѣжалъ. Вхожу въ комнату и вижу си-

дящимъ на кровати мальчика, а передъ нимъ мать держитъ просфору и чашку чаю. Онъ засмѣялся мнѣ; я опять заплакалъ, но уже отъ радости. Около него сидѣлъ Александръ, а дѣвочка Саша спала въ колыбели. Онъ ея почему-то не любилъ. Мать ее отнесла въ другую комнату.— Рассказываютъ, что послѣ моего ухода Федоръ еще болѣе часу находился безъ признаковъ жизни. Когда взяли изъ рукъ его свѣчу и хотѣли раздѣть его и обмывать, мать замѣтила мягкость и гибкость пальцевъ и не позволила снимать до свѣта. Наконецъ, онъ чихнулъ и какъ бы пробудился отъ сна. Первое слово его было: „мама, я ѣсть хочу!“ Самоваръ еще раньше поставили, чтобы нагрѣть воды для обмыванія. Мать отъ радости не знала, что дѣлать, дала ему просфору въ руки, стала готовить чай, затѣмъ послала человека меня разбудить, зная, что я нерѣдко засыпалъ въ конюшнѣ, около любимыхъ мною коней, боясь, чтобы кто-нибудь не покралъ ихъ.— Федоръ до того сдѣлался худъ, что, казалось, кости видны были чрезъ кожу. Однако онъ сталъ быстро поправляться, часто капризничалъ и требовалъ, чего ему захочется. Мы старались доставлять по возможности все имъ требуемое, радуясь несказанно его выздоровленію и поправѣ. Я уже говорилъ, что крестнымъ отцомъ всѣхъ почти моихъ сыновей былъ мой родственникъ, священникъ Синявской Покровской церкви о. Петръ Прокоповичъ; но Федора крестилъ Алексѣй Антоновичъ Бородуха. Случилось сіе по слѣдующимъ обстоятельствамъ: онъ служилъ стряпчимъ въ Орловской губерніи, въ городѣ Брянскѣ, прибылъ къ матери въ Городище погостить, отвѣдать и разсмотрѣть на счетъ своей будущности, располагая, по волѣ или по неволѣ, оставить свою службу и послѣ отставки прибыть съ семействомъ и поселиться на мѣстѣ родины въ отцовскомъ домѣ. Такъ какъ онъ первоначально учился въ домѣ тестя, въ то время, когда еще моя жена была ребенкомъ, т. е. только что начинала ходить, то онъ сдѣлалъ мнѣ визитъ. Онъ пріѣхалъ въ зимнемъ крылѣзѣ экипажѣ на тройкѣ бравыхъ вороныхъ лошадей съ бородатымъ русскимъ кучеромъ. Онъ сошелся со мною въ самомъ пріятельскомъ тонѣ. Это было зимою, послѣ Рождества

Христова. Видя, что покойница беременна, онъ пожелалъ быть крестнымъ отцомъ будущаго сего младенца, располагая въ половинѣ мая прибыть въ Городище на постоянное жительство. Сойдясь въ Березномъ съ подрядчикомъ Лыковымъ, занимавшимся тамъ постройкой лавокъ и значительными работами по постройкѣ тамошней Вознесенской церкви, онъ заключилъ съ нимъ контрактъ, по которому Лыковъ обязался выстроить ему въ Городищѣ домъ, по указанному плану, изъ Рагозинскаго лѣсу за двѣ тысячи рублей ас. Этого подрядчика Бородахъ посоветовалъ сынъ настоятеля Вознесенской церкви, Макарія Рындовскаго, Василій, служившій вмѣстѣ съ Бородахой въ Брянскѣ. Рагозинскій лѣсъ, изъ котораго долженъ былъ быть построенъ домъ, былъ тогда беспощадно вырубываемъ для всѣхъ построекъ въ Березномъ помѣщиками, жившими на широкую ногу и за безцѣнокъ продававшими. Вывозка лѣса должна была быть произведена самимъ мастеромъ Лыковымъ. Возвратясь изъ Березнаго, онъ заѣхалъ ко мнѣ на домъ, просилъ меня слѣдить за вывознымъ лѣсомъ, оставивъ мнѣ 200 руб. ассигн. на покупку дубовъ для стояновъ и подвалинъ. Въ условіе такимъ образомъ былъ внесенъ пунктъ: „а понадобятся майстру деньги, имѣть переписку“. Вскорѣ послѣ того онъ выѣхалъ въ Брянскъ. Дѣло съ постройкой пошло плохо: наступалъ постъ, дорога стала портиться, а лѣсъ все не доставлялся на мѣсто. Я поѣхалъ въ Березное и узналъ отъ протоіерея Рындовскаго, что надежды на подрядчика плохи. Я тотчасъ же послалъ Бородахъ въ Брянскъ письмо съ уведомленіемъ, чтобы онъ тамъ заготовилъ лѣсъ и справилъ его до Ушни (?), отколь, хогя и далеко, но удобно будетъ доставить въ Городище, такъ какъ тамъ люди заможные и рады будутъ случаю заработать. Въ началѣ Іюня мѣсяца онъ пріѣхалъ въ Городище со всѣмъ семействомъ, большая же часть его имущества шла на плотяхъ для дома. Федоръ уже родился болѣе недѣли назадъ, и 8-го іюня было совершено крещеніе. Это было въ Петровку. Помню, я поѣхалъ въ Березное и купилъ великолѣпныхъ лещей, что не всегда случается.—Вскорѣ Бородаху извѣстили, что пришли плоты, и онъ отправился для расплаты съ доставщиками, а также для найма подводъ и выгрузки на

берегъ. Здѣсь онъ сейчасъ же нанялъ людей перевезти мебель и прочее имущество, находившееся на плоту.

По смерти его, послѣдовавшей въ 1865 году, я досталъ себѣ покупкою бюро и крытыя сани. Первое и до сихъ поръ еще служить, а вторыя одряхлѣли и изъѣздились. Онъ достаточно повезъ съ собой денегъ, но по какому-то подсудному дѣлу онъ раза три отправлялся въ Орелъ и послѣ постройки большого дома скоро остался безъ денегъ.—Онъ былъ человѣкъ разумный, добрый, но вспыльчивый и въ послѣдствіи предавшійся страсти выпить. Онъ частно служилъ въ Сосницѣ письмоводителемъ у предводителя дворянства, гдѣ и умеръ отъ случившейся тамъ холеры. Оставшееся послѣ него семейство тоже вымерло: сынъ меньшій, служа въ Новозыбковѣ становымъ, впалъ тоже въ слабость, отъ неосторожности на должности, въ выпивку, вслѣдствіе чего и кончилъ жизнь самоубійствомъ, зарѣзавшись. Старшій сынъ Веніаминъ, выслужившій на Кавказѣ капитанскій чинъ, съ половиннымъ пансіономъ вышелъ въ отставку, жилъ въ Городищѣ и умеръ здѣсь тоже отъ излишней выпивки. Состояніе перешло къ сестрѣ, вышедшей за безчиновнаго Степана Скварскаго, родного брата мужа дочери Меланіи, Никифора Скварскаго.—Послѣ рожденія Василя дѣла по приходу и хозяйству шли также почти однообразно, кромѣ развѣ того, что я опредѣленъ былъ депутатомъ духовнымъ, имѣлъ весьма нерѣдкія отлучки для произведенія слѣдствій вмѣстѣ съ благочиннымъ Бутовичемъ. Тогда я сталъ знакомиться съ дѣлопроизводствомъ, священниками и мѣстностью, потому что нерѣдко приходилось ѣздить на границу другого уѣзда, верстъ за 70, какъ напримѣръ въ село Казиловку, гдѣ первое, въ 10 верстахъ, мѣстечко уже новгородъ-сѣверскаго уѣзда. Такимъ образомъ случались отлучки недѣльныя. Впрочемъ, благочинный Бутовичъ пробылъ въ должности не болѣе трехъ лѣтъ. Онъ былъ человѣкъ полный, но здоровьемъ не отличался. Онъ особенно былъ расположенъ ко мнѣ и всему моему семейству.—Родившемуся въ это время Николаю было уже около года, но онъ еще спалъ въ колыбели. Бывало, Бутовичъ очень часто къ намъ пріѣзжалъ, и первое удовольствіе для него было взять его изъ колыбели и

нянчить. Не знаю, до чего, бывало, онъ выпѣлуетъ все его тѣло. Николай былъ толстенькій мальчикъ, и онъ, бывало, говоритъ: „я нарочно къ вамъ ѣзжу, чтобы понянчить вашего мальчугу. Я не знаю, до чего я его люблю. Вѣрно, онъ предчувствовалъ, что Николай будетъ его внукомъ, т. е., дѣйствительно, вполнѣдствіи онъ женился на внучкѣ его, дочери сына его, Василя Бутовича, конечно, уже по смерти дѣда.

Въ это время я началъ учить грамотѣ дочку Меланію, а вскорѣ и сына Федора. Благодаря Богу, Александръ съ самаго начала имѣлъ охоту къ наукѣ, Федоръ же былъ слишкомъ быстръ, любилъ свободу и любилъ пошалить. Меланія, какъ дѣвица, занималась усидчиво. У нея была компаніонка, погодка, Ксенія Кивлицкая, дочь поручика Евдокима Кивлицкаго, за ученіе которой родители мнѣ платили ничтожную по теперешнему времени цѣну—3 рубля, при томъ она имѣла у насъ и столъ, кромѣ ночлега; въ весеннее-же время я занимался меньше, потому и имѣлъ большую страсть къ пчеловодству, но на первыхъ порахъ я ограничивался небольшимъ количествомъ, рѣдко болѣе полутора десятка пней, но за то я сидѣлъ за каждымъ ульемъ по нѣсколько минутъ, всматриваясь, какъ пчела трудолюбиво работаетъ. Между тѣмъ я не отставалъ и отъ садоводства, постоянно насаждая дички весною, а также обсаживалъ окранны сада лѣсными деревьями: липками, калинами, рябиною и пр., и также кустами крыжовника, красной смородины и малины. Деревья липъ, кленовъ, орѣховъ и проч. посадки теперь свидѣлствуютъ о моихъ трудахъ и даютъ защиту и тѣнь саду, а плодовые деревья производятъ плоды. Многія изъ нихъ уже устарѣли, а инныя совершенно высохли и вырублены—время свое беретъ! Я исподоволь занимался своими вышеозначенными дѣтьми; затѣмъ подросталъ Василій. Нужно было и его учить, но я мало имъ занимался, поручивъ его діакону Михайловской церкви, о. Андрею Слѣсаревскому, который также занимался и прочими сельскими дѣтьми. Такъ какъ въ школу было довольно далеко ходить, то я къ этому приспособилъ пономаря моей церкви, Игната Рубановскаго; но страшный лѣнтяй пономарь продѣлывалъ такія штуки: зимою ближайшая дорога въ школу была черезъ ледъ

И вотъ онъ, взявъ Васи́лія за руку, нарочно введетъ его въ ополонку. Въ такомъ видѣ оба они прибѣгаютъ съ плачемъ, рассказывая, что на льду на нихъ набросились собаки, и они, убѣгая, попали въ ополонку. Приходилось поэтому отсылать ихъ лошадей, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока они сами не изъявили желанія ходить пѣшкомъ, собственно для того, чтобы побольше выиграть свободнаго времени для прогулки. Впрочемъ Васи́лій учился хорошо, Николай же былъ еще малъ, да и мать его сильно баловала, до двухъ почти лѣтъ кормила грудью, потому что, какъ только попробуетъ отнять его отъ груди, онъ заболѣвалъ, и она опять принималась кормить. Наконецъ, онъ до того ей наскучилъ своей неотвязчивостью, что она отняла его отъ груди, должна была скрываться и болѣе недѣли не показываться на глаза. Мы должны были, особенно нянька, его обманывать, убѣждая, что „мама уѣхала за гостинцами и уже прислала ему бубликовъ, кренделей и пряниковъ“, мать же скорѣе убирается, пожалуй, хоть на печь, чтобы онъ ея не увидѣлъ.

Въ это время нужно было подумать уже и о Черниговѣ, чтобы замѣстить старшаго сына Александра въ уѣздное духовное училище. Дѣло скоро уладилось. Послѣ каникулъ я отправился съ нимъ въ Черниговъ и помѣстилъ его вмѣстѣ съ сыномъ Синявскаго священника Александра Волковича на одной квартирѣ, въ домѣ Мелейши, за семинаріей, ближе къ семинаріи. Я уполномочилъ старшимъ бывшаго уже въ высшихъ классахъ семинаріи своего односельянина, сына дьячка. Ученіе шло хорошо, и я съ матерью радовались. Мать не пропускала случая, чтобы не послать какихъ-нибудь домашнихъ гостинцевъ, а я злотъ или двугривенный, на который въ то время можно было приобрести вдвое болѣе съѣдобнаго, чѣмъ въ нынѣшнее время. Кромѣ того, или я, или мать каждую третью ѣздили въ Черниговъ, собственно для свиданій. На слѣдующій годъ съ каникулъ отвезли и Фе-

дора въ Черниговъ, и, благодаря Бога, они съ Александромъ въ наукахъ не отставали отъ прочихъ, напротивъ, еще болѣе преуспѣвали, а также въ поведеніи дурныхъ привычекъ не имѣли. На нихъ никто изъ учителей и учениковъ не жаловался.

Ученіе въ уѣздномъ училищѣ было устарѣлое. Монахъ Платонъ заправлялъ всѣмъ, назначалъ квартиры репетиторовъ, посѣщалъ квартиры..., а въ методѣ ученія мало было толку: кто только хотѣлъ прилежно учиться, тотъ немного понималъ, а другіе проходили классы или на серебряныхъ колесахъ, или по протекціи. Такъ иногда оканчивали и полные курсы семинаріи. За то и хорошіе ученики нерѣдко за самыя малые проступки были вовсе выгоняемы по капризамъ смотрителя, инспектора или кого-нибудь изъ учителей. Но тогда было хорошо: такой выгнанный, прослуживъ года два-три діакономъ, посвящался въ іереи, что впоследствии совершенно прекратилось, а теперь и немыслимо, хотя въ тогдашнее время семинарію оканчивало душъ 50—60 и болѣе, а въ настоящее—душъ восемьдесятъ. Многіе изъ исключенныхъ поступали въ нѣжинскій лицей и выходили отличными учениками.

Въ сороковыхъ годахъ уже и Василиій поступилъ въ уѣздное училище. Это было или въ 1844-омъ, или въ 1845-омъ году. У насъ образовались новыя штаты для полученія жалованья. Моя Городищенская Николаевская церковь была причислена къ Городисской Михайловской церкви и оставлена безъ жалованья. Такихъ случаевъ много было, и консисторія, согласно присланному проекту, дѣлала свои распоряженія и росписанія. Узнавши объ этомъ изъ письма архіерейскаго докладчика, я началъ хлопотать, думая какъ-нибудь успѣть въ Черниговѣ. Были за меня и ходатаи, но ничто не помогло, хотя я за смертью священника Григорія Миславскаго, благочиннаго, и былъ утвержденъ благочиннымъ на его мѣсто. Секретарь тогдашній, Поповскій, на отрѣзъ отказалъ, сказавъ, что никакія ходатайства не по-

могутъ, такъ такъ списки, составленные о церквяхъ, написаны на бѣло, подписаны членами и будутъ отосланы въ Нѣжинъ на утвержденіе преосвященнаго Павла.—На слѣдующій день, такъ какъ преосвященный былъ въ отъѣздѣ на обзорѣніи епархіи и велѣлъ при отъѣздѣ отослать бумаги туда для утвержденія, а потомъ для отправки въ Св. Синодъ, я, ни мало не медля, написалъ письмо Антону Теофилактовичу Бородахъ, изложивъ всѣ обстоятельства приписки церкви и всѣ свои хлопоты въ Черниговѣ, зная его теплое отношеніе къ церкви, а также ко мнѣ, и просилъ его принять живѣйшее участіе и похлопотать въ Св. Синодѣ. Письмо мое имѣло благотворное дѣйствіе, такъ какъ Бородахъ имѣлъ ходы къ вліятельнымъ людямъ и сановникамъ. Онъ тотчасъ же обратился съ ходатайствомъ, а тутъ прошеніями приписныхъ церквей былъ заваленъ Синодъ. Черезъ мѣсяцъ я получилъ отъ него радостное извѣстіе, въ которомъ онъ мнѣ описывалъ свое ходатайство у оберъ-прокурора Протасова и даже митрополита, увѣдомивъ меня, что церковь Городисская Николаевская оставлена въ шестомъ штатѣ, съ уменьшеніемъ жалованья со 120 р. на 94 рубля серебр. въ годъ. Онъ сообщилъ, что своимъ ходатайствомъ онъ много помогъ и прочимъ приписнымъ церквямъ. Узнавши о моемъ письмѣ, преосвященный Павелъ лично меня требовалъ къ себѣ въ Черниговъ, и я ему представилъ письмо. Онъ чрезвычайно остался доволенъ моею перепискою, потому что, какъ видно, онъ самъ не любилъ переписки съ синодальными членами. Онъ даже спросилъ меня, что труднѣе всего писать? Я задумался, а онъ сказалъ: „мнѣ особенно трудно писать письма по важнымъ дѣламъ или случаямъ. Здѣсь нужны большое умѣніе и осторожность писать и не прописаться“. Такъ это имѣло большое вліяніе на осѣдлость моей семейной жизни, такъ какъ я думалъ въ случаѣ неудачи проситься въ полкъ священникомъ, для чего собралъ уже свѣдѣнія, къ кому нужно обратиться съ такимъ прошеніемъ. Когда я сказалъ о семъ преосвященному, онъ не одобрилъ моего намѣренія, ска-

завъ: „съ такимъ семействомъ, какъ у тебя, трудно таскаться, оставить же семью на мѣстѣ тоже невыгодно, лучше же всего дорожить однимъ мѣстомъ, тѣмъ болѣе, что ты имѣешь собственность, хотя и небольшую.“ Во это время я былъ уже благочиннымъ и былъ, можно сказать, близокъ къ архіерею.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ФЕОДОРА КИСТЯКОВСКАГО.

(1807—185... г.).

(Окончаніе)¹⁾.

Такъ протекало время нашей жизни въ пастырскомъ моемъ служеніи и семейномъ быту до 1845 года. Въ этомъ году умеръ благочинный Миславскій, съ которымъ я при жизни былъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ. И вотъ онъ, будучи съ іюля мѣсяца боленъ послѣ апоплексическаго удара, постоянно обращался ко мнѣ для исправленія его должности и отписки нужныхъ бумагъ. Затѣмъ, когда въ декабрѣ мѣсяцѣ предстояла годовая отчетность и пріемъ свѣчной и прочихъ суммъ отъ подвѣдомственныхъ ему церквей и причтовъ, то при явкѣ моей къ нему въ половинѣ декабря, онъ просилъ меня написать рапортъ въ Сосницкое Духовное Правленіе, тогда еще существовавшее, отъ котораго зависѣли всѣ церкви и ихъ причты и всѣ дѣла по нимъ. Рапортъ содержалъ въ себѣ порученіе мнѣ должности благочиннаго для исправленія и сдачи годовыхъ отчетовъ въ оное Правленіе, а послѣднимъ въ Черниговскую Духовную Консисторію. По заведенному порядку я написалъ рапортъ, ввелъ его въ реестръ исходящихъ бумагъ. Послѣ подписанія его благочиннымъ я проставилъ номеръ и число отправки, законвертовалъ его и запечаталъ, а самъ выѣхалъ въ Городище. На другой день къ Миславскому прибылъ священникъ Георгій Базилевичъ

¹⁾ См. „Кіевск. Стар“. 1895 г., № 11.

и, увидѣвъ мой рапортъ, сталъ разспрашивать, что это за бумага? Миславскій долго не хотѣлъ ему рассказать содержанія рапорта, и это Базилевича всполошило, хотя ему должности благочиннаго нельзя было поручить вслѣдствіе нахождения подъ судомъ и строгимъ надзоромъ благочиннаго. И вотъ онъ разорвалъ конвертъ и сказалъ: „позвольте написать рапортъ въ болѣе обширномъ смыслѣ“; при написаніи онаго онъ употребилъ терминъ: „поручить исправленіе должности свящ. Кистяковскому или кому-нибудь изъ достойнѣйшихъ“. Я было отказался отъ приѣма отчета и сдачи онаго, но, видя, что этимъ я еще болѣе потревожу больнаго, принялъ всѣ годовые отчеты частію въ его домѣ, а частію въ Городищѣ. Доставивши таковые въ Сосницкое Духовное Правленіе и сдавши при оныхъ свѣчную сумму и проч., я по предложенію членовъ остался въ Сосницѣ, съ тѣмъ, что члены соберутся въ послѣобѣденное время въ Правленіи и выдадутъ мнѣ указъ на исправленіе должности.

Однако узнавши объ интригахъ противъ меня нѣкоторыхъ чиновъ, я поспѣшилъ выѣхать, все время находясь въ ожиданіи, чѣмъ кончится ихъ затѣя. Прошелъ весь январь мѣсяцъ, а въ февралѣ я получилъ отъ Базилевича такого рода предложеніе: Богу, дескать, было угодно посѣтить болѣзнію нашего добраго начальника, а начальству поручить исправленіе его должности мнѣ, Базилевичу. Объ этомъ велѣно посылаемому дьячку первому передать мнѣ. Я тутъ же написалъ такого рода отвѣтъ, что не Богу и не начальству угодно было поручить исправленіе должности свящ. Базилевичу, а члену правленія и письмоводителю, которые интриговали противъ меня, а потому я не обязанъ исполнять никакихъ распоряженій свящ. Базилевича. Дьячокъ мой ахнулъ: „Что вы это написали?“ — „То, что знаю... Неси по вѣдомству.“ Онъ поспѣшилъ обратно, а я поѣхалъ въ Черниговъ заявить Преосвященному Павлу. Онъ давно уже былъ недоволенъ дѣйствіями Правленій, особенно Сосницкаго, и сдѣлалъ уже представленія въ Св. Синодъ. Между тѣмъ онъ, не желая вести официальной переписки чрезъ Консисторію, велѣлъ докладчику написать письмо письмоводителю Цономареву, что за противозаконныя дѣйствія онъ предастъ ихъ суду. Вскорѣ членъ

Чернявскій прислалъ мнѣ письмо, прося пріѣхать въ Сосницю. Я поѣхалъ туда. Встрѣтившій меня на рынкѣ Первоприсутствующій Бѣловскій сталъ сначала меня упрекать, что я надѣлалъ имъ бѣды. Я отвѣтилъ: „Вы сами виноваты, потому что дѣйствуете, какъ вамъ захочется“. Тутъ онъ почти съ просьбой обратился ко мнѣ, чтобы я былъ въ 10 часовъ въ правленіи, чтобы принять книги для разсылки по вѣдомству, листы печатные для книгъ и указъ на исправленіе должности. Въ полученіи всего этого мнѣ надо было расписаться, что имъ всего болѣе и нужно было для скорѣйшей отсылки Его Преосвященству при рапортѣ. Базилевичъ же поспѣшилъ извѣстить рапортомъ, что онъ по болѣзни не можетъ исправлять должности. Этого ему совсѣмъ не надо было дѣлать, но ему хотѣлось, чтобы хоть въ послужномъ спискѣ значилось, что ему поручаемо было исправленіе должности благочиннаго. Впослѣдствіи возникло много непріятныхъ дѣлъ вслѣдствіе неспокойнаго и ябедническаго характера Базилевича: онъ не только самъ постоянно мнѣ противодѣйствовалъ, но побуждалъ къ этому и другихъ священниковъ. Онъ своимъ орудіемъ избралъ священника Ермолая Чикилевскаго, но всѣ ихъ козни никогда не имѣли желаннаго успѣха. Между тѣмъ я продолжалъ исполнять должность благочиннаго съ рвеніемъ и охотою и вскорѣ увидѣлъ, что всѣ мои недоброжелатели стали склоняться на мою сторону, исключая только двухъ священниковъ Базилевича и Чикилевскаго. Впрочемъ, послѣдній скоро сдѣлался даже моимъ пріателемъ, но только по наружному виду.

Съ утвержденія меня благочиннымъ вскорѣ послѣдовало назначеніе жалованья причтамъ, и мое благосостояніе начало устраиваться къ лучшему. Въ 1845 году я задумалъ строить вновь домъ, а такъ какъ лѣсъ находился у меня въ запасѣ, то я договорилъ подрядчика за 150 р. серебромъ и съ помощью Божіею выстроилъ домъ, въ которомъ и нынѣ проживаю. Мнѣ помогло то, что я получалъ жалованье по книгѣ и раздавалъ причтамъ по третямъ ихъ жалованье. Каждая треть доставляла мнѣ дохода до 70 рублей, что, при трудахъ моихъ хозяйственныхъ и при жалованіи въ 92 р., являлось достаточнымъ обезпеченіемъ для меня съ семействомъ. У меня въ церковной риз-

ницѣ всегда хранилось остаточныхъ денегъ до конца года около тысячи рублей отъ некомплекта причтовъ и отъ вычетовъ по 2 коп. сер. съ рубля отъ каждаго причта; сдавались эти деньги въ началѣ слѣдующаго года вмѣстѣ со сдачею книги и приложеннаго при ней отчета. Это дѣлать по установленной формѣ было затруднительно, но я всегда сдавалъ удачно, пользуясь добрыми помощниками и въ консисторіи расположеннымъ ко мнѣ помощникомъ секретаря, Алексѣемъ Сильвестровичемъ Митькевичемъ, и донинѣ занимающимъ эту должность. Такимъ образомъ, я, оставшись на ночь, переписывалъ исправленный отчетъ. Кромѣ того, мнѣ помогали собственныя дѣти, сначала Александръ, потомъ и Федоръ, а къ концу моего благочинія—Василій и Николай съ Павломъ. Одинъ разъ только мнѣ случилось со сдачею затрудненіе. Кажется, въ 1850 году я принялъ отъ церквей болѣе, нежели на 40 руб. платины, ходившей тогда по 3 рубля серебромъ; отчетъ же мнѣ пришлось сдать гораздо позднѣе, чѣмъ въ прежніе годы, когда я сдавалъ его обыкновенно въ послѣднихъ числахъ января. Медленность моя произошла вслѣдствіе того, что Преосвященный уничтожилъ благочиніе Феськовское и прибавилъ мнѣ 10 церквей; вслѣдствіе этого мнѣ пришлось имѣть дѣло съ 26 церквями. Казначей, принимая деньги, отложилъ платину, сказавъ, что еще вчера ее можно было принимать, съ сегодняшняго же дня обращеніе ея прекращено: даже купцы теперь не примутъ. На мое счастье, у меня въ запасѣ были серебро и билеты, и я пополнилъ недостающую сумму. Получивъ квитанцію, я бросился въ Казенную Палату, Казначейство, но тамъ вездѣ прибиты объявленія о томъ, что пріемъ платины прекращенъ. Я бросился къ Цвѣту ¹⁾, и онъ меня утѣшилъ, сказавъ, что теперь платины за товаръ онъ принять не можетъ, т. е. за это долженъ отвѣтствовать. „Вотъ вы продержите—сказалъ онъ—эти деньги не болѣе мѣсяца: я спишусь съ москвичами и приму ваши деньги, можетъ быть, въ вашемъ домѣ, потому что мнѣ необходимо быть въ Стольномъ и Синявкѣ“. Такъ и случилось. Петръ Николаевичъ Цвѣтъ былъ женатъ на Даниловичевой изъ Стольнаго, а по ея смерти ему посовѣтовали посватать дѣвицу Оришкевичеву изъ Синявки. Съ

¹⁾ Известный торговецъ въ Черниговѣ.

этой цѣлю снѣ и отправился въ наши мѣста и, заѣхавъ ко мнѣ въ домъ, забралъ платину, уплативъ за нее серебромъ по стоимости.

Послѣ сдачи отчетовъ я отправился провѣдать дѣтей, которыя, къ моему удовольствію и счастію, успѣвали въ наукахъ и уже уменьшали мои расходы, сами имѣя учениковъ. По пріѣздѣ изъ Чернигова я отдыхалъ, пока не начнутся дѣла. Меня болѣе всего затрудняли указы о назначеніи слѣдствій: волей-неволей приходится ѣхать въ другое благочиніе и тамъ просиживать иногда цѣлую недѣлю, пока дождешься депутата, пристава и покончишь дѣло. Такихъ случаевъ бываетъ до десяти въ годъ. Помимо того, что они непріятно дѣйствовали на здоровье, и домашнее хозяйство отъ того терпѣло большой ущербъ. Въ настоящее время эти слѣдствія бывають рѣже, да къ тому же они чаще всего поручаются помощнику благочиннаго или депутату духовному; такихъ депутатовъ въ каждомъ благочиніи по одному, а въ болѣе обширныхъ и по два; въ мое же время они служили только сотрудиниками и помощниками благочинныхъ при производствѣ слѣдствій. Кромѣ того, еще каждый мѣсяць была подаваема при рапортѣ вѣдомость объ исполненныхъ указахъ и о неисполненныхъ съ объясненіемъ причинъ неисполненія. Большею частью въ отвѣтъ приходилось писать: „за неявкой депутата съ гражданской стороны“.—Между тѣмъ каждый годъ съ наступленіемъ лѣта нужно было ожидать проѣзда Преосвященнаго для обозрѣнія церквей, и въ каждый проѣздъ непременно посѣщенія нашего дома въ Городницѣ. Однажды при выѣздѣ изъ Чернигова онъ обѣдалъ и ночевалъ въ Седневѣ въ домѣ Лизогубовъ. Выѣзжая по утру оттуда, онъ избралъ совсѣмъ непроѣздный путь чрезъ Бегачь вмѣсто Березнаго на Сахновку, а оттолъ въ Городище на обѣдъ и ночлегъ. Когда Андрей Ивановичъ Лизогубъ спросилъ Преосвященнаго, отчего это онъ никогда не минаетъ Городища, онъ отвѣтилъ: „тамъ радушный хозяинъ священникъ; у него сухой домъ, и я всегда тамъ съ удовольствіемъ провожу назначенные мною часы и даже ночлегъ“. Я долженъ былъ провожать его чрезъ все благочиніе, чрезъ Мѣну или Осьмаки, въ Максаковский Дѣвичій Единовѣрческій старообрядческій монастырь, гдѣ случалось проживать дня

по два. Онъ тамъ постоянно служилъ съ приглашенными изъ другихъ монастырей старообрядческими священниками и благочиннымъ Арсеньевымъ, высланнымъ изъ московскаго кладбища и судившимся, но по ходатайству брата поселеннымъ въ Новозыбковѣ. Здѣсь онъ принялъ наружное единовѣріе, сдѣлался благочиннымъ и протоіереемъ и былъ уважаемъ раскольниками въ высшей степени. — Здѣсь перемывалось и сушилось бѣлье Преосвященнаго, гладилось и прибавлялось новое. Обѣды были великолѣпныя. Винъ за столомъ было довольно, но пились они украдкою; непременно шампанское за здоровье его Преосвященства. Послѣ обѣда и непродолжительнаго отдыха непременно совершалась проходка кругомъ монастыря за оградю, т. е. монастырь построенъ на высокой земляной насыпи среди луговъ и озеръ. Строителемъ его былъ каштелянъ воевода Носовскій. Въ монастырѣ есть его портретъ во весь ростъ въ малороссійскомъ кунтушѣ при саблюкѣ. Мы обходимъ одинъ разъ, и я непременно долженъ былъ сопровождать его и закрывать отъ вѣтра воротникомъ рясы его уши. Возвратясь изъ монастырь, мы заходили въ келію проживающаго тамъ петербургскаго купца Вялова, гдѣ насъ угощали уже приготовленнымъ чаемъ. Преосвященный, выпивши чашку, тотчасъ отправлялся со своимъ келейникомъ въ свою келію и, уходя, говорилъ: „архимандритъ, благочинный и г. приставъ у васъ выпьютъ по пуншу“. Купецъ кланялся въ поясъ, говоря: „очень рады, святой владыко! Только пріятно бы было, если бы вы выпили рюмочку винца“. Владыка соглашался и выпивалъ рюмочку малаги. Тогда мы были угощаемы пуншемъ съ петербургскимъ ромомъ и хорошимъ виномъ, доставленными на сей случай изъ Петербурга съ разными другими пожертвованіями для монастыря. Впослѣдствіи Вяловъ былъ переведенъ въ Покровскій мужской единовѣрческій монастырь, гдѣ и постриженъ въ монахи. Онъ былъ, должно быть, скопецъ или другой касты, такъ какъ его болѣзненное лицо доказывало это. Послѣ пребыванія въ монастырѣ я долженъ былъ проводить благочиннаго до первой церкви въ борзенскомъ уѣздѣ, гдѣ его встрѣчалъ тамошній благочинный, а я, получивъ благословеніе, возвращался въ свое благочиніе. Проѣхавши чрезъ Мѣну я,

останавливался въ своей обычной резиденціи, гдѣ случалось день или два вести разгульную жизнь; но все же я чуждъ былъ траты денегъ или карточной игры, чего я боялся какъ огня. Послѣ этого я возвращался въ Городище и отдыхалъ, занимаясь хозяйствомъ, пока не случится какого-либо слѣдствія или залежавшагося дѣла по благотчинію. А тутъ скоро предстояло время отправки дѣтей послѣ каникулъ въ Черниговъ, потому что проѣздъ Преосвященнаго приходился чаще всего въ началѣ іюля или въ началѣ Августа.

Для отправки дѣтей нужно было заготовлять харчи, муку и проч. Все это въ рабочее время расходовалось быстро, и, хотя и была своя мельница, но по безвѣтрію часто случался недостатокъ. Прежде я всегда самъ отправлялся съ дѣтьми въ Черниговъ, но теперь, когда Александръ и Федоръ находились въ высшихъ классахъ и сами стали заниматься репетиціями, мнѣ нерѣдко не было никакой надобности самому ѣхать въ Черниговъ. Однако спустя полъ-мѣсяца я отправлялся въ Черниговъ, такъ какъ нерѣдко нужно было явиться къ Преосвященному или похлопотать къ Консисторіи по случавшимся дѣламъ, а также снабдить меньшихъ дѣтей сапогами и повезти гостинцы, приготовленные матерью и сестрою, всегда уже заботящимися объ этомъ при моемъ выѣздѣ.

Въ это время я началъ затрудняться должностію благотчиннаго вслѣдствіе разстроеннаго здоровья. Черезъ годъ я лѣтомъ заболѣлъ лихорадкой, впослѣдствіи превратившейся въ горячку. Въ это время мой сынъ Александръ окончилъ университетъ и, прибывъ домой, спасъ меня отъ болѣзни. Онъ сейчасъ же поѣхалъ въ Березное и привезъ тамошняго доктора Васильевского, который, осмотрѣвши меня, сейчасъ же приказалъ поставить пивки къ вискамъ и къ затылку, приставилъ ко мнѣ фельдшера и прислалъ лѣкарства. Его за все это благодарилъ Александръ. Послѣ того я проболѣлъ еще съ недѣлю, а затѣмъ всталъ съ постели. Въ это время Александръ уѣхалъ въ полтавскую губернію къ помѣщику Маркевичу для занятій съ его сыномъ, желавшимъ поступить на юридическій факультетъ.

Въ 1852 году заболѣлъ священникъ Архангело-Михайловской церкви о. Іоаннъ Антоновичъ. Это былъ строгій исполнитель своихъ священническихъ обязанностей, суровый, трезвый и безкорыстный, требовавшій отъ прихожанъ также нравственной жизни. По своему суровому характеру онъ не сумѣлъ повестъ дѣлать, однако сдѣлалъ много хорошаго по приходу. У него съ 7 лѣтъ и мальчики, и дѣвочки непременно изучивали всѣ первоначальныя молитвы и Символъ вѣры, безъ каковыхъ познаній никто не могъ свободно приступить къ исповѣди, а также быть воспріемникомъ. Вслѣдствіе этого многіе прихожане его не любили; особенно нелюбовью онъ пользовался среди любившихъ разгульную жизнь, а такихъ въ то время было очень много; люди же доброй жизни и хорошіе хозяева любили и уважали его и пользовались его симпатіями. О. Іоаннъ по природѣ былъ и плотникъ, и столяръ, и мельникъ, и птицеловъ, рыболовъ и охотникъ играть въ карты, хотъ по цѣлымъ ночамъ, но не на деньги. Онъ любилъ у себя принимать только пріятныхъ ему людей, роскоши не любилъ, но жилъ въ достаткѣ и готовъ былъ всѣмъ подѣлиться съ тѣмъ, кто ему прійдется по сердцу; а если кого не влюбить, хотя бы изъ прихожанъ, то старается не имѣть съ тѣмъ никакихъ сношеній, вслѣдствіе чего ему часто приходилось терпѣть неудовольствіе и даже обиды. Ко мнѣ онъ былъ очень расположенъ, особенно послѣ назначенія меня благочиннымъ. Онъ готовъ былъ мнѣ помочь во всемъ: придетъ, бывало, ко мнѣ, увидитъ какую-нибудь неисправность, — и сейчасъ же исправить или возьметъ на домъ къ себѣ. Или, увидѣвъ у меня на диванѣ старую обивку, смѣряетъ, поѣдетъ въ Березное, купитъ новаго ситцу и въ мое отсутствіе сдеретъ съ дивана старую матерію и обтянетъ новой, сказавъ моей женѣ, что пану благочинному не подобаетъ такой диванъ старый держать. Точно также онъ исправитъ остановившіеся часы, поломанный стулъ, самоваръ, вообще все, что увидитъ неисправнымъ, при томъ безъ всякаго вознагражденія, о чемъ и слышать не хотѣлъ. Въ вышеозначенномъ году, когда онъ заболѣлъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, я увидѣлъ, что болѣзнь его серіозная. Онъ простудился, выѣхавъ, лодкою рано на рѣку за ловлею рыбы, вытрушивая

снаряды, поставленные съ вечера, часто получая по полпуда карасей, хотя и небольшихъ, но чрезвычайно вкусныхъ. Постѣщая его, я замѣтилъ, что болѣзнь его сильно развивается и при томъ съ опасностью для жизни. Я ему совѣтовалъ обратиться къ доктору, но онъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Узналъ я случайно, что въ Низковку прибылъ изъ Кіева докторъ, кажется, Слободзинскій. Я нарочно поѣхалъ къ нему, рассказалъ ему свойства болѣзни о. Антоновича со всѣми подробностями. Онъ сказалъ, что у больного воспаленіе, при которомъ вслѣдствіе преклоннаго возраста онъ не долго проживетъ. Впрочемъ онъ далъ пилюль, сказавъ, какъ ихъ принимать, и общалъ проѣздомъ изъ Низковки чрезъ Городище заѣхать посмотриѣть; но онъ не заѣхалъ, а оставилъ еще коробку пилюль въ расправѣ. Между тѣмъ многіе изъ священниковъ, узнавши о безнадежномъ положеніи о. Антоновича, пожелали занять его мѣсто, и, когда Преосвященный чрезъ городничій уѣздъ возвращался послѣ обозрѣнія епархіи и остановился въ селѣ Бегачѣ на обѣдѣ у князя Кекѹатова, они подали прошенія о предоставленіи за смертію свящ. Антоновича занимаемаго имъ прихода. Въ числѣ подавшихъ былъ и Дмитрій Прокоповичъ. Преосвященный, хотя и принялъ прошенія, но объявилъ, что до полученія рапорта о смерти резолюціи не положить. Когда же Преосвященный возвратился, то родственникъ Антоновича Іоаннъ Миславскій, священникъ села Степановки, по вызову родной тетки жены Антоновича явился въ Городище, въ домъ его, гдѣ по обоюдному соглашенію составили условіе и прошеніе къ Преосвященному объ уступкѣ прихода и о желаніи Миславскаго перемѣститься на Городисскій приходъ. Это все дѣлалось въ тайнѣ отъ меня, однако я все это зналъ, но мѣшать не хотѣлъ, зная, что это все поведетъ къ большому раздору, а потому предоставилъ все это дѣло времени, надѣясь на Бога и Преосвященнаго, при моемъ большемъ семействѣ и небогатомъ приходѣ и состояніи. Послѣ выѣзда изъ Городища Миславскаго, я на другой день отправился въ Черниговъ. Прибывши туда и переночевавши, я посиѣдилъ въ Троицу, гдѣ узналъ отъ докладчика, что Миславскій уже подалъ прошеніе и за него лично ходатайствовалъ архимандритъ,

но Преосвященный оставилъ его прошеніе на столѣ безъ резолюціи. Тотчасъ же было доложено о прибытіи благочиннаго Кистяковскаго. Онъ велѣлъ лично явиться. Когда я вошелъ въ приѣмную залу, онъ долго не обращалъ на меня вниманія, стоя лицомъ къ столу, на которомъ лежали бумаги. Все это время я стоялъ у порога. Когда онъ обернулся, я поклонился, а затѣмъ приступилъ получить благословеніе и подалъ прошеніе. Онъ долго смотрѣлъ на меня. У меня сильно катились по лицу слезы. Тогда онъ сказалъ: „опоздалъ! Я уже отдалъ приходъ Миславскому“. Я заплакалъ почти навзрыдъ. Онъ улыбнулся, потому что я почти ничего не могъ говорить и тутъ же мнѣ сказалъ: „Поѣзжай въ домъ, никого здѣсь ни о чемъ не проси и не заходи въ архимандриту“. Я поклонился въ ноги, получилъ благословеніе и вышелъ. Я отправился на квартиру. Дѣти уже вышли изъ класса. Пообѣдавши, я тотчасъ же выѣхалъ изъ Чернигова, поручивъ сыну Александру на другой день узнать резолюцію и извѣстить меня письмомъ.

Вечеромъ я уже былъ дома въ семействѣ. Помню, покойница нянчилась въ Владиміромъ, мальчикомъ одного года, слабенькимъ, но быстрымъ и уже много понимавшимъ. Поговоря съ покойницей о всемъ случившемся и не отчаиваясь въ полученіи прихода, мы улеглись спать. На утро, когда мы еще спали, явился пономарь, съ крикомъ: „уже благочинный Михайловскій священникъ. Попадья плачетъ. Миславскій за полночь заѣхалъ сказать и скоро опять уѣхалъ въ Степановку“. Поутру я отправился навѣстить о. Іоанна, взявъ 5 хлѣбовъ булокъ и 5 лимоновъ. Когда я вошелъ въ его комнату, гдѣ больной лежалъ, онъ обернулся и, увидѣвши меня, едва слышнымъ голосомъ началъ упрекать меня, что я номѣшалъ его родичу въ полученіи прихода. Тогда я въ свою очередь высказалъ ему, что Миславскій человѣкъ богатый, землевладѣлецъ, къ тому же имѣетъ въ пользованіи болѣе 40 десятинъ земли церковной; у него только двое сыновей, а у меня семь, при томъ и приходъ мой хуже Степановскаго, а состоянія и пятой части его вѣтъ. Къ тому же—говорилъ я—я человѣкъ здѣсь мѣстный, а онъ долженъ перемѣщаться. Такимъ образомъ я ни въ чемъ вамъ

не повредилъ. Миславскій искалъ не столько мѣста, сколько вашего состоянія, и онъ бы былъ не въ пользу, а въ тягость вашему семейству, тогда какъ они, управляя сами своимъ состояніемъ, вдвоемъ могутъ прожить безбѣдно, ни отъ кого не завися“. Видя, что онъ замолчалъ, я вышелъ изъ комнаты. Хотя онъ и просилъ забрать свой хлѣбъ, но я сказалъ, что хлѣба никто не цурается. Такъ прошло дней пять. Я служилъ 20-го іюля, въ торжественный день, обѣдню. Послѣ утрени я вышелъ на цвинтаръ подышать хорошимъ воздухомъ, какъ вдругъ со двора о. Іоанна прибѣгаетъ его жена Ксенія и проситъ меня посѣтить ея мужа по его желанію. Я сказалъ: „я сейчасъ начинаю обѣдню, а потому по окончаніи ея и зайду къ вамъ. А у васъ, вѣрно,—замѣтилъ я смѣясь,—будетъ готовъ самоваръ?“ Она отвѣтила: „Непремѣнно приходите, т. к. отецъ Іоаннъ скучаетъ безъ васъ, и ему все хуже и хуже“. Когда я пришелъ и положилъ просфору, онъ немного приподнялся, велѣлъ подложить подушки и съ довольно радушнымъ видомъ сказалъ: „я теперь доволенъ, что вы получили приходъ, послѣ того, какъ обдумалъ всѣ обстоятельства родства. Трудитесь и не забывайте меня въ вашихъ молитвахъ. Ксенія,—обратился онъ къ женѣ—внеси мою лисью шубу. Вы возьмите ее навсегда себѣ, а женѣ и дочери дайте за нее 20 рублей. Кромѣ того, такъ какъ я чувствую себя плохо, то завтра пригласите священника духовника о. Петра Прокоповича и совершите таинство Елеосвященія.“ Тогда же я взялъ шубу, заплативъ за нее двадцать рублей серебромъ. На другой день мы съ Прокоповичемъ совершили Елеосвященіе, и о. Іоаннъ исповѣдывался у своего духовника и принималъ Святыхъ тайны, а 22-го іюля рано поутру онъ отошелъ въ вѣчность. Онъ не желалъ быть погребеннымъ на церковномъ цвинтарѣ близъ церкви, а просилъ похоронить его на общемъ кладбищѣ, близъ часовеньки, гдѣ похоронена моя дочка Марія. Такимъ образомъ я, послѣ двадцати-трехлѣтняго служенія въ Николаевскомъ Городисскомъ приходѣ, поступилъ въ Михайловскій, гдѣ находилась чудотворная икона Божьей Матери. Этотъ приходъ моголюдиѣ душъ на 400, въ немъ и окладъ выше, и доходы значительно большіе, чѣмъ въ Николаевскомъ.

Однако всѣ мои дѣти родились въ бытность мою въ Николаевскомъ приходѣ, а именно послѣдній, Владиміръ, родился въ 1851 году. Онъ подавалъ большія надежды. Въ 10 лѣтъ онъ былъ уже въ Кіевѣ на иждивеніи и воспитаніи брата, доктора Федора, выѣхавшаго въ шестидесятихъ годахъ за границу на два года съ помѣщицей Чернолузской. Въ сіе время прибылъ изъ С.-Петербурга въ Кіевъ старшій сынъ Александръ для поступленія доцентомъ въ кіевскій Университетъ. Онъ засталъ Владиміра больнымъ тифомъ, и никакія усилія докторовъ не спасли бѣднаго юношу отъ смерти. Онъ похороненъ на кіевскомъ кладбищѣ недалеко отъ кладбищенской церкви, въ мѣстѣ, обсаженномъ деревьями. Всегда, когда я ѣду по желѣзной дорогѣ, то, подѣзжая къ Кіеву, съ благоговѣніемъ смотрю въ окошко на кладбище, гдѣ почиваетъ непробуднымъ сномъ дорогой много надеждъ подававшій юноша, такъ рано развившійся въ умственныхъ способностяхъ и познаніяхъ. Да будетъ ему вѣчная память со святыми!

Приходъ Михайловскій далъ мнѣ много больше средствъ къ улучшенію нашего семейнаго быта. Между тѣмъ скоро послѣ того Александръ окончилъ Богословіе и поступилъ въ кіевскій Университетъ при самыхъ скудныхъ средствахъ отъ меня, но, благодаря старанію своему и успѣхамъ, онъ мѣсяца черезъ два поступилъ на профессорское содержаніе, а затѣмъ и на полное содержаніе, уговаривая и брата Федора также поступить въ Университетъ. Тотъ, перешедши въ Богословскій классъ, подалъ прошеніе Министру Внутреннихъ Дѣлъ, съ представленіемъ аттестата объ успѣхахъ (онъ былъ въ числѣ первыхъ учениковъ) и прочихъ документовъ, о принятіи его въ число студентовъ кіевского Университета на приказъ общественнаго призрѣнія. Однако ему было отказано до будущаго года по множеству кандидатовъ, съ правомъ поступить. Тогда бумаги присланы были въ Черниговъ къ губернатору изъ министерства. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Александръ написалъ изъ Кіева, требуя немедленно въ Кіевъ брата Федора. Это было передъ праздникомъ Рождества Христова, и я, собравши нужное количество денегъ, 25 рублей сер., тотчасъ же отдалъ Федору. Бумаги изъ Черни-

гова были отосланы уже въ Сосницькій Земській Судъ для врученія мнѣ, а потому онъ безъ нихъ отправился въ Кіевъ, съ тѣмъ, что я съ Крещенія приѣду самъ въ Кіевъ и привезу присланные его документы. Мы предположили ѣхать совмѣстно съ о. Василиемъ Кизиловскимъ на моихъ лошадяхъ и въ моемъ экипажѣ, такъ какъ у меня были крытыя барскія сани съ открывающимъ верхомъ и фартухомъ. У меня была тройка добрыхъ лошадей. Когда я прибылъ, Кизиловскій уже выѣхалъ на нанятыхъ у еврея лошадяхъ, а потому я немедленно тоже отправился на Кіевъ и, доѣхавши до Краснаго, здѣсь ночевалъ, а на другой день, выѣхавъ пораньше, ночевалъ за Козельцемъ въ такъ называемыхъ тогда Калитинскихъ хуторахъ. Ихъ тогда было много, и они были прекрасно устроены по случаю тогдашней трактовой дороги Московской на Кіевъ. Теперь съ постройкой желѣзныхъ дорогъ всѣ постоянные дворы уничтожились и опустѣли, кромѣ изрѣдка встрѣчающихся еврейскихъ, но не въ томъ благоустроенномъ видѣ по случаю проѣзда дилижансовъ изъ Кіева на Черниговъ отъ частныхъ содержателей, да еврейскихъ халабудъ, привозящихъ изъ Кіева въ Черниговъ и обратно. По прибытіи въ Кіевъ, при вѣздѣ въ оный, меня много заинтересовалъ Цѣпной мостъ. Заплативши за проѣздъ предъ мостомъ, я всталъ изъ саней и пѣшкомъ прошелъ черезъ весь мостъ, удивляясь его великолѣпію, т. е. подобной постройки я никогда не видалъ. Онъ изумилъ меня своими каменными быками и желѣзными громадными цѣпами. Проѣхавши мостъ, мы увидали часовню, отъ которой вдоль Днѣпра, подъ кіевскими горами, шла дорога. Мы подѣхали къ Андреевской церкви, гдѣ насъ остановилъ жандармъ, заставляя ѣхать на Подоль. Однако, когда я ему далъ гривенникъ и спросилъ, какъ проѣхать къ Университету, онъ охотно указалъ намъ дорогу, мимо Десятинной церкви и Софіевскаго Собора. Проѣхавъ указаннымъ путемъ при разспросахъ, я наконецъ увидѣлъ громаднѣйшее зданіе Университета и, встрѣчая студентовъ онаго, сталъ нѣсколькихъ разспрашивать, и одинъ взялся меня проводить до самой комнаты, гдѣ я встрѣтилъ съ величайшей радостью сына моего любезнѣйшаго Александра. Послѣ радостнаго привѣтствія мы отпра-

вились на квартиру, гдѣ остановился о. Василій Кизилевскій, насколько помню, кажется у профессора Иванова, гдѣ и я остановился совмѣстно съ нимъ въ двухъ комнатахъ, а для лошадей была отведена конюшня. Такъ какъ я еще не видѣлъ сына Федора, и Александръ объявилъ мнѣ, что его раньше вечера увидѣть нельзя, такъ какъ онъ теперь готовится къ экзамену по нѣкоторымъ предметамъ, то мы остались побесѣдовать съ Василюмъ и его сыновьями, Михайломъ и Петромъ, заказавъ съ дороги самоваръ и закусивъ провизіей, привезенной изъ деревни. Напившись чаю, Александръ вмѣстѣ съ Кизилевскими ушелъ въ Университетъ, обѣщая прійти вечеромъ, чтобы совмѣстно отправиться на квартиру къ брату Федору. Въ назначенное время онъ пришелъ, и я велѣлъ заперчь лошадей. Поѣхавши на квартиру, мы застали Федора занимающимся приготовленіемъ къ послѣднему экзамену по математикѣ, назначенному на дому у профессора. Привѣтствуя радостно свиданіе и поговоривъ въ охоту, такъ какъ это былъ результатъ ихъ будущаго благоустройства, я передалъ имъ деньги въ количествѣ 50 рублей, вырученныя мною за проданную Архимандриту Иларіону Дудѣ всего за 90 рублей лисью шубу, доставшуюся мнѣ отъ священника Антоновича. Въ это время стояла контрактная ярмарка, конечно, много удивившая меня обиліемъ купечества и товаровъ, особенно въ контрактномъ домѣ. Мы прожили въ Кіевѣ дня четыре. Въ послѣдній день передъ отъѣздомъ мы осмотрѣли при университетѣ кабинеты древностей, что также доставило мнѣ величайшее удовольствіе.—Федоръ былъ принятъ въ число студентовъ Кіевскаго Университета. Все это споспѣшествовало моей радости. Мы выѣхали въ 3 часа и, поѣхавши верстъ тридцать, за Бровами въ довольно порядочномъ постояломъ дворѣ имѣли ночлегъ. Здѣсь я, подгулявши на радостяхъ, распеку о. Василю за его ухаживаніе за барынями, ѣхавшими въ Кіевъ къ инспектору Университета Вербицкому, къ зятю съ дѣвицею и тоже

барынею, матерью одного изъ Университетскихъ студентовъ. Онѣ ѣхали четверкою въ зимнемъ экипажѣ. На утро мы раньше выѣхали и ночевали за Козельцемъ верстахъ въ 30, а къ обѣду уже были въ Черниговѣ. Но о. Василій дулся и раньше пріѣхалъ въ Черниговъ. Я, отдохнувши въ квартирѣ дѣтей, поѣхалъ подъ вечеръ къ нему, предполагая ночевать въ Черниговѣ на постояломъ дворѣ, куда отправился сынъ мой Василій уже въ договоренный номеръ. Я велѣлъ ему заказать самоваръ и отправиться за братьями въ квартиру и привести ихъ на постоянный дворъ, чтобы вмѣстѣ напиться чаю и закусить. Но о. Василій удержалъ меня къ чаю, и мы помирились, съ нѣкоторымъ все же охлажденіемъ. Но къ выѣзду онъ сдѣлался до того добрымъ, что проводилъ меня до постоялаго двора, и мы сдѣлались по прежнему хорошими пріятелями. Прибывши въ номеръ, я послалъ взять кварту вина и полъ-штофа водки. Вино выпили дѣти съ двумя товарищами, а водку я съ хозяиномъ Степаномъ Калинычемъ и кучеромъ Киселемъ, почтенымъ прихожаниномъ. Тогда я велѣлъ запречь лошадей, чтобы прокатать дѣтей по городу и отправить ихъ на квартиру. Я отдалъ послѣднія нужныя имъ деньги, сказавъ, что на слѣдующій день я рано выѣду изъ Чернигова и не заѣду на квартиру, т. к. соскучился по семьѣ. Утромъ я рано выѣхалъ изъ Чернигова и часу въ первомъ дня былъ уже дома. Первый услышанный домашними отъ меня вопросъ былъ: „есть ли свадьбы?“, потому что мой кошелекъ совсѣмъ истощился. Мнѣ отвѣтили, что уже приходило паръ пять. Это значило, что я получу рублей 20, когда теперь въ томъ же приходѣ получается за такое количество 150 рублей серебромъ, да и всѣ вообще требы возвысились втрое, а въ общемъ итогъ впятеро. Изъ этого видно, что я всегда крайне нуждался въ деньгахъ, не покидая хозяйства и самостоятельно обрабатывая свои поля, а иногда беря въ аренду еще и чужіе участки. Правда, жизнь нашего двора такъ сложилась, что посѣтители были очень нерѣдки, и мы всегда съ

радушіемъ ихъ угощали, въ сравненіи съ другими городищенскими домами, такъ что одинъ изъ небогатыхъ дворянъ Степанъ Ивановичъ Бородуха, тогда уже пятидесятилѣтній старикъ, говорилъ: „такъ, какъ Вы, только одинъ герераль Бобиръ въ Стольномъ жилъ и принималъ гостей.“ Эти слова мнѣ вѣзались память. Приходъ мой изъ хозяйства наиболѣе способствовалъ моему расходу изъ хозяйства, и я имѣлъ свою вѣтрную мельницу, по тогдашнему времени изъ лучшихъ, имѣлъ такого же и мѣрошника, получавшаго третью мѣрку изъ помола, большого пьяницу; однако свое дѣло онъ зналъ лучше другихъ мѣрошниковъ, никому не испортилъ въ помолѣ зерна, а себѣ бралъ только слѣдуемое. За то заводу у него всегда было полно. Впрочемъ и мельницъ въ то время было вдвое меньше, да и то большею частью плохихъ. Мука преимущественно покупалась обильно на винокурни, коихъ до 45-го года было много, а лучшая мука покупалась полѣскими жителями, привозящими въ Синявку на торгъ по субботамъ свои деревянныя издѣлья: ведра, бочки, боченка и, лопаты, дежки, кодовбы, лубы, ящики и прочую древесную рухлядь. Тогда я почти каждую субботу или черезъ двѣ, не болѣе, вывозилъ возъ мѣшковъ съ мукою продавать, большею частью мѣшками пудовъ въ пять, тѣмъ же полѣсчукамъ и тогда на вырученныя деньги покупалъ бакалею для домашняго расхода, сахаръ, чай, кофе и нѣкоторые закуски. Купивъ все нужное, я возвращался домой, завозя съ собой нерѣдко гостей по приглашенію, чаще всего Столянцовъ. Посѣщеніе оканчивалось попойкой и закуской, а затѣмъ я отдыхалъ, приготовляясь къ предстоящему воскресному служенію. Денегъ за расходомъ въ торгу почти не оставалось, а иногда еще въ лавочкахъ забиралось въ долгъ до слѣдующихъ торговъ; если же надо что купить среди недѣли, то жена отправлялась къ краснорядцамъ. Я нерѣдко по субботамъ служилъ заупокойную литургію, такъ называемую сорокоустную. При большомъ сборѣ денегъ я отправлялся по

должности благочиннаго въ Черниговъ для удовлетворенія воспитывавшихся тамъ дѣтей, а также для закупки тамъ лучшихъ и болѣе дешевыхъ товаровъ, такъ что изъ года въ годъ я никогда не имѣлъ денегъ въ остаткѣ.

